СПБ. Вед. 1874. № 268.

ПЕТЕРБУРГЪ, 28-го сентября (10-го октября).

Недавно въ англійскихъ газетахъ появились извѣстія о происходящихъ въ настоящее время въ Коканѣ волненіяхъ, которыя грозятъ серьозными опасностями теперешнему коканскому владыкѣ, Худояръ-хану. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, результатомъ помянутыхъ волненій въ очень недалекомъ будущемъ окажется ниспроверженіе власти и, быть можетъ, гибель этого правителя, считающагося нашимъ дружественнымъ сосѣдомъ въ Туркестанскомъ краѣ. Послѣднее обстоятельство должно придавать ожидаемому паденію хана нѣкоторое особенное значеніе: такъ или иначе, паденіе это имѣетъ отношеніе къ нашей политикѣ въ Средней Азіи. Въ виду этого, мы полагаемъ, будетъ не излишнимъ ближе разсмотрѣніе причинъ и условій настоящаго движенія противъ Худояръ-хара и объясненіе тѣхъ слѣдствій, какія оно можетъ имѣть для насъ въ случаѣ вѣроятнаго успѣха.

Сущность теперешнихъ волненій въ Коканѣ заключается въ борьбѣ кочеваго киргизскаго населенія противъ жестокаго угнетенія коканскаго хана, деспотизмъ котораго достигъ невѣроятной степени, благодаря особенности его положенія, какъ сосѣда и союзника русскихъ. Коканскія власти возбуждали противъ себя негодованіе киргизъ еще до нашего прихода въ Туркестанскій край. Негодованіе это не разъ переходило въ открытыя возстанія, имѣвшія ожесточенный и кровавый характеръ. Нужно замѣтить, что Коканъ, въ началѣ со-

роковыхъ годовъ подпавшій подъ власть бухарскаго эмира, обязанъ своей самостоятельностью по преимуществу киргизамъ и кипчакамъ, возставшимъ, подъ предводительствомъ одного изъ начальниковъ послѣднихъ, дѣятельнаго и храбраго Мусульманъ-Кула. Мусульманъ-Кулъ въ 1842 году убилъ эмирова намѣстника въ Коканѣ, Ибрагима-Датху, возвелъ на ханскій престолъ Ширъ-Али, отца Худояръ-хана, и изгналъ бухарскія войска изъ Кокана. Раздраженный этимъ мятежемъ, эмиръ Насръ-Улла-Богадуръ ханъ, отецъ нынѣшняго владѣтеля Бухары, съ значительнымъ войскомъ осадилъ городъ Коканъ, но долженъ былъ отступить передъ силою и храбростью Мусульманъ-Кула. Черезъ три года послѣ этой неудачной попытки бухарскія войска снова вторглись въ Коканъ, подъ предводительствомъ Мурадъ-Бека. Послѣдній умертвилъ хана Ширъ-Али и завладѣлъ коканскимъ престоломъ. Торжество этого новаго властителя было однакоже кратковременно: черезъ семь дней послѣ похищенія власти онъ былъ казненъ все тѣмъ же Мусульманъ-Кулъ, который снова освободилъ Коканъ отъ бухарскаго нашествія и возвелъ на мѣсто убитаго властителя Кокана сына его, Худояръ-хана. Впослѣдствіи Мусульманъ-Кулъ породнился съ ханомъ, выдавъ за него дочь, и въ продолженіе восьми лѣтъ былъ дѣятельнымъ и важнымъ его пособникомъ, воздерживая его отъ насилій и угнетеній кочеваго населенія, и вообще благоразумно руководя Худояръ-хана въ его правленіи. Ханъ, однакоже, вообще косо смотрѣвшій на правительственную опеку своего тестя, заплатилъ самою черною неблагодарностью за его услуги: въ 1853 году онъ казнилъ Мусульманъ-Кула мучительной казнью. Смерть этого народнаго предводителя и вѣроломство Худояръ-хана произвели глубокое впечатлѣніе въ кочевомъ населеніи и снова разогрѣли въ немъ ненависть къ коканскимъ властямъ, начавшую было замолкать подъ вліяніемъ справедливаго и умнаго управленія Мусульманъ-Кула.

Между тѣмъ Худояръ-ханъ, избавившись отъ своего тестя, не только не обнаружилъ никакого стремленія къ смягченію народнаго раздраженія, но поспѣшилъ разжечь озлобленіе кочевниковъ самымъ жестокимъ деспотизмомъ, обнаруженнымъ теперь съ полною разнузданностью. Политика прежнихъ коканскихъ властителей возобновлена была Худояръ-ханомъ еще въ большей степени. Кочевое населеніе, имѣющее свои особыя права и обычаи, руководящееся управленіемъ по обычному праву, или по адату, насильственно начали подчинять шаріату. Беззаконные тяжкіе поборы опять сдѣлались административной системой. И не только кочевники подверглись угнетенію, но и на осѣдлое населеніе ханъ наложилъ свою деспотическую руку съ полною волей: онъ учредилъ откупъ на базарныя лавки, установилъ непомѣрные налоги съ съѣстныхъ припасовъ, со всякаго имущества, даже съ колючьки, собираемой для топлива. Робкое и апатичное осѣдлое населеніе терпѣло деспотизмъ хана почти безропотно, такъ какъ малѣйшій протестъ сопровождался жестокими казнями и преслѣдованіями; но кочевое, какъ болѣе энергическое, порой не выдерживало гнета и прорывалось постоянными возстаніями, которыя были подавляемы и приносили за собою кровавое возмездіе: Худояръ-ханъ приказывалъ вырѣзывать бунтующихъ киргизовъ и кипчаковъ, безъ всякаго суда, не только сотнями, но тысячами, такъ что, можно сказать, онъ обратилъ Коканъ въ лобное мѣсто.

Со времени покоренія русскими края Худояръ-ханъ не только не умѣрилъ жестокости въ управленіи, но, напротивъ, воспользовался съ чисто-восточной хитростью своимъ новымъ положеніемъ, какъ дружественнаго сосѣда русскихъ, для своихъ деспотическихъ и, въ концѣ-концовъ, намъ же враждебныхъ цѣлей. Первое время онъ очень дорожилъ поддержкою хорошихъ отношеній къ Россіи, такъ какъ могуще-

ственное покровительство русскихъ служило ему охраною отъ постоянныхъ притязаній Бухары, съ одной стороны, и съ другой однимъ изъ средствъ запугиванія своихъ непокорныхъ подданныхъ, особенно киргизовъ. Еслибы не боязнь вмѣшательства русскихъ въ дѣла ханства, которымъ постоянно грозитъ хитрый правитель Кокана измученному налогами и жестокостями населенію, то киргизы давно возстали бы противъ него и положили бы конецъ его деспотическому владычеству. Эксплоатируя такимъ недостойнымъ образомъ покровительство Россіи, ханъ между тѣмъ, судя по многимъ его поступкамъ, былъ постоянно полонъ ненависти къ русскому господству и имѣлъ враждебные намъ виды, которые онъ могъ при случаѣ осуществить. Дѣло въ томъ, что при своей безчеловѣчной системѣ налоговъ правитель Кокана успѣлъ изъ властителя сдѣлаться богатымъ купцомъ, можно сказать милліонеромъ, и вслѣдствіе этого довольно опаснымъ сосѣдомъ для насъ. Съ деньгами, имѣющими въ Средней Азіи значеніе не меньшее, чѣмъ гдѣлибо, онъ могъ разсчитывать напять войско, хорошо вооружить его, затѣять около нашихъ границъ или въ нашихъ предѣлахъ возмущенія, и т. д.

Таковы могли быть виды Худояръ-хана въ будущемъ; такія враждебныя стремленія могъ онъ обнаружить, и, судя по нѣкоторымъ его поступкамъ (напримѣръ, притѣсненіе русскихъ купцовъ на кокапскомъ базарѣ, высокомѣрный и унизительный пріемъ чиновника генералъ-губернатора, г. Ошанина), уже начиналъ обнаруживать въ послѣднее время. Но разсчеты его оказались, какъ это часто бываетъ, невѣрными, и онъ, кажется, долженъ погибнуть отъ того самаго оружія, которымъ думалъ упрочить и расширить свою власть. Измученные постоянными несправедливостями и жестокостями, дикокаменные киргизы еще въ минувшемъ году поднялись противъ Худояръ-хана въ очень значительныхъ массахъ. Волненія

начались въ горахъ на югѣ и юго-западѣ ханства, и затѣмъ, кажется, въ послѣднее время охватили и сѣверную его часть. Ближайшимъ поводомъ къ волненію былъ увеличенный противъ обычнаго размѣра зякетный сборъ, предпринятый ханомъ въ прошломъ году съ обычною жестокостью. Этотъ сборъ переполнилъ горькую чашу: постоянное обираніе несчастныхъ кочевниковъ, не прерывавшееся столько лѣтъ, грозило имъ полнымъ разореніемъ. Они отказали въ зякетѣ, убили или изувѣчили сборщиковъ хана и отняли у нихъ все, что они успѣли уже собрать. Худояръ узналъ объ этомъ возмущеніи и послалъ для пресѣченія его Абдуррахмана-ходжу, сына того самаго Мусульманъ-Кула, котораго онъ предательски казнилъ. Абдуррахманъ успокоилъ волненіе. Въ знакъ примиренія и покорности киргизы послали къ хану сорокъ своихъ старшинъ, за неприкосновенность которыхъ ручался Абдуррахманъ, совѣтывавшій хану ни въ какомъ случаѣ не посягать на ихъ жизнь. Но Худояръ поступилъ, разумѣется, по-своему: онъ велѣлъ перерѣзать ихъ всѣхъ до послѣдняго. Эта жестокость разожгла еще болѣе народную ненависть и возстаніе приняло широкіе размѣры. Взятіе крѣпости Ургента, въ которой хранилась секретная казна хана, дало возставшимъ въ руки денежныя средства для дальнѣйшаго веденія борьбы. Какъ извѣстно, въ настоящее время возстаніе сдѣлалось почти всеобщимъ: оно соединило киргизовъ и кипчаковъ, и даже осѣдлые подданные хана начинаютъ переходить на сторону возстанія. Нѣтъ сомнѣнія, что очень скоро Худояръ-ханъ или погибнетъ, или, лишенный власти, принужденъ будетъ убѣжать къ русскимъ.

Чѣмъ бы, однакоже, ни кончилось возстаніе, смертью или бѣгствомъ хана, для русскихъ видовъ въ Средней Азіи во всякомъ случаѣ это возстаніе благопріятно, потому что, повторяемъ, благодаря ему, мы избавляемся отъ лицемѣрнаго врага, подъ видомъ дружбы таившаго скрытое враждебное намѣреніе и парализовавшаго добрыя отношенія коканскаго осѣдлаго и кочеваго населенія къ русскому господству. Намъ кажется, что внутренняя смута въ Кокандѣ должна открыть правильные

80 1875 г. № 224.

С-Петербургскія Вѣдомости

ПЕТЕРБУРГЪ, 23-го августа (4-го сентября).

Въ прошломъ іюлѣ общественное вниманіе было живо заинтересовано появившимися въ печати слухами о возстаніи въ небольшой горной мѣстности Кутаисской губерніи — Сванетіи. Хотя слухи объ истребленіи гарнизона оказались ложными, тѣмъ не менѣе справедливо, что возстаніе начиналось, и только благоразумными мѣрами мѣстной администраціи, дѣйствовавшей, главнымъ образомъ, убѣжденіемъ, удалось возстановить порядокъ. Поводы къ этимъ безпорядкамъ съ самаго начала были неизвѣстны. Впослѣдствіи въ офиціальной печати было, между прочимъ, упомянуто, что безпорядки возникли, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ къ разъясненію мѣстныхъ способовъ землевладѣнія въ краѣ. Теперь газета „Кавказъ“, говоря объ этомъ волненіи, также ограничивается лишь тѣмъ, что вскользь приписываетъ его „неблагонамѣреннымъ толкованіямъ различныхъ административныхъ мѣръ и распоряженій мѣстнаго начальства“. Важность такихъ событій, особенно въ краѣ, недавно окончательно вошедшемъ въ составъ нашего отечества и еще имѣющемъ массу особенностей, заставляетъ желать полнаго ихъ выясненія. Для насъ это тѣмъ важнѣе, что, при многочисленныхъ и мало еще культированныхъ народностяхъ, населяющихъ наши юговосточныя окраины, образъ дѣйствія мѣстной администраціи требуетъ особеннаго такта, и тщательнаго контроля со стороны центральной власти. Но ни то, ни другое невозможны безъ гласности и точныхъ указаній.

Вскорѣ по прекращеніи волненій въ сванетскомъ приставствѣ, возникли безпорядки въ пограничномъ съ нашимъ туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ Коканскомъ ханствѣ, извѣстія о которыхъ получены были въ Петербургѣ отъ генералъ-адъютанта Кауфмана около двухъ недѣль тому назадъ. Пока эти

событія оставались заграничными, мы не упоминали о нихъ въ нашей хроникѣ, посвященной исключительно явленіямъ и вопросамъ внутренней жизни. Съ того времени волненія въ пограничномъ съ нашими владѣніями ханствѣ успѣли перенестись на нашу территорію и, такимъ образомъ, стали уже фактомъ внутренней жизни, что нисколько неудивительно при хищническихъ качествахъ нашихъ среднеазіатскихъ сосѣдей. Въ первой половинѣ августа получена была отъ туркестанскаго генералъ-губернатора телеграмма, извѣщавшая о возстаніи въ Коканѣ и о сверженіи возставшими Худояра-хана, съ которымъ у насъ существовалъ договоръ, весьма, впрочемъ, дурно имъ соблюдаемый. Генералъ-адъютантъ Кауфманъ предполагалъ признать провозглашеннаго ханомъ Заде-хана, сына сверженнаго Худояра, съ условіемъ признанія съ его стороны нашего договора съ Худояромъ, вознагражденія русскихъ потерпѣвшихъ отъ возстанія и назначенія Худояру пожизненной пенсіи. Къ сожалѣнію, мирное рѣшеніе вопроса оказалось невозможнымъ: коканскія полчища вторглись въ наши предѣлы, обложили города Ходжентъ и Ура-тюбе и предались своимъ обычнымъ занятіямъ, грабежу и разбоямъ, — старяясь въ то же время взволновать подвластное намъ населеніе. Энергическія мѣры генералъ-губернатора положили, однако, предѣлъ этимъ занятіямъ, разбивъ и прогнавъ непріятеля за границу. Но на этомъ невозможно остановиться. Характеръ населенія Средней Азіи — а коканцевъ и кашгарцевъ въ особенности — таковъ, что всякая безнаказанность усилитъ ихъ дерзость въ нападеніяхъ и грабежахъ до такой степени, что движеніе торговыхъ каравановъ сдѣлается окончательно невозможнымъ, а жители нашихъ кышлаловъ (селеній) и даже укрѣпленій будутъ жить въ вѣчномъ страхѣ за свою собственность и жизнь. Кромѣ того,

такое броженіе на нашей границѣ и, въ особенности, его безнаказанность, можетъ быть истолкована соплеменными возставшимъ и подвластными намъ народностями въ смыслѣ нашего безсилія, что можетъ повести къ крупнымъ усложненіямъ. Вотъ почему, наши войска уже двинуты къ границѣ и въ настоящее время очень возможно, что они уже перешли ее. Такимъ образомъ, что бы ни говорилось въ англійскомъ парламентѣ, непреоборимая сила событій навязываетъ намъ снова экспедицію въ родѣ хивинской, которая, конечно, будетъ окончена столь же успѣшно. Бѣда въ томъ, что, при такомъ сосѣдствѣ, какое мы имѣетъ въ Средней Азіи, рѣшительно невозможно, при всемъ добромъ желаніи, опредѣлить гдѣ придется остановиться. Границы не вполнѣ обозначены; завѣдомо чужая территорія не уважается и подвергается грабежамъ и вторженіямъ; движеніе торговли и мирныя занятія жителей подвержены тѣмъ же случайностямъ; договоры не соблюдаются, такъ-что никакими выгодами и уступками нельзя надѣяться на сохраненіе спокойствія. Къ этому слѣдуетъ прибавить постоянныя насилія и политическіе перевороты, религіозный и племенный фанатизмъ — и поневолѣ необходимо придти къ грустному заключенію о возможности поддержанія порядка въ этихъ краяхъ только силою. Держаться и пользоваться такимъ средствомъ всегда необходимо крайне осторожно, но быстро и рѣшительно, потому-что всякое колебаніе и промедленіе можетъ отозваться возстаніемъ подвластныхъ намъ народностей, связанныхъ, при всей своей разъединенности, религіею и общею къ намъ враждою. Мы держимся въ Средней Азіи только силою, гдѣ ея обаяніемъ, а большею частью стра-

хомъ. Поэтому, желательно, чтобъ сила послужила къ дѣйствительному охраненію нашихъ владѣній, что возможно только тогда, если подъ ея охраною въ эти пустынныя степи проникнетъ европейская культура, если сила найдетъ себѣ освященіе въ цивилизаціи, для которой она будетъ служить только охранительницею. Такая политика привязала бы къ намъ населеніе и сдѣлала бы съ этой стороны нестрашными для насъ всякія случайности. Общественное мнѣніе Европы, въ томъ числѣ даже въ Англіи, отдало бы намъ справедливость и, быть можетъ, перестало бы коситься на всякій нашъ шагъ въ Средней Азіи. Для русскаго народа такой образъ дѣйствія тѣмъ возможнѣе, что глубокое искреннее миролюбіе составляетъ одну изъ чертъ его національнаго характера; совершенно чуждый прозелитизма и религіозной вражды, онъ обладаетъ свойствомъ притягивать и усвоивать себѣ чуждыя народности, по-крайней-мѣрѣ тѣ, которыя стоятъ ниже его на ступеняхъ просвѣщенія.

84 1875 г. № 238.

С.-Петербургскія Вѣдомости

ПЕТЕРБУРГЪ, 6-го (18-го) сентября.

По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ телеграфнымъ путемъ черезъ Ташкентъ, наши отношенія къ Кокану принимаютъ мирный оборотъ. Такія неожиданности въ сношеніяхъ съ среднеазіатскими народностями составляютъ обычное явленіе: въ Азіи, среди полнаго мира можно подвергнуться неожиданному военному нападенію, и, наоборотъ, обѣщающая, повидимому, затянуться война, внезапно можетъ окончиться изъявленіемъ полнѣйшей покорности. Это вполнѣ естественно при той слабости и шаткости государственной власти, которая существуетъ въ Средней Азіи, и при той, легко возбуждаемой, подвижности, которая служитъ характеристическою чертою ея полудикихъ обитателей. И на этотъ разъ, въ то время, когда, по разсчету, слѣдовало ожидать извѣстій объ усиленіи борьбы, стало извѣстнымъ, изъ донесенія генералъ-адъютанта Кауфмана, что новый ханъ, равно какъ и предводитель возстанія, Абдурахманъ-Автобачи, и сами жители ханства, изъявляютъ полнѣйшую покорность, и увѣряютъ въ своей преданности и полнѣйшемъ желаніи сохранить миръ. Самъ Ханъ-Заде даже увѣряетъ, что нынѣшнее вторженіе въ наши предѣлы сдѣлано помимо его. Какъ бы то ни было, мы отмѣчаемъ это мирное направленіе дѣла, которое, повидимому, спасетъ на этотъ разъ Коканъ отъ присоединенія къ Россіи. Мы полагаемъ, что отъ такой благоразумной политики можно ожидать значительной пользы и авторитета для русскаго владычества въ Средней Азіи. Нѣкоторые полагаютъ, что въ Средней Азіи всякія отступленія, малѣйшій отказъ отъ возможнаго занятія территоріи, вредны, вселяя убѣжденіе въ слабости русскихъ и т. п. Мнѣніе это далеко не безусловно вѣрно. Въ данномъ случаѣ, какъ хивинскій походъ, такъ и махрамская побѣда надъ кокандцами, снова подтвердили невозможность бороться съ Россіею въ Азіи. Умѣренность же наша и воздержаніе отъ воз-

можнаго присоединенія земель убѣдятъ, при такихъ условіяхъ, въ нашемъ миролюбіи, въ нашемъ желаніи пользоваться силою только для водворенія и поддержанія мира и цивилизаціи. Такое мнѣніе еще болѣе заставитъ цѣнить дружбу Россіи. Для Западной Европы такой образъ дѣйствія также будетъ поучителенъ, доказавъ вновь, что, такъ-называемое, ненасытное стремленіе Россіи къ завоеваніямъ, еще очень проблематично.

Въ виду приближенія времени призыва къ отбыванію воинской повинности, который, на основаніи 11 и 14 ст. устава, опредѣлено производить ежегодно въ Европейской Россіи съ 1-го ноября по 15-е декабря, а въ Сибири съ 15-го октября по 31-е декабря, правительствующимъ сенатомъ обнародовано, составленное военнымъ министерствомъ, согласно 131 ст. устава о воинской повинности, росписаніе, распредѣляющее все годовое количество призываемыхъ по областямъ и губерніямъ. На основаніи этой вѣдомости, губернскія и областныя по воинской повинности присутствія распредѣляютъ общій годовой призывъ по губерніи между всѣми, находящимися въ ней, призывными участками, пропорціонально числу лицъ, внесенныхъ въ списки. Общее количество призываемыхъ составитъ, въ настоящемъ году, 180 тысячъ человѣкъ. Такъ-какъ общее населеніе Россіи составляло въ 1872 г., по официальнымъ свѣдѣніямъ, немного болѣе 86 милл. и такъ-какъ мужскій и женскій полъ распредѣлены довольно равномѣрно (женщинъ около 42½ милліоновъ), то 180 тысячъ человѣкъ призыва, по отношенію къ мужскому населенію (43½ милліона), составятъ около 4-хъ человѣкъ съ тысячи. Конечно, приводимый нами процентъ далеко не точенъ уже потому одному, что въ него входитъ населеніе и Великаго Княжества Финляндскаго и Средней Азіи, на которыя, какъ извѣстно, общая воинская повинность еще не распространена, всетаки этотъ процентъ значительно менѣе взимавшагося въ послѣдніе годы, передъ распространеніемъ воинской повинности на всѣ классы общества, по 6-ти человѣкъ съ ты-

сячи душъ мужскаго пола крестьянъ и мѣщанъ. Такимъ образомъ, привлеченіе всѣхъ гражданъ къ участію въ отбываніи воинской повинности послужило не только къ увеличенію боевой силы нашего отечества, но и къ облегченію тѣхъ классовъ, на которые до того исключительно падала тяжесть этой повинности. Число лицъ, подлежащихъ, по обнародованной вѣдомости, призыву, колеблется въ широкихъ размѣрахъ, соотвѣтственно пространству и количеству населенія различныхъ губерній и областей, столь различныхъ между собою, не только въ Сибири, но и въ Европейской Россіи. Приведемъ нѣкоторые интересные примѣры. Такъ, съ Дагестанской области, имѣющей 25,123 квадр. верстъ пространства и 226,890 человѣкъ населенія мужскаго пола, приходится всего 4 человѣка въ призывъ, что происходитъ отъ нераспространенія призыва на горцевъ. Съ Акмолинской области, въ 500 тысячъ квадр. верстъ, съ 201,213 чел. населенія мужскаго пола, приходится 45 человѣкъ, тогда какъ Вятская губернія, имѣющая всего 136,370 кв. верстъ пространства, даетъ наибольшую цифру призыва—6,231 человѣкъ, потому-что по населенію она самая многолюдная наша губернія, обладающая почти 2½ милл. населенія, въ томъ числѣ мужскаго пола почти 1,150,000 чел., и притомъ такихъ, на которыхъ уставъ о воинской повинности распространенъ вполнѣ. Архангельская, равняющаяся 660,838 квадр. верстамъ, но имѣющая лишь 136 тыс. человѣкъ мужскаго пола, даетъ 770 человѣкъ, а Московская, при 29,217 кв. верстахъ, имѣющая 925 тыс. человѣкъ мужскаго пола, даетъ въ призывъ 3,259 человѣкъ; Петербургская, при 38,926 квадр. верстахъ и при населеніи въ 727,800 человѣкъ мужчинъ, даетъ 1,896 человѣкъ.

87 1875 г. № 270.

С.-Петербургскія Вѣдомости

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

(*Корреспонденція «Спб. Вѣдомостей»*).

Бивакъ близъ гор. Кокана, 31-го августа 1875 г.—Благопріятные результаты махрамскаго дѣла не замедлили обнаружиться. Получавшіяся за послѣднее время изъ генералъ-губернаторства свѣдѣнія говорили объ установившемся спокойствіи; бродячія партіи коканцевъ изчезли. Въ самомъ ханствѣ, военный азартъ сталъ остывать. На встрѣчу нашимъ войскамъ, за сотню верстъ лежавшія отъ дороги села, высылали своихъ старѣйшинъ съ хлѣбомъ солью. На полпути, вновь избранный ханъ, Насръэддинъ-бекъ-ханъ-Задэ, прислалъ пословъ съ извиненіемъ за печаянное столкновеніе, происшедшее между войсками его и нашими, на границѣ. Это невинная уловка коканской политики! Въ числѣ пословъ находился Исса Ауліа, воспитатель молодаго хана, виновникъ изгнанія Худояръхана и авторъ, судя по печати, тѣхъ возмутительныхъ прокламацій, которыя, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, были посланы изъ Кокана въ наши предѣлы. Командующій войсками присланныхъ ханомъ подарковъ не принялъ. Возвращая въ Коканъ посольство, онъ поручилъ передать хану, что онъ съ нимъ будетъ говорить въ столицѣ ханства, а Исса Аулію задержалъ при отрядѣ.

За одинъ переходъ отъ гор. Кокана, ханъ выслалъ вновь посольство, съ которымъ прислалъ письмо, но совсѣмъ въ другомъ тонѣ. Оно написано было весьма мягко, почти униженно. Посланіе это отдавало все ханство въ безусловную покорность побѣдителю. Приэтомъ были высланы въ отрядъ всѣ русскіе, попавшіе въ плѣнъ при вторженіи коканцевъ въ наши предѣлы. Между захваченными въ плѣнъ находилась дочь врача Петрова, который былъ зарѣзанъ непріятелемъ на Наусской станціи, во время его переѣзда изъ города Ура-Тюбэ въ Ходжендъ. На вопросъ кого-то изъ свиты генерала К. П. Кауфмана: «а гдѣ же дочь Петрова»? обращенный къ пріѣхавшимъ коканцамъ, они отвѣчали, что она жива, но по болѣзни не привезена. Не прошло трехъ часовъ послѣ этого вопроса, какъ дитя было выслано изъ Кокана. Надо отдать справедливость врагу: основываясь на отзывѣ нашихъ плѣнныхъ, съ ними обращались очень хорошо, хотя, конечно, они не отдѣлались безъ того, чтобы имъ выбрили головы, и заставили надѣть мѣстный костюмъ. Потѣшный видъ имѣли въ своихъ костюмахъ эти несчастные люди, когда ихъ построили въ рядъ передъ командующимъ войсками, въ особенности, двѣ русскія женщины. Всѣ плѣнники въ Коканѣ были отданы ханомъ на содержаніе инакамъ, (двумъ), а женщины помѣщены въ услуженіе въ ханскій гаремъ.

По разсказамъ, послѣ махрамскаго дѣла, Абдурахманъ, съ остатками своей арміи, подошелъ было къ Кокану, но жители его не пустили войдти, говоря, что они не желали войны съ русскими, а такъ какъ онъ, несмотря на это, поднялъ оружіе, то пусть самъ и вѣдается съ ними; а они отъ себя высылаютъ къ генералу К. П. Кауфману депутацію просить пощады. Послѣ долгихъ переговоровъ съ представителями города, къ Абдурахманъ-Автобачію выѣхалъ за городъ молодой ханъ, какъ объясняли, съ цѣлью уговорить его оставить свое намѣреніе вести войну. Убѣжденія не помогли; ханъ возвратился въ городъ. Въ послѣднемъ письмѣ онъ сообщилъ, что, при приближеніи нашего отряда къ столицѣ, выѣдетъ къ нему на встрѣчу.

28-го числа были высланы съ депутаціею отъ купцовъ и другихъ почетныхъ лицъ гор. Кокана наши плѣнники; а 29-го числа, по занятіи нашими войсками городскихъ воротъ Кокана «Сера Мазаръ», Насръ-эддинъ-ханъ со свитою выѣхалъ навстрѣчу генералъ-адъютанту К. П. Кауфману.

Расположивъ отрядъ въ четырехъ верстахъ отъ города, нашъ генералъ, со свитою и частью кавалеріи, поѣхалъ въ городъ. При звукахъ народнаго гимна и дружнаго «ура» нашихъ войскъ, расположившихся у воротъ, командующій войсками со свитою въѣхалъ въ столицу ханства. Проѣхавъ нѣсколько саженей между рядами войскъ, расположившихся шпалерами по обѣ стороны улицы, которая вела отъ воротъ «Сера Мазаръ» въ городъ, онъ направился обратно въ свой лагерь. На другой день, 30-го августа, въ день тезоименитства Его Величества Государя Императора, послѣ молебствія, по этому случаю и по поводу побѣды, была отправлена изъ отряда телеграмма въ Петербургъ.

Собранныя свѣдѣнія, по занятіи столицы, показали, что главными виновниками возстанія были кипчаки и киргизы, искони вѣковъ враждующіе съ осѣдлымъ населеніемъ ханства. Главою возстанія былъ Абдурахманъ-Автобачи, какъ мы говорили прежде, родомъ кипчакъ. Молодой ханъ былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этого фанатика и нѣсколькихъ его приверженцевъ. Интересно, что поднятая на этотъ разъ мусульманами война во имя вѣры, «газаватъ», встрѣтила весьма мало сочувствія. Идея «газавата», видимо, потеряла свою обаятельную силу, заставлявшую собираться несмѣтныя полчища мусульманскихъ народовъ. Средneазіатцы начинаютъ дѣлаться индиферентными къ исполненію требованій, предъявляемыхъ ихъ муллами—этими паразитами мусульманскаго общества.

СПБ. Ведомости 1875
№ 294.

ПЕТЕРБУРГЪ, 1-го (13-го ноября.

Около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, вниманіе русскаго общества было живо возбуждено событіями, разыгравшимися неожиданно на нашей юго-восточной границѣ. Мы говоримъ о недавнемъ вторженіи коканцевъ въ наши предѣлы, произведшемъ сначала значительныя опасенія, вызванныя, преимущественно, преувеличенными слухами и неувѣренностью въ отношеніяхъ къ намъ туземцевъ и въ прочности нашего водворенія въ средней Азіи. Всѣмъ извѣстныя, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, событія не только сразу успокоили мѣстное населеніе, но были полезны въ томъ отношеніи, что показали, какъ наше положеніе прочнѣе, а отношенія къ намъ туземцевъ лучше, нежели мы сами думали. Какъ всегда, по миновaніи опасности, остальное русское общество охладѣло къ этимъ дѣламъ отчасти и потому, что все вниманіе его поглотилось другимъ возстаніемъ, лежащимъ за политическо-государственными границами нашего отечества, но въ сферѣ его нравственно-политическихъ предѣловъ. Тѣмъ не менѣе, коканскія происшествія еще нельзя считать оконченными, равно какъ отношенія и намѣренія нашего правительства къ нимъ — вполнѣ выяснившимися для общества. Хотя генералъ-аъютантъ Кауфманъ

вернулся въ Ташкентъ, однако, опредѣленнаго, прочнаго порядка въ ханствѣ еще не возстановлено; недавно возведенный на престолъ бунтовщиками ханъ Насръ-Эддинъ все еще проживаетъ въ Ходжентѣ, у русскихъ, въ газаватѣ, или священной войнѣ противъ которыхъ онъ участвовалъ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ и у которыхъ вынудило его искать убѣжища новое возстаніе его столицы. О мотивахъ этого новаго возстанія, насколько оно враждебно нашему владычеству и интересамъ въ средней Азіи — ничего пока неизвѣстно. Можно сказать одно только, что серьёзными опасностями оно намъ не грозитъ и разные окрестные мелкіе владѣтели поспѣшили распустить собранныя ими вооруженныя толпы, въ ожиданіи борьбы съ русскими. Дошедшій на истекшей недѣлѣ до Петербурга приказъ генералъ-адъютанта Кауфмана, извѣстилъ о присоединеніи къ имперіи, „впредь до высочайшаго соизволенія“, части Коканскаго ханства, лежащей по сѣверному (правому) берегу Сыръ-Дарьи, отъ нашей границы до рѣки Нарына. Во всякомъ случаѣ, теперь наше господство въ средней Азіи стало еще прочнѣе, равно какъ еще болѣе укрѣпилось въ туземцахъ сознаніе невозможности борьбы съ русскими. Но всего этого мало. Необходимо, чтобъ всѣ усилія администраціи края были устремлены на поднятіе благосостоянія и просвѣщенія населенія. Мы успѣли, съ неотразимою силою и убѣдительностью, доказать туземцамъ, что съ нами *невыгодно* враждовать и бороться. Но остается болѣе почтенная сторона, которая только и можетъ освѣтить первую — это доказать туземцамъ, что съ нами во всѣхъ отношеніяхъ *выгодно* жить въ мирѣ и согласіи. Намъ кажется, что это гораздо легче, нежели можетъ показаться съ перваго раза. Необходимо вспомнить, что здѣсь идетъ рѣчь о населеніи, находившемся подъ гнетомъ страшнаго произвола, разорявшаго

его невыносимыми поборами, не щадившаго чести и жизни своихъ подвластныхъ, — о населеніи, привыкшемъ видѣть сцены въ родѣ измѣнническаго убіенія сотенъ гражданъ, напримѣръ, болѣе 600 одновременно зарѣзанныхъ, по приказанію хана Худояра, кипчаковъ. Слѣдовательно, намъ не такъ трудно будетъ завести порядки, которые могутъ даже показаться туземцамъ крайнимъ благополучіемъ въ сравненіи съ ихъ недавнимъ прошлымъ. Для этого слѣдуетъ предоставить населенію полную свободу вѣроисповѣданія, что вполнѣ согласуется съ нашимъ національнымъ характеромъ, чуждымъ прозелитизма. Затѣмъ, необходимо оградить населеніе отъ произвола нисшихъ властей, дать ему возможность свободно предаваться мирнымъ занятіямъ и строго сообразовать налоги съ платежными средствами несчастнаго населенія, которому необходимо дать, наконецъ, возможность свободно вздохнуть, послѣ ига своихъ единовѣрныхъ угнетателей. Такимъ простымъ образомъ дѣйствія мы придадимъ прочность и исторически-нравственное оправданіе нашимъ завоеваніямъ и привяжемъ къ себѣ населеніе узами болѣе прочными, нежели страхъ, — любовью, уваженіемъ и матеріальными интересами.

68

Голосъ 1875 № 238.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

28-го августа 1875.

«Богъ благословилъ наше оружіе», извѣщаетъ телеграма командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта фон-Кауфмана 1-го. Скопище кокандцовъ въ 30,000 человѣкъ разбито на голову небольшимъ нашимъ отрядомъ. Однихъ пушекъ взято 39, и это можетъ свидѣтельствовать, что непріятельскія полчища были достаточно вооружены, что нетолько дѣло было «сдѣлано чисто», но что оно было нешуточное. Побѣда подъ Махрамомъ стоила намъ, сравнительно, небольшихъ потерь: убиты одинъ штабофицеръ, пять рядовыхъ и одинъ джигитъ, ранены одинъ штабофицеръ и семь нижнихъ чиновъ. Можно предположить, что дѣло не доходило до штыковой схватки, и непріятель бѣжалъ, не выдержавъ натиска нашихъ войскъ, произведеннаго послѣ разрушительнаго дѣйствія скорострѣлокъ. Но, по справедливому заключенію телеграмы, побѣда, одержанная подъ Махрамомъ, должна оцѣниваться нестолько по своимъ военнымъ, сколько по политическимъ послѣдствіямъ. Она должна еще разъ показать сосѣднимъ ханствамъ, что шутить съ русскимъ оружіемъ нельзя, что все существованіе ихъ должно быть направлено не на борьбу съ Россіей, а къ установленію съ нею добрыхъ отношеній. Только при такихъ условіяхъ мыслимо допущеніе независимости сопредѣльныхъ съ нашими владѣніями ханствъ. Мы полагаемъ, попрежнему, что собственно для Кокана такой урокъ является довольно позд-

нимъ, и съ удовольствіемъ узнаемъ, что генерал-адъютантъ Кауфманъ продолжаетъ свое движеніе на Коканъ, не ограничиваясь разгромомъ коканцовъ подъ Махрамомъ. Означенный урокъ можетъ относиться только къ другимъ ханствамъ, какъ напримѣръ, къ Бухарѣ и Кашгару. Оставленіе же независимости Кокана могло бы послужить лишь поводомъ къ возникновенію новыхъ безпорядковъ въ ближайшемъ будущемъ, къ подозрѣнію въ нашей слабости. Наши доблестныя войска слишкомъ для насъ дороги, и не слѣдуетъ допускать, чтобъ кровь ихъ проливалась ради упроченія власти полудикихъ хановъ, неумѣющихъ поддержать порядокъ въ подчиненныхъ имъ странахъ, незнающихъ цѣны заключонныхъ съ ними договоровъ.

По поводу тѣхъ военныхъ дѣйствій, театромъ которыхъ являются, время отъ времени, наши среднеазіатскія владѣнія, невольно рождается вопросъ: насколько внимательно относится къ нимъ наше общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ? Какъ извѣстно, во время хивинской экспедиціи общество это не оставалось въ бездѣйствіи, посылало туда своихъ агентовъ и оказывало дѣйствующимъ отрядамъ ожидаемое отъ него въ подобныхъ случаяхъ содѣйствіе по санитарной части. Но хивинская экспедиція подготовлялась исподоволь; въ ней легко, поэтому, могло выполнить свои прекрасныя обязанности центральное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Въ такихъ же экстраординарныхъ случаяхъ, какъ коканская экспедиція, потребность которой возникла, можно сказать, въ нѣсколько часовъ, подъ вліяніемъ неожиданной необходимости дать отпоръ набѣгу коканцовъ, главное управленіе общества не въ состояніи поспѣть во-время. Задачи его переносятся, такимъ образомъ, всецѣло на мѣстный отдѣлъ. По этимъ причинамъ, было бы очень желательно, чтобъ туркестанскій отдѣлъ общества былъ всегда въ готовности замѣнить на мѣстѣ дѣятельность всего общества, чтобъ онъ обладалъ на то и должными средствами, и необходимыми полномочіями.

Голосъ 1875. № 242.

Въ газетѣ «Times», отъ 9-го сентября, напечатана **передовая статья**, вызванная извѣстіемъ о **побѣдѣ**, одержанной **генераломъ Кауфманомъ надъ коканцами**. Въ статьѣ этой органъ лондонскаго Сити замѣчаетъ, что побѣда, одержанная русскими, составляетъ только повтореніе тѣхъ страшныхъ пораженій коканцовъ, которыми Россія пріобрѣла себѣ власть въ Коканскомъ Ханствѣ. Никто не сомнѣвался въ подобномъ результатѣ, и настоящее значеніе совершившагося событія состоитъ не въ немъ, а въ извѣстіи, что генералъ Кауфманъ намѣренъ идти на столицу ханства, какъ только получитъ провизію и боевые припасы. Значеніе этого извѣстія то, что генералъ Кауфманъ займетъ все ханство и формально присоединитъ его къ владѣніямъ Россіи. Обладаніе Кашгаромъ приведетъ Россію къ самымъ границамъ Китая и откроетъ богатыя торговыя сношенія съ Востокомъ. Когда исчезнетъ и призракъ независимости Кокана и Бухары, генералу Кауфману останется только завоевать Кашгаръ, чтобъ имѣть въ своихъ рукахъ всѣ земли на сѣверъ отъ Аму-Дарьи. Если въ Кашгарѣ очутится въ одинъ прекрасный день русскій гарнизонъ, то Россія сдѣлается обладательницей всей Азіи до границъ Китая на во-

стокъ и до границъ Индіи, Афганистана и Персіи на югъ. Серьёзнымъ препятствіемъ этому явится, однакожъ, человѣкъ, управляющій нынѣ Кашгаромъ. Якубъ-ханъ — одинъ изъ тѣхъ энергическихъ людей и даровитыхъ организаторовъ, которые, отъ времени до времени, нарушаютъ своимъ появленіемъ однообразіе восточной лѣности, слѣпого свирѣпства и обезсиливающей чувственности. Такого человѣка будетъ не такъ легко одолѣть, какъ выродившихся правителей Коканд и Хивы. Онъ—самый грозный изъ враговъ, съ которыми можетъ встрѣтиться генералъ Кауфманъ, и его одолѣютъ только послѣ отчаяннаго сопротивленія съ его стороны. Тѣмъ неменѣе, вся его даровитость, энергія и одержанныя имъ до сихъ поръ побѣды не дадутъ ему возможности вести съ успѣхомъ борьбу съ Россіей. По поводу того же извѣстія, газета «Daily News», отъ 9-го сентября, говоритъ, что, еслибъ Англія была естественною покровительницей узбекскихъ государствъ Средней Азіи, какъ это утверждаютъ нѣкоторые изъ наиболѣе искусныхъ совѣтчиковъ англійскаго правительства, и еслибъ государства эти были естественными союзниками Англіи, то теперь наступило бы время дѣйствовать на основаніи такого убѣжденія. Если приближеніе русскихъ къ границамъ Афганистана составляетъ столь нежелательный фактъ, какъ это соображаютъ нѣкоторые изъ англо-индійцевъ, то верховенство Россіи надъ Коканомъ, которое доказано нынѣ съ такою силой и которое каждую минуту можетъ превратиться въ полное обладаніе, должно возбуждать сильныя опасенія въ Англіи. Англичане, однакожъ, уже привыкли смотрѣть на приближеніе русскихъ къ Индіи съ значительнымъ равнодушіемъ, какъ на фактъ, съ которымъ слѣдуетъ примириться и который вовсе не такъ страшенъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Россія двигается впередъ быстро, но съ каждымъ новымъ своимъ шагомъ она все болѣе и болѣе заботится о сохраненіи мира съ Англіей.

Голосъ 1875 № 244.

По поводу событій въ Коканѣ.—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

3-го сентября 1875.

Среднеазіатскій вопросъ, въ послѣднее десятилѣтіе, занялъ немаловажное мѣсто въ ряду тѣхъ вопросовъ, которыми живо интересуется наше общественное мнѣніе. До покоренія Ташкента, Средняя Азія представлялась страной, совершенно неизвѣстною, очень отдаленною и неимѣющею ничего общаго съ судьбой нашего государства. Ею интересовался незначительный кружокъ ученыхъ. Начиная съ 1865 года, интересъ къ Средней Азіи значительно возростаетъ. Хивинскій походъ возбудилъ до чрезвычайности вниманіе образованнаго общества ко всему, что происходитъ на новой окраинѣ нашей имперіи. Происходящія нынѣ событія въ Коканскомъ Ханствѣ еще болѣе усилили интересъ къ среднеазіатскому вопросу.

Такое вниманіе къ Туркестану имѣетъ свои весьма серьёзныя причины. Наше движеніе въ глубь Средней Азіи—историческая необходимость, которую мы не въ силахъ устранить. Покоряя осѣдлыя области Средней Азіи, укрѣпляясь на берегахъ Сыра и Аму, мы прочно охраняемъ наши государственныя границы на востокѣ. Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ, Россія испытала тяжкое положеніе. Событія пугачовскаго бунта ясно указали на существованіе у насъ на востокѣ горючаго матерьяла, воспламеняющагося отъ малѣйшей искры и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, распространяющаго пожаръ на обширное пространство имперіи. Почти одновременно съ этимъ бунтомъ, юговосточнымъ границамъ нашей имперіи грозило вторженіе значительныхъ скопищъ азіатскихъ народовъ. Извѣстно, что въ дѣлѣ Пугачова инородцы принимали самое дѣятельное участіе. Участіе это обусловливалось особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть нашихъ инородцовъ, населяющихъ востокъ, проникнуты духомъ демократіи и чрезвычайно преданы бродяжничеству. Непринадлежащіе къ русской семьѣ, неимѣющіе ничего общаго съ нашими чисто-русскими интересами, фанатики по духу мусульманской религіи, инородцы нашего востока представляютъ собою элементъ, весьма опасный для имперіи. Времена Чингиза и Тамерлана живо сохраняются въ памяти большей части нашихъ инородцовъ-мусульманъ. Само собою разумѣется, событія XIII и послѣдующихъ вѣковъ не могутъ повториться въ томъ видѣ, какъ они происходили; но нельзя отвергать вполнѣ опасность, сила которой можетъ обнаружиться въ тяжолыя эпохи, которыя выпадаютъ на долю каждой націи. Что народы Средней Азіи еще питаютъ надежду возвратить себѣ времена ихъ славныхъ завоевателей—можно видѣть изъ того, что многіе изъ хановъ даже нынѣшняго столѣтія мечтали сдѣлаться всемірными завоевателями. Въ настоящее время, кашгарскій правитель, энергическій и ловкій Якубъ-бекъ, становится главой мусульманъ Средней Азіи, ведетъ борьбу съ Китаемъ, расширяя предѣлы своихъ обшир-

ныхъ владѣній, и кто знаетъ, какія мысли таитъ онъ? Сосѣдъ восточныхъ частей Коканскаго Ханства, Якубъ-бекъ, имѣетъ большое вліяніе на кипчаковъ и кара-киргизовъ этого ханства и, по всей вѣроятности, принималъ участіе въ послѣднихъ событіяхъ, которыя произошли въ Коканѣ. Что это вѣроятно, видно, между прочимъ, изъ того, что, въ 1871 году, когда генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й предлагалъ союзъ съ Коканомъ противъ Якубъ-бека, посланный Худояра-хана заявилъ, что союзъ невозможенъ, такъ какъ войска Худояра ненадежны и, въ случаѣ войны съ Якубомъ-бекомъ, перейдутъ на его сторону. Глава нынѣшняго возстанія кипчаковъ, Абдрахманъ-Автобачи, въ письмѣ, присланномъ на имя туркестанскаго генералъ-губернатора послѣ бѣгства хана изъ Кокана, между прочимъ, пишетъ: «*Кипчаки, стоявшіе по правую и по лѣвую руку Чингизъ-хана, заняли теперь Коканъ*». Въ словахъ этихъ выражается много гордости, и ясно обнаруживается надежда на возвращеніе завоеваній, нѣкогда сдѣланныхъ знаменитымъ предводителемъ монголовъ.

Послѣднія событія въ Коканѣ обнаруживаютъ значительную энергію узбекскаго населенія. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, въ ханствѣ произведенъ переворотъ. Защитниками революціи являются узбеки, а въ главѣ ихъ кипчаки. Въ нѣсколько дней собрались десятки тысячъ вооружонныхъ людей, часть которыхъ осмѣлилась перейти русскія границы. Въ данномъ случаѣ опасность не представлялась серьёзною: наши войска занимали въ краѣ свои постоянныя квартиры. Совершенно не то было бы, еслибъ кипчаки произвели такую революцію въ 1873 году, когда на Сыр-Дарьѣ, вслѣдствіе хивинскаго похода, было расположено меньше войскъ.

Еще въ 1873 году, во время хивинскаго похода, кипчаки подняли голову и задумали низвергнуть владычество ненавистнаго имъ Худояра-хана. Въ 1874 году, произошло новое возмущеніе, которое едва не привело къ желаемому концу. Вся во-

сточная часть ханства была въ огнѣ: заняты были города Узгенчь и Ошъ. Худояръ-ханъ готовился къ бѣгству. Всѣмъ дѣломъ заправлялъ Абдрахманъ-Автобачи, сынъ убитаго Худояромъ Мусульмана-Кула.

Съ давнихъ временъ существуетъ страшная вражда между кипчаками и Худояромъ-ханомъ. Отношенія Худояра къ узбекскому населенію ханства изложены въ достаточной подробности въ статьѣ г. Соболева, помѣщонной въ № 243-мъ «Голоса». Добавимъ къ этой статьѣ одну историческую подробность, нелишонную интереса и объясняющую одну изъ главныхъ причинъ нынѣшней революціи въ Коканѣ. Мусульманъ-Кулъ, давшій Худояру въ управленіе ханство, по происканъ партіи сартовъ и вслѣдствіе личной къ нему непріязни хана, въ 1853 года, былъ казненъ. Партія узбековъ пала. Худояръ приказалъ «*стереть съ лица земли всѣхъ кипчаковъ*». Кипчаковъ погибло до 20,000 человѣкъ. Въ день казни, Мусульманъ-Кулъ былъ выведенъ на высокое мѣсто, устроенное въ видѣ эшафота. Онъ былъ закованъ въ цѣпи. Внизу эшафота, въ глазахъ Мусульмана-Кула, рѣзали плѣнныхъ кипчаковъ. Улицы и площади обагрились кровью и наполнились трупами казненныхъ. Мусульманъ-Кулъ, нетерявшій мужества, обратился къ собравшемуся народу съ слѣдующими словами: «Коканцы!» воскликнулъ онъ: «вы—народъ безпокойный, привыкшій къ варварскому кровопролитію; я васъ не угнеталъ и вашихъ хановъ обучалъ человѣколюбію. Искоренить родъ (кипчаковъ) и поколѣніе трудно». Многіе плакали. Когда начали рѣзать головы людямъ, за которыми не считалось никакой вины, Мусульманомъ-Куломъ овладѣло мучительное чувство. Старикъ не выдержалъ; онъ рвался и умолялъ: «Убейте меня скорѣе; ради Бога, убейте». Рука палача отрѣзала ему голову, и не стало сильнаго и знаменитаго представителя кипчаковъ. Вскорѣ послѣ казни Мусульмана-Кула, Худояръ былъ изгнанъ изъ своего ханства старшимъ своимъ братомъ, Маля-бекомъ, ставшимъ во главѣ узбековъ. Послѣднее, третье, его ханствованіе снова кончилось, и на этотъ разъ безвозвратно, по милости кипчаковъ. Молодое поколѣніе

этого рода узбековъ, во главѣ Абдрахмана-Автобачи, отмстило Худояру за всѣ его жестокости и за развратное его поведеніе, которое презирается узбеками, неуспѣвшими осартиться, и которое такъ присуще партіи сартовъ.

Волненіе кара-киргизовъ, начавшееся въ августѣ 1874 года, въ сѣверозападной части ханства, на Чаткалѣ, хотя и было подавлено въ концѣ года, но возбужденное состояніе населенія ханства не улеглось вполнѣ, несмотря на казнь Худояромъ четырнадцати человѣкъ. Волненіе между кочевниками, въ 1874 году, произошло какъ отъ жестокаго и дурного управленія, такъ и отъ подстрекательствъ лицъ, окружавшихъ хана. Съ увѣренностью можно сказать, что ни одинъ изъ окружающимъ хана не чувствовалъ къ нему истинной преданности. Въ этомъ случаѣ, они платятъ своему повелителю его же монетой, потому что и Худояръ-ханъ ни къ кому искренно не расположенъ и не съумѣлъ привязать къ себѣ ни единаго человѣка. Худояръ-ханъ постоянно играетъ двуличную роль, т. е. говоритъ одно, а думаетъ другое. Онъ весьма высокаго мнѣнія о своемъ положеніи и нисколько не хочетъ понять, что обязанъ сохраненіемъ за нимъ власти до настоящаго времени единственно поддержкѣ Россіи; самообольщеніе его доходитъ до того, что онъ всегда старался увѣрить своихъ приближонныхъ, будто бы русскіе за искиваютъ его дружбу. Окружающія хана лица добивались низложенія хана, такъ какъ его управленіемъ всѣ равномѣрно тяготились. Во главѣ поджигателей возстанія стоялъ нынѣшній глава революціи, Абдрахманъ-Автобачи, лицо, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Сынъ Мусульмана-Кула, горячій защитникъ кипчаковъ, Абдрахманъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души Худояра-хана. Желая во что бы то ни стало отмстить хану за своего отца и за избіеніе кипчаковъ, онъ съумѣлъ, своимъ ловкимъ поведеніемъ и умомъ, сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ для хана. Возбуждая населеніе къ возстанію, онъ, когда видѣлъ, что дѣло не можетъ быть выиграно, усмирялъ самое возстаніе и потомъ снова начиналъ интригу. За усмиреніе киргизскаго бунта прошлаго года, имъ же возбуж-

деннаго, онъ былъ награжденъ высокимъ чиномъ перваначи. Ненависть къ хану до такой степени была сильна, что населеніе, еще въ прошломъ году, готово было возбудить войну между Коканомъ и Россіей, чтобъ хоть этимъ средствомъ добиться освобожденія отъ управленія Худояра. Осѣдлое населеніе наравнѣ съ кочевниками тяготилось положеніемъ дѣлъ въ ханствѣ, и, если между этими двумя элементами не было солидарности, то не потому, чтобъ они относились враждебно одно къ другому: подобныя отношенія существуютъ только между главными представителями этихъ народностей, а хлѣбопашецъ или работникъ вполнѣ сочувствуетъ кочевнику, живущему своими стадами. Киргизы, владѣя громадными табунами, въ случаѣ неудачи возстанія, во всякій данный моментъ перекочовываютъ въ наши предѣлы. Осѣдлое же населеніе, не будучи столь подвижнымъ и не располагая подобными перевозочными средствами, было бы осуждено на мѣстѣ выжидать своей участи, и ему, безъ сомнѣнія, пришлось бы испытать всю тяжесть мести и гнѣва Худояра-хана.

Въ іюлѣ нынѣшняго года, кипчаки и кара-киргизы снова начали возстаніе. На этотъ разъ имъ посчастливилось. Войска хана, посланныя подъ начальствомъ Абдрахмана, перешли на сторону инсургентовъ. Ханъ, оставленный всѣми, бѣжалъ въ Ходжентъ подъ защиту русскихъ. Претендентомъ на ханство явился старшій сынъ Худояра, Сеидъ-Нассыр-Эддинъ-бекъ-Ханзадэ. Это—человѣкъ любознательный и, повидимому, стремящійся къ прогресу, но трудно предсказать, останется ли онъ таковымъ, ставъ ханомъ. До послѣдняго времени, Ханзадэ, равно какъ и всѣ другіе приближенные, былъ крайне стѣсненъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; при полновластіи же, онъ легко можетъ измѣниться. Нассыр-Эддинъ-бекъ не разъ заявлялъ, что имѣетъ сильное желаніе съѣздить въ Петербургъ и удостоиться чести быть принятымъ Государемъ Императоромъ, но не рѣшался просить объ этомъ Худояра-хана. Немедленно

по изгнаніи Худояра, Ханзадэ послалъ генерал-адъютанту фон-Кауфману 1-му письмо, въ которомъ онъ объяснилъ происшедшую революцію. Вожди возстанія, съ своей стороны, извѣстили о томъ же главнаго начальника Туркестана. Генерал-адъютантъ фон-Кауфманъ 1-й, не желая начинать войну съ Коканомъ и предполагая признать ханомъ Ханзадэ, послалъ въ Коканъ ультиматумъ, въ которомъ требовалъ:

1) принятія договора, заключеннаго съ Худояромъ;

2) удовлетворенія нашего посольства, и купечества *) за причиненные имъ возстаніемъ убытки и

3) назначенія пенсіи Худояру

Между тѣмъ, дѣла приняли весьма серьёзный оборотъ. Возставшіе въ ханствѣ не ограничились одними внутренними смутами: они перенесли свои дѣйствія за предѣлы ханства, въ наши уѣзды. 8-го августа, партія кипчаковъ перешла русскую границу и появилась у селенія Аблыки; партія эта сторожила проѣздъ Худояра, который ѣхалъ въ Ташкентъ. Въ ту же ночь, изъ Ташкента выступилъ, съ четырьмя казачьими сотнями, генерал-майоръ Головачевъ, командующій войсками Сыр-Дарьинской Области, и направился въ Теляу, пограничное съ Коканомъ укрѣпленіе. Въ восемь часовъ утра, 9-го августа, изъ Ташкента выступилъ 2-й стрѣлковый батальйонъ, въ четыре часа пополудни—1-й стрѣлковый батальйонъ. Этимъ начался коканскій походъ. Коканцы вторглись въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ Кураминскій Уѣздъ, чтобъ взволновать жителей. Но это имъ не удалось. Главная партія ихъ, въ числѣ 5,000 человѣкъ, была вскорѣ разбита, другая, въ 800—уничтожена; остальныя партіи перевалили обратно черезъ горы и ушли въ коканскіе

*) По полученнымъ нами частнымъ свѣдѣніямъ, русскіе торговцы и купцы, проживавшіе въ Коканѣ и другихъ городахъ ханства, потеряли все имущество. Особенно пострадалъ купецъ Пупышевъ, торговавшій краснымъ товаромъ: всѣ склады его въ Коканѣ разграблены, и прикащики его едва успѣли спастись бѣгствомъ.

предѣлы. Главный ударъ коканцы направили на Ходжентъ. Большими массами они напали съ разныхъ сторонъ на городъ и окружающіе его сады. Ходжентскій гарнизонъ, усиленный тремя ротами изъ Ура-Тюбе, отбилъ нападеніе на всѣхъ пунктахъ и, перейдя въ наступленіе, прогналъ непріятеля заграницу. На Ура-Тюбе тоже произведено было нападеніе. Такимъ образомъ, начало враждебныхъ дѣйствій произошло въ предѣлахъ имперіи. 21-го августа, близъ крѣпости Махрамъ, коканцы были жестоко наказаны за дерзость. Погромъ былъ страшный. Онъ долженъ отозваться за горами, во владѣніяхъ Якуба-бека кашгарскаго. Этимъ дѣломъ сдѣлано первое серьёзное предостереженіе честолюбивому правителю Алтышара.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что лично Ханзадэ нимало не виновать въ нападеніи на наши предѣлы. Главный виновникъ этого нападенія, Абдрахманъ-Автобачи, силой, вѣроятно, привлекъ Ханзадэ на свою сторону. Если эти предположенія оправдаются, то останется только признать ханомъ Ханзадэ и допустить его до управленія ханствомъ, причомъ, однако, для будущаго спокойствія нашихъ границъ, все таки, необходимо заручиться какими-нибудь гарантіями, чтобъ, въ случаѣ новаго возстанія, имѣть возможность одолѣть его или, во всякомъ случаѣ, не допустить новыхъ вторженій въ русскіе предѣлы со стороны Кокана.

Что же касается самого хана, пріобрѣвшаго ханство нынѣшнею революціей, то если Сеидъ-Нассыр-Эддинъ-бекъ-Ханзадэ съумѣетъ упрочить свое новое положеніе въ ханствѣ, коканскій походъ можно считать покончennымъ; если же Абдрахманъ-Автобачи и другіе вожди возстанія не помирятся съ такимъ положеніемъ дѣлъ, нашимъ войскамъ придется имѣть дѣло съ кипчаками, подобно тому, какъ, въ 1873 году, послѣ взятія Хивы, пришлось имѣть дѣло съ туркменами.

Таковы, въ общихъ чертахъ, событія нынѣшняго коканскаго похода. Россія еще разъ доказала, что за всякое насиліе со стороны среднеазіатцовъ она съумѣетъ отпла-

93

Голосъ. 1875 г. № 250.

«Туркестанскія Вѣдомости» сообщаютъ слѣдующія подробности **о происшествіяхъ въ Коканѣ:**

«11-го іюля, чиновникъ по дипломатической части при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, коллежскій совѣтникъ Вейнбергъ, вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Скобелевымъ, коканскимъ уполномоченнымъ Мирзою-Хакимомъ-Перваначи и конвоемъ изъ 22-хъ казаковъ и шести джигитовъ, былъ командированъ въ Коканъ для исполненія дипломатическихъ порученій. 13-го іюля, всѣ вышеименованныя лица достигли Кокана, гдѣ черезъ два дня представлялись хану. При нихъ же слѣдовалъ молодой родственникъ хана, Абду-Керимъ-бекъ, выданный коканскому правительству, согласно распоряженію генералъ-губернатора, за принятое имъ участіе въ возмущеніи киргизовъ противъ коканскаго хана. А. А. Вейнбергъ передалъ хану письмо генералъ-губернатора и заявилъ ему также словесно, «что туркестанскій генералъ-губернаторъ надѣется на полное помилованіе Абду-Керима-бека, провинившагося предъ ханомъ по молодости и неопытности». Ханъ, безъ всякихъ отговорокъ, согласился на это предложеніе; онъ приказалъ надѣть своему молодому родственнику почетный халатъ и поручилъ его попеченію Ата-бека наиба. На поѣздку полковника Скобелева по ханству для его изслѣдованія ханъ также изъявилъ полное свое согласіе, снабдилъ полковника Скобелева палаткой и назначилъ 20 человѣкъ джигитовъ для сопровожденія въ предѣлахъ ханства. При этомъ Худояръ, однако, предупредилъ, что мѣстность за Ушемъ небезопасна, вслѣдствіе волненія кочевого населенія, вызваннаго появленіемъ на каратегинской границѣ племянника хана, Назара бека, сѣжавшаго изъ Бухары, и прошлогодняго претендента на Чаткалѣ, Сеида-Фулада-хана, въ окрестностяхъ Узгента. Противъ этихъ шаекъ были высланы три отряда подъ начальствомъ Исса-Аулiе, Абду-Рахмана-Автобачи и Сарымсака-Ишикъ-Агаси, всего до четырехъ тысячъ человѣкъ. Чтобъ очертить послѣдующія затѣмъ событія, мы приведемъ подлинный рапортъ коллежскаго совѣтника Вейнберга.

«Чрезъ два дня послѣ представленія — пишетъ г. Вейнбергъ — пришло тревожное извѣстіе, весьма скоро подтвердившееся, что Исса-Аулiе и Абду-Рахманъ, съ ввѣренными имъ отрядами, перешли на сторону мятежниковъ и намѣрены дѣйствовать наступательно противъ хана. Несмотря на столь грозъ-

ный слухъ, полковникъ Скобелевъ сталъ готовиться къ дорогѣ и намѣренъ былъ выступить 18-го іюля, для выполненія возложеннаго на него порученія. Я, съ своей стороны, считалъ долгомъ испросить у хана частную аудіенцію, во время которой передалъ Худояру-хану словесное порученіе генералъ-губернатора, касательно образа дѣйствій хана съ подвластными ему кочевниками и народомъ. Ханъ былъ видимо озабоченъ дурными вѣстями изъ провинцій, но, всетаки хотѣлъ скрыть настоящее положеніе дѣлъ и увѣрялъ, что безпорядки въ ханствѣ никогда не имѣли серьёзнаго характера, а скорѣе походили на мелкіе грабежи и разбои, свойственные всякому кочевому населенію. Онъ нѣсколько разъ подтверждалъ, что любитъ и уважаетъ генералъ-губернатора и не видитъ перемѣны въ его образѣ дѣйствія; въ случаѣ же необходимости, не только готовъ посовѣтоваться съ нимъ о мѣрахъ къ подавленію безпорядковъ, но и позволитъ себѣ просить помощи. Вообще же, замѣтна была большая уступчивость во всѣхъ отвѣтахъ, хана; онъ говорилъ мягко и осторожно и находился видимо подъ впечатлѣніемъ дурныхъ извѣстій. Событія не заставили себя ждать; 19-го іюля, въ Коканѣ сдѣлалось извѣстно о переходѣ Ханазаде-Наср-Эддина-бека на сторону инсургентовъ и о занятіи ими городовъ: Уша, Намангана, Андиджана и Ассаке. Душою инсурекціоннаго движенія явился смѣлый кипчакъ Абду-Рахманъ Автобачи, сынъ Мусульмана-Кула. Ханъ тогда же сообщилъ намъ, что Автобачи намѣренъ былъ придать этому движенію характеръ священной войны противъ русскихъ. Я тогда сильно сомнѣвался въ истинѣ подобнаго заявленія, но послѣдовавшія затѣмъ событія заставили меня вѣрить во враждебное къ намъ настроеніе народа и войска. Въ виду всеобщаго возстанія и пересѣченія главныхъ путей сообщенія, полковникъ Скобелевъ рѣшился отложить свою поѣздку до болѣе благопріятнаго времени. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Коканѣ, полковникъ Скобелевъ снялъ планъ всей оборонительной линіи города; сверхъ того, онъ часто объѣзжалъ городъ какъ одинъ, такъ и со мной, для наблюденія нравственнаго настроенія населенія. Извѣстіе о приближеніи инсургентовъ сильно повліяло на жителей: базары затворялись, товары перевозились въ болѣе отдаленныя отъ центра города мѣста, на всѣхъ перекресткахъ видны были дуваны (юродивые) и дервиши, проповѣдывавшіе народу; но рѣчь ихъ была не слышна, подъѣзжать же къ образовавшимся около юродивыхъ кучкамъ было неудобно. Жители

покупали оружіе, и вся масса имѣла видъ озабоченный и встревоженный. Кромѣ шорныхъ, оружейной и кузницъ, все было заперто. На возвратномъ пути отъ дворцовой площади, мы встрѣтили Мулла-Маруфа сохскаго бека, во главѣ пятисотеннаго отряда, идущаго на соединеніе съ ханомъ.

«20-го іюля пришло извѣстіе о переходѣ правителя Маргилана, брата хана, Султана-Мурада-бека на сторону мятежниковъ, о занятіи бунтовщиками города Маргилана и о движеніи ихъ на Алты-арыкъ, въ семи ташахъ отъ Кокана. Волненіе въ городѣ все усиливалось, и ходили слухи, что мятежники намѣрены разграбить базары и напасть на насъ. Ханъ, пораженный столь грозными вѣстями, рѣшился тогда оставить Коканъ, въ которомъ не могъ разсчитывать на симпатію народа. Посовѣтовавшись съ полковникомъ Скобелевымъ, я нашолъ, что мѣсто наше должно быть при законномъ, признанномъ Государемъ Императоромъ, владѣтелѣ Кокана. Въ городѣ оставаться намъ было невозможно, вслѣдствіе возбужденнаго состоянія народа, да и, сверхъ того, мы не знали, какой оборотъ могутъ принять дѣла по вступленіи инсурекціоннаго войска въ Коканъ. Законный ханъ рѣшился оставить городъ, и я не считалъ себя вправѣ оставаться послѣ этого въ Коканѣ и входить въ какія бы то ни было сношенія съ мятежниками. При этомъ, однако, я просилъ полковника Скобелева, принявшаго начальство надъ сопровождавшимъ насъ взводомъ казаковъ, воздержаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ инсургентовъ и не считать насъ союзниками хана, до полученія отвѣта на мое донесеніе и на письмо хана, въ которомъ онъ отдавалъ себя и ханство свое подъ высокое покровительство Государя Императора и просилъ объ оказаніи ему помощи вооружонною силой. Выѣздъ хана былъ назначенъ на 22-е іюля, а 21-го, вечеромъ, всѣ находившіеся при насъ ханскіе джигиты неожиданно оставили нашъ домъ, похитивъ при этомъ часть посуды. Такимъ образомъ, квартира наша въ домѣ Мирзы-Хахима-Первanaчи осталась безъ всякой защиты правительственныхъ войскъ и находилась единственно подъ охраной горсти русскихъ.

«Всю ночь гулъ стоялъ надъ городомъ; отъ времени до времени слышались звуки барабановъ и звонкіе сигнальные рож-

ки. Поднявшись съ зарею, А. А. Вейнбергъ и полковникъ Скобелевъ узнали, что половина находившагося въ городѣ ханскаго войска (около 4,000 человѣкъ пѣхоты), вмѣстѣ со вторымъ сыномъ хана Мухамедомъ-Аминомъ-бекомъ, въ эту ночь также удалились изъ столицы, для присоединенія къ возставшимъ.

«Наканунѣ еще находящіеся въ городѣ русскіе подданные были предупреждены, что посольство оставляетъ Коканъ вмѣстѣ съ ханомъ, причомъ предложено имъ присоединиться къ намъ. Четыре человѣка русскихъ купцовъ: довѣренные двухъ фирмъ Пушшевыхъ, Быковскаго, Коншина, австрійскій подданный Мауеръ и одинъ татаринъ, довѣренный братьевъ Каменскихъ, всего девять человѣкъ, съ прислугой, немедленно воспользовались этимъ предложеніемъ. Остальные же мусульмане, русскіе подданные, остались въ Коканѣ. Для выступленія нашего требовались арбы, которыя съ трудомъ можно было достать и то въ недостаточномъ числѣ; вмѣсто семи, мы достали только три арбы, такъ что арбяныя лошади наши съ трудомъ двигались впередъ. Предъ выступленіемъ я отправилъ джигита съ телеграмой къ генерал-губернатору и съ письмомъ къ военному губернатору Сыр-Дарьинской Области; джигитъ этотъ былъ перехваченъ въ Канибадамѣ, арестованъ, и корреспонденція отнята; самъ же онъ спасся бѣгствомъ, пѣшкомъ въ Ходжентъ. Въ этотъ день передовой отрядъ Абду-Рахмана Автобачи дошолъ до урочища Карауль-Тепе, въ трехъ ташахъ отъ Кокана. Въ 10 часовъ утра того же числа, ханъ намѣревался двинуться изъ города, и намъ необходимо было рѣшить, пойдемъ ли мы изъ дома Мирзы-Хакима на соединеніе съ Худояромъ на Дворцовую Площадь, или же оставимъ городъ одни, изъ ближайшихъ воротъ. Посовѣтовавшись съ полковникомъ Скобелевымъ, мы нашли болѣе совмѣстнымъ съ русскимъ именемъ и честью придержаться перваго порядка выступленія, а потому вмѣстѣ съ русскими купцами двинулись чрезъ людныя улицы и базары ко дворцу хана. На встрѣчу намъ шло ханское войско: пѣхота и кавалерія, направлявшаяся на позицію, внѣ города; артилерія уже была отправлена впередъ еще рано утромъ. Войска двигались посрединѣ улицы; по обѣимъ же сторонамъ стоялъ шпалерами народъ, вооружонный батиками, палками и съ камнями въ рукахъ. Приходилось проходить по одному, весьма медленно подвигаясь впередъ и останавливаясь чрезъ каждые

15—20 шаговъ. Недалеко отъ дворцовой площади, народъ и войско до того скучились, что невозможно было двигаться. Мы остановились. Одинъ изъ проходившихъ мимо насъ, съ отрядомъ кавалеріи, юз-баши, посмотрѣвъ въ нашу сторону, съ улыбкой проговорилъ: «проходите, проходите; мы потомъ со всѣхъ васъ снимемъ головы». Въ этотъ же моментъ за мной послышался голосъ полковника Скобелева, просившій меня скорѣе двинуться впередъ. Воспользовавшись небольшимъ интерваломъ между войскомъ и народомъ, я проѣхалъ впередъ, и вскорѣ всѣ мы вытянулись на площадь и выстроились передъ ханскимъ дворцомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что причина, побудившая полковника Скобелева къ скорѣйшему движенію впередъ, на площадь, заключалась въ столкновеніи, происшедшемъ между казакомъ и однимъ изъ жителей. Коканецъ ударилъ казака палкой, а казакъ взялся за шашку; но, къ счастью, полковникъ Скобелевъ остановилъ во-время казака, и вышелъ изъ тѣснаго прохода.

«Вскорѣ по прибытіи русскихъ на площадь, выѣхалъ ханъ изъ дворца въ сопровожденіи Ата-бека-наиба, Мирзы-Хакима-Перваначи, Моллы-Маруфа и небольшой свиты. Владѣтель Кокана, оставлявшій свой родовой замокъ, былъ, повидимому, спокоенъ. Онъ съ четверть часа простоялъ подъ сводомъ главныхъ воротъ, отдавая послѣднія приказанія, послѣ чего сѣлъ на коня, и поѣздъ двинулся. Изъ города вышли въ муй-мебаренскія ворота. Народъ, стоявшій, по-прежнему, на пути большими массами, не рѣшался предпринять открыто что-нибудь враждебное; но изъ толпы раздавались голоса, предсказывавшіе всѣмъ путь въ могилы. Ханъ, въ случаѣ крайности, вѣроятно, уже тогда предрѣшилъ двинуться къ русской границѣ, но не рѣшался направиться на ворота Катта-Газы-Алыкъ, ведущія на махрамскую дорогу, изъ опасенія, что народъ его не выпуститъ. Когда же онъ пошолъ на Муй-Мебарекъ, то всѣ полагали, что ханъ идетъ на позицію, чтобъ выждать тамъ мятежниковъ и сразиться съ ними. Очень можетъ быть, что Худояръ ханъ и рѣшился бы на подобный бой, еслибъ не былъ оставленъ въ восьми верстахъ отъ Кокана, самымъ постыднымъ образомъ, своею арміей со всею артилеріей. По выходѣ изъ муй-мебаренскихъ воротъ, мы пошли по ровной луговой мѣстности, пересѣченной быстрыми ручьями. Справа тянулись изгороди садовъ.

Чрезъ пять верстъ характеръ мѣстности измѣнился; галька и песокъ замѣнили травяной коверъ, и, пройдя еще версты три, мы остановились у опушки кустарника, на позиціи Гау-Хане. Шестьдесятъ восемь орудій разнаго калибра, въ числѣ которыхъ были четыре орудія, заряжающіяся съ казенной части, около 4,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи составляли силы хана коканскаго. Разбили шатры и занялись варкой пищи. Въ это время прибылъ къ намъ Мирза-Хакимъ и предложилъ, отъ имени хана, принять въ наше распоряженіе, сколько мы пожелаемъ, орудій. Озабочиваясь возможностью труднаго отступленія къ русскимъ предѣламъ, по разбитіи ханскихъ войскъ мятежниками, мы рѣшились благодарить хана за предложеніе и просить назначить намъ два легкія орудія, по выбору полковника Скобелева. При этомъ я счолъ своимъ долгомъ заявить полковнику Скобелеву, что я могу согласиться на дѣйствіе этихъ орудій только для нашей личной защиты. Заявить объ этомъ хану мы рѣшились, по полученіи орудій, только во время дѣла, еслибъ отъ него послѣдовало приказаніе открыть огонь. Во время стоянки повторился случай, еще разъ доказывающій, насколько враждебно настроено противъ русскихъ ханское войско. Я шолъ съ полковникомъ Скобелевымъ вдоль артилерійской позиціи; на встрѣчу намъ проскакалъ артилерійскій офицеръ, и нетолько не посторонился, но намѣренно направилъ лошадь такъ, чтобъ сбить насъ съ ногъ. Когда мы посторонились, то были встрѣчены дружнымъ смѣхомъ окружавшихъ его товарищей. Не считая возможнымъ оставить подобную выходку незамѣченною, я, въ сопровожденіи полковника Скобелева, немедленно отправился къ Ата-беку и, въ присутствіи всего у него собравшагося войскового начальства, въ строгихъ выраженіяхъ, потребовалъ наказанія виновнаго; конечно, мы удалились, не убѣдившись въ результатѣ нашего заявленія. Не прошло и полутора часа на нашей стоянкѣ, какъ Мирза-Хакимъ сообщилъ намъ, что ханъ направляется въ дальнѣйшій путь, на Биш-Арыкъ. Тотчасъ же стали собираться, запрягать арбы и вьючить лошадей. Вдругъ между стоявшею во 100 шагахъ отъ насъ ханскою кавалеріей (2,000 человѣкъ) произошло волненіе. Всѣ они начали собираться въ кучу, срывать съ древокъ значки и, мгновенно вскочивъ въ сѣдла, съ гикомъ понеслись къ Коканду. Въ это время ханъ уже выѣхалъ съ позиціи и незамѣтно отошолъ садами версты на три, съ

500 всадниками; мы же все еще стояли предъ нашею палаткой и находились въ полномъ недоумѣніи, что̀ значитъ подобный маневръ: атака ли это противъ показавшагося изъ города непріятеля, или же измѣна и постыдное бѣгство съ предполагаемаго поля битвы Вскорѣ мы убѣдились, что послѣднее предположеніе было болѣе вѣрно и что войска, вышедшія съ ханомъ изъ города, передались на сторону его враговъ. Артиллеристы вскочили на лошадей и также бросились къ городу, оставивъ орудія на позиціи. Пѣхота, стоявшая отъ насъ нѣсколько дальше кавалеріи, послѣдовала примѣру артиллеріи и разбѣжалась по садамъ. Тревога не застала насъ врасплохъ; казаки, по командѣ, стали въ ружье. Въ этотъ, довольно критическій моментъ, подошелъ къ намъ, проживавшій издавна въ Коканѣ бѣглый сибирскій казакъ Евграфъ, и сообщилъ, что если мы простоимъ еще нѣсколько минутъ на той же позиціи, то рискуемъ быть уничтоженными отъ перваго до послѣдняго. Довѣрившись его руководству, мы сѣли на коней и двинулись по садамъ, вслѣдъ за опередившимъ насъ ханомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что спасеніемъ нашимъ въ этомъ опасномъ мѣстѣ мы обязаны Евграфу: не будь его, мы могли бы погибнуть весьма легко при полномъ незнаніи дороги и при стремительной атакѣ въ шашки части возвратившейся кавалеріи; нѣсколько верстъ далѣе, на мѣстности, пересѣченной и затопленной, подобная атака дѣлалась уже гораздо труднѣе[*]. Втянувшись въ сады,

*, Когда ханъ, со стоянки у кишлака Гау-Хане, приказалъ направить семейство и арбы съ имуществомъ по дорогѣ къ русскимъ предѣламъ, въ толпѣ начали говорить: «Ханъ направилъ женъ своихъ къ Ходженту; онъ ѣдетъ къ русскимъ; мы за нимъ не пойдемъ!» Услыхавъ это, Евграфъ рѣшился не отставать отъ хана и присоединился къ толпѣ ханскихъ джигитовъ. Ханъ въ это время сѣлъ на лошадь и двинулся садами къ Канабадаму. Увидавъ Евграфа, онъ ему сказалъ: отчего это не идутъ русскіе? Имъ бы слѣдовало идти впередъ насъ; они къ намъ, какъ къ добрымъ людямъ, пріѣхали въ гости; пусть же насъ сперва убиваютъ, а имъ бы слѣдовало идти впередъ». Тогда Евграфъ повернулъ къ мѣсту, гдѣ мы стояли, и наткнулся на сарбазовъ отряда Молла Мааруфа: у нихъ шло совѣщаніе; большинство требовало, чтобъ стрѣляли по русскимъ, немногіе же удерживали, говоря: «Пускай изъ нашихъ кто-нибудь стрѣляетъ, только чтобъ не мы были первые». Одинъ изъ начальниковъ, кураминскій уроженецъ, Турсункулъ, приказывалъ сарбазамъ стрѣлять, отговаривалъ же пріѣхавшій съ ханомъ Батырь-баши, говоря вышеприведенныя слова. Опасаясь быть убитымъ, Евграфъ не отъѣзжалъ отъ шумящей толпы, пока не увидѣлъ, что всѣ сарбазы бросились къ оставленнымъ орудіямъ. Тогда Евграфъ, пользуясь суматохой, успѣлъ подъѣхать къ намъ и предупредить насъ объ опасности. По насъ впослѣдствіи открылъ огонь именно отрядъ Молла-Мааруфа; кто стрѣлялъ изъ орудій, Евграфъ не знаетъ.

мы вскорѣ услышали за собою крикъ и гиканье преслѣдовавшихъ насъ всадниковъ; жители кишлака Гау-Хане и измѣнившіе хану сарбазы также присоединились къ нимъ и началась усиленная пальба. Лошади пугались и бросались въ сторону; тяжело нагруженныя арбы часто останавливались и сильно затрудняли наше движеніе. Полковникъ Скобелевъ, находившійся постоянно въ арьергардѣ, ободрялъ людей своимъ примѣромъ, такъ что, наблюдая за всѣмъ, поспѣвалъ повсюду, гдѣ требовалось его присутствіе. Позволяю себѣ высказать мое глубокое убѣжденіе, что маленькій отрядъ нашъ, если и дошолъ благополучно до русской границы, то единственно благодаря хладнокровію, смѣлости и энергіи полковника Скобелева. Находясь въ роли посланника, я не рѣшался сначала дать согласіе на открытіе огня съ нашей стороны. Я не хотѣлъ навлечь на насъ нареканія и обвиненія въ этомъ смыслѣ; я не хотѣлъ, чтобъ могли сказать о насъ, что мы подали поводъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Часть казаковъ, по приказанію полковника Скобелева, нѣсколько разъ спѣшивалась, чтобъ удержать слишкомъ стремительный натескъ мятежниковъ. При видѣ спѣшившихся казаковъ, преслѣдованіе немного ослабѣвало, но какъ только люди садились на коней, коканцы снова начинали напирать. Находясь въ весьма неблагопріятномъ положеніи, во время прохожденія по садамъ, по узкой затопленной дорогѣ, гдѣ за каждымъ заборомъ могла быть устроена засада, мы вытянулись, вмѣстѣ съ тяжело нагруженными арбами, на поляну и подверглись артилерійскому огню пяти орудій. Сначала по насъ были сдѣланы три выстрѣла картечью, на разстояніи 400 шаговъ, причомъ былъ убитъ состоявшій при насъ джигитъ; нѣсколько раньше убитъ былъ фальконетнымъ выстрѣломъ молодой мальчикъ, служитель довѣреннаго фирмы Каменскихъ. Впослѣдствіи были сдѣланы противъ насъ еще до 12-ти выстрѣловъ ядрами, но уже на большомъ разстояніи. Измученные дурною дорогой, въ садахъ, лошади арбъ нашихъ поминутно останавливались и падали; не видя возможности держать арбы подъ артилерійскимъ огнемъ, тѣмъ болѣе, что мятежники въ короткое время могли подкатить всѣ оставшіяся на позиціи орудія, мы были вынуждены бросить двѣ арбы со всѣмъ нашимъ имуществомъ и подарками; ханъ же потерялъ во время всего отступленія болѣе половины своего обоза. Присоединившись чрезъ полчаса къ хану, мы застали его стоящимъ подъ боль-

шимъ краснымъ знаменемъ и отстрѣливающимся отъ насѣдавшаго непріятеля. Худояръ-Ханъ, очевидно, остановился, чтобъ подождать насъ и дать возможность соединиться съ нимъ. Вообще, во время всего отступленія, ханъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и весьма благородно относился къ русскимъ».

«По соединеніи съ ханомъ, А. А. Вейнбергъ отправилъ джигита Мирзу-Хакима, съ запиской къ ходжентскому уѣздному начальнику, и просилъ выслать отрядъ на помощь. Джигитъ этотъ, проскакавъ въ Ходжентъ на лошади полковника Скобелева, доставилъ записку, вслѣдствіе которой отрядъ и былъ выдвинутъ въ кишлакъ Исфесаръ (въ 12 верстахъ отъ Ходжента).

«При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ арьергардѣ хана, по канабадамской дорогѣ, мы стали замѣчать, что кучки въ 5—7 человѣкъ изъ сопровождавшихъ хана сарбазовъ, отставая на 50—60 и болѣе шаговъ, открывали съ этого разстоянія огонь по насъ. Влѣво отъ пути нашего слѣдованія, между горами и полосой садовъ, человѣкъ сорокъ конныхъ джигитовъ слѣдили за направленіемъ нашего пути. Впослѣдствіи мы узнали, что инсургенты отправили въ обходъ, для пересѣченія намъ канабадамской дороги, 400 человѣкъ конницы, при четырехъ орудіяхъ; но вслѣдствіе предпринятой внезапно ханомъ перемѣны направленія пути и поворота съ канабадамской дороги опять на Бишъ-арыкъ, отрядъ этотъ не могъ выполнить своего назначенія. Бишъ-арыка мы достигли уже въ полночь, совершивъ верстъ двадцать кружного пути и сбивъ этимъ съ толку нашихъ преслѣдователей, которые въ темную ночь не могли насъ настигнуть на пересѣченной и перерѣзанной арыками мѣстности. Къ ночи преслѣдованіе прекратилось и мы спокойно прошли черезъ большой и многолюдный кишлакъ Бишъ-арыкъ. Во время дороги, сопровождавшіе насъ русскіе подданные передали намъ, что жители Бишъ-арыка не выпускаютъ находящагося тамъ купца Арзамасцева съ женой. По прибытіи въ помянутый кишлакъ, ханъ, вслѣдствіе просьбы нашей, приказалъ исправлявшему должность мехтера, мирзѣ-баши Хатему-баю, взять нѣсколько джигатовъ и привести Арзамасцева. Мирза-баши отправился въ кишлакъ; чрезъ нѣсколько времени, въ сторонѣ послышались выстрѣлы и прискакавшіе джигиты объявили, что на Хатема-бая произведено нападеніе, что онъ убитъ и ограбленъ. Впослѣдствіи оказалось, что никто и не думалъ нападать на Мирзу-баши, а что онъ просто бѣжалъ и ускакалъ въ Коканъ. Купецъ же Арзамасцевъ съ женой, три дня передъ тѣмъ, оставилъ Бишъ-

арыкъ и выѣхалъ въ Ходжентъ. Часто отставали ханскія арбы и командировались люди для отъисканія свѣжихъ лошадей. Обыкновенно, люди эти уже не возвращались, и, разграбивъ находившееся на арбахъ имущество, отправлялись обратно въ Коканъ. Не надѣюсь также нисколько на благонадежность ѣхавшихъ предъ нами ханскихъ конныхъ джигитовъ, которые во всякій данный моментъ могли броситься на насъ, мы, по выходѣ изъ Биш-арыкскихъ садовъ въ степь, перешли изъ арьергарда въ сторону, и держались все время, до русской границы, въ стѣ саженяхъ отъ хана. Мы шли всю ночь, хотя весьма тихо, но безостановочно и спокойно; погони за нами не было. Миновавъ небольшой кишлакъ Фатаръ, въ $2^1/_2$ ташахъ отъ Биш-арыка, мы, послѣ разсвѣта, подошли къ кишлаку Шахитъ-Мазаръ (въ 25-ти верстахъ отъ Мехрама). Пройдя этотъ кишлакъ, часовъ въ 7 утра, въ арьергардѣ хана, мы услышали крики и живую перестрѣлку. Вскорѣ къ намъ подскакалъ одинъ изъ приближенныхъ хана и объявилъ, что погоня настигла; причомъ онъ, со слезами на глазахъ, молилъ отрядить половину казаковъ на помощь хану. Находя невозможнымъ раздѣлить и безъ того небольшія силы, мы просили передать хану, что если онъ желаетъ быть подъ нашею защитой, то пусть подъѣзжаетъ къ намъ. Сами же мы остановились и выбрали удобное мѣсто для спѣшиванія. Посланный вернулся къ владѣтелю Кокана и вскорѣ возвратился съ просьбой хана, не отказать принять подъ нашу защиту, по крайней мѣрѣ, семью его и младшаго сына, Урмана-бека. Пропустивъ мимо арбы съ женами хана, а также и Урмана-бека, мы сомкнулись за ними арьергардомъ. Замѣчательный фактъ: ханъ семейство свое охотнѣе довѣрялъ защитѣ горсти русскихъ, чѣмъ охранѣ собственныхъ своихъ джигитовъ! Послѣ пропуска черезъ нашъ отрядъ семейства хана, крики и перестрѣлка еще продолжались, но ничего серьёзнаго не произошло. Вслѣдъ за этимъ, пол-

ковникъ Скобелевъ скомандовалъ взводу налѣво кругомъ и съ нѣсколькими казаками въѣхалъ на песчаный барханъ, чтобъ показать преслѣдователямъ бѣлыя фуражки и русскіе мундиры, послѣ чего мы двинулись впередъ тихимъ шагомъ и съ пѣснями. Люди пробыли безъ пищи 36 часовъ въ сѣдлѣ, изъ которыхъ 6 часовъ они отступали подъ непрерывнымъ огнемъ, тѣмъ неменѣе, они шли бодро. Такова сила обаянія распорядительнаго начальника, умѣющаго вселять къ себѣ довѣріе и поддерживать въ своихъ подчиненныхъ бодрый духъ; такимъ именно явилъ себя М.Д Скобелевъ въ этомъ случаѣ. Купцы наши также держали себя хорошо. Полковникъ Скобелевъ предложилъ имъ, въ случаѣ всеобщаго спѣшиванія, держать лошадей. Послѣ этой послѣдней попытки, преслѣдованіе прекратилось, и мы благополучно достигли Мехрама. Крѣпость эта была покинута бекомъ, который также бѣжалъ въ Коканъ. Ханъ во всю дорогу не хотѣлъ дать рѣшительнаго отвѣта, перейдетъ ли онъ русскую границу или нѣтъ. Онъ, повидимому, все еще надѣялся на увеличеніе его партіи отрядами окрестныхъ бековъ и сельскими жителями; но онъ въ разсчотахъ ошибся. Люди массами уходили отъ Худояра-хана, и никто не присоединялся къ нему. Во время слѣдованія къ Мехраму, Атабекъ спросилъ полковника Скобелева: нельзя ли будетъ вернуться на Коканъ, если русскія войска встрѣтятъ насъ въ Мехрамѣ? Полковникъ Скобелевъ возразилъ, что войска посланы собственно для нашей защиты, и что дальнѣйшая судьба ханства зависитъ отнынѣ отъ рѣшенія генерал-губернатора. Въ Мехрамѣ я заявилъ хану, что миссія наша кончена: мы были посланы генерал-губернаторомъ къ владѣтелю Кокана, и остались съ нимъ до послѣдней коканской крѣпости. Далѣе я заявилъ ему, что мы, окончивъ свое дѣло, удаляемся въ русскіе предѣлы, а потому просимъ его сооб-

щить, какъ онъ намѣренъ поступить: броситься ли въ крѣпость Мехрамъ, или же ожидать въ чистомъ полѣ непріятеля? Ханъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ въ Мехрамѣ оставаться не намѣренъ, и поѣдетъ вмѣстѣ съ нами въ Ходжентъ. Оставивъ Мехрамъ, въ полдень, мы, къ закату, добрались до русскаго кишлака Испесаръ. въ 8-ми верстахъ отъ котораго мы были встрѣчены помощникомъ ходжентскаго уѣзднаго начальника, капитаномъ графомъ Девіеромъ, съ 20-тью стрѣлками, посаженными на лошадей. Летучему отряду этому предписано было соединиться съ нами какъ можно скорѣе. Въ самомъ кишлакѣ находился 7-й линейный батальйонъ и дивизіонъ артилеріи; весь отрядъ былъ подъ начальствомъ полковника Савримовича. При этомъ считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что войска Ходжентскаго Уѣзда собрались съ необыкновенною быстротою, впродолженіи трехъ часовъ времени, и что вѣсть объ этомъ, навѣрно, во-время дошедшая до мятежниковъ, содѣйствовала къ прекращенію преслѣдованія около Мехрама Переночевавъ въ 12-ти верстахъ отъ Ходжента, въ кишлакѣ Испесарѣ, ханъ, 24-го іюля, послѣ полудня, прибылъ въ Ходжентъ и помѣстился въ домѣ начальника уѣзда, гдѣ его ожидали почетный караулъ и военная музыка. Народъ въ кишлакѣ и городѣ принималъ хана довольно сочувственно, и хотя большихъ массъ по улицамъ не собиралось, такъ какъ Худояръ-ханъ, согласно выраженному имъ желанію, былъ проведенъ въ приготовленную для него квартиру не базарами, а окольнымъ путемъ, краемъ города. Послѣднія неожиданныя событія сильно повліяли на нравственное и физическое состояніе хана. По пріѣздѣ въ Ходжентъ, онъ чувствовалъ себя совершенно нездоровымъ, и переѣхалъ изъ дома ходжентскаго уѣзднаго начальника, барона Нольде, на женскую половину, въ мусульманскомъ помѣщеніи, недалеко отъ берега Дарьи.

105

Голосъ 1875. № 254.

Изъ Ташкента (*кореспондція «Голоса»*).—События на нашемъ политическомъ горизонтѣ, по отношенію къ сосѣднимъ независимымъ ханствамъ, быстро мѣняются. Русской власти непредставляется возможности сосредоточиться на внутреннемъ устройствѣ края. Почти ежегодно, съ началомъ весны, по Ташкенту ходятъ тревожные слухи о безпорядкахъ: то кипчаки (самая значительная часть населенія Коканскаго Ханства), то кара-киргизы возстали противъ живущаго съ нами въ мирѣ хана, то открытъ заговоръ между придворными эмира, словомъ, каждая весна приноситъ враждебные нашимъ интересамъ слухи.

Въ послѣднее время, болѣе всего страдало внутреннею неурядицей и безпорядками Коканское Ханство. Причинами, вызывавшими эти волненія, всегда оказывались злоупотребленія, которыя дозволяли себѣ ханъ и его приближонные, отягощая народъ непомѣрными налогами. Ханское правительство и его агенты, являвшіеся въ Ташкентъ, при сношеніяхъ по пограничнымъ дѣламъ, на разспросы о безпорядкахъ отвѣчали, что все это производитъ партія, враждебная хану, за его миролюбивое отношеніе къ русскимъ. При дознаніяхъ же, произведенныхъ другими путями, обнаруживалось, что поводомъ всегда служили непомѣрные налоги, частыя смертныя казни, большею частью являвшіяся по

одному подозрѣнію о существованіи какого-то заговора. Наша представительная власть, въ этихъ случаяхъ, являлась съ добрыми совѣтами сосѣду, нарочно съ этою цѣлью отправлялось посольство къ хану, послѣ чего, слухи умолкали, и, казалось, у сосѣдей все успокоивалось. Въ такомъ видѣ, около восьми лѣтъ, существовало коканское ханство, ближайшее по сосѣдству къ Ташкенту.

Въ нынѣшнемъ году, съ началомъ весны, по городу распространились обычные слухи, что въ Коканѣ безпорядки. Говорили, что въ ханствѣ появился претендентъ на ханство, нѣкто Абду-Каримъ-бекъ. Съ пріѣздомъ генерал-губернатора въ Ташкентъ, въ началѣ іюня, слухъ этотъ, какъ бы, затихъ; говорили, что шайка этого узурпатора разбита, самъ онъ гдѣ-то скрывается въ нашихъ предѣлахъ, и затѣмъ, въ Коканѣ все обстоитъ благополучно. Спокойствію этому старожилы Ташкента не повѣрили, предполагая, что это только наружное спокойствіе, по случаю присутствія главнаго начальника края въ Ташкентѣ. Ознакомясь съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ за время своего отсутствія, генералъ-губернаторъ, 6-го іюля, выѣхалъ въ Семирѣченскую Область. Передъ отъѣздомъ же онъ отправилъ посольство изъ состоящаго при немъ чиновника для дипломатическихъ спошеній, г. Вейнберга, и флигель-адъютанта Его Величества, полковника генеральнаго штаба, Скобелева. Г. Вейнбергу поручено было передать хану въ настоятельныхъ выраженіяхъ требованіе русской власти о болѣе мирномъ управленіи ханствомъ; г. Скоболевъ командированъ былъ съ порученіемъ въ Кашгаръ къ Якубу, но съ тѣмъ, чтобъ онъ проѣхалъ черезъ горный кряжъ, отдѣляющій коканское ханство отъ Кашгара.

Неуспѣло главное начальство проѣхать Сыръ-Дарьинскую Область, а посольство—нашу границу съ Коканомъ, какъ въ Ташкентѣ вновь прошли слухи о безпорядкахъ въ Кокапскомъ Ханствѣ. На этотъ разъ виновникомъ возстанія былъ Назаръ-бекъ, племянникъ Худояра-хана, скрывавшійся долгое время въ Бухарѣ. Онъ появился съ партіей, набранною частью въ Бухарѣ, частью въ Каратегинѣ. Недовольныя ханомъ кипчаки, составляющіе главную часть населенія въ ханствѣ, незамедлили воспользоваться случаемъ подняться, чтобъ ниспровергнуть власть Худояра-хана. Воспользовавшись тѣмъ, что ханскіе войска двигались противъ Назара-бека, кипчаки заняли Андиджанъ, гдѣ жилъ старшій сынъ хана, Ханъ-Заде, Наср-етдинъ-бекъ съ дядькой своимъ Исса-Ауліэй. Назаръ-бекъ движеніе кип-

чаковъ принялъ за сочувствіе къ себѣ и разбилъ удачнымъ манёвромъ пятьсотъ человѣкъ, высланныхъ противъ него изъ Андиджана на пути къ Кокану и, выйдя въ долину рѣки Сыръ-Дарьи, занялъ небольшую крѣпостцу Уте-Курганъ. Наше посольство въ это время было въ Коканѣ и предупреждало хана о готовившемся возстаніи противъ него, но ханъ считалъ все это пустяками.

Успѣхъ Назара-бека ободрилъ враговъ Худояра-хана, они открыто стали обнаруживать свое неудовольствіе. Высланный съ войсками противъ инсургентовъ приближенный хана Абдурахманъ-Автобачи (постельничій), родомъ кипчакъ, съ дороги, сперва, посылалъ въ Коканъ требованіе о присылкѣ ему подкрѣпленія противъ Назара-бека, а въ Андиджанѣ, соединясь съ кипчаками, объявилъ себя съ ввѣренными ему войсками отложившимся отъ Худояра-хана. Здѣсь онъ съ Исса-Аулiей порѣшили умертвить хана, и на его мѣсто возвести или Хана-Заде, или брата хана, Султана-Мурата-бека.

Худояръ-ханъ, видя себя въ такомъ положеніи, сначала хотѣлъ-было самъ идти противъ Абдурахмана Автобачи, но по малочисленности оставшихся ему вѣрными войскъ, рѣшился идти въ наши предѣлы. Когда въ Коканѣ было получено извѣстіе, что Абдурахманъ-Автобачи идетъ съ кипчаками къ Кокану, Худояръ-ханъ отдалъ приказаніе, чтобъ войска собрались за городскими воротами Муи-Мубарекъ. Собравъ, насколько позволяли перевозочныя средства, свою казну, семью, женъ, дѣтей и приближенныхъ, ханъ вышелъ за городъ къ войскамъ. Собравъ къ себѣ военноначальниковъ, онъ объявилъ имъ, что идетъ въ Ходжентъ, русскій пограничный городъ—желающіе могутъ слѣдовать за нимъ. Возвратясь къ своимъ частямъ, военноначальники стали совѣтоваться, что дѣлать; въ это время ханъ направился по махрамской дорогѣ къ нашей границѣ, за нимъ послѣдовало наше посольство. Послѣ двухчасового совѣщанія, рѣшено было перейти на сторону инсургентовъ, вѣсть о приближеніи которыхъ въ это время была получена въ лагерѣ. Нѣсколько конныхъ партій бросились догонять отступавшій кортежъ хана, вслѣдъ ему было пущено нѣсколько ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ. До Махрама продолжалось преслѣдованіе; наше посольство съ своими казаками стройно отступало въ виду возмутившихся коканцевъ; ими не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Полковникъ Скобелевъ, руководившій отступленіемъ, строго запретилъ отстрѣливаться.

Съ переходомъ отступавшихъ въ Ходжентскій Уѣздъ, преслѣдованіе прекратилось. За день или два до выѣзда хана изъ Кокана, наше посольство отправило гонца къ ходжентскому уѣздному начальнику, прося выслать войска для ихъ охраны. Выступившій изъ Ходжента отрядъ, нѣсколько ротъ и дивизіонъ артилеріи, верстахъ въ двѣнадцати отъ города, встрѣтилъ наше посольство и хана, шедшихъ изъ Кокана.

Вступивъ въ наши предѣлы, Худояръ-ханъ письмомъ на имя главнаго начальника края просилъ принять его съ семьей и ханствомъ подъ покровительство Россіи.

За отсутствіемъ генерал-губернатора изъ Ташкента, военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской Области, при первыхъ извѣстіяхъ о безпорядкахъ въ Коканѣ выставилъ небольшой отрядъ въ селеніи Тиляу, лежащемъ близъ коканской границы въ Кураминскомъ Уѣздѣ, и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія быть готовымъ къ походу, если того потребуютъ обстоятельства; обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ и событіяхъ немедленно сообщалось въ Вѣрное, генерал-губернатору. Воздерживаясь, по возможности, сообразно нашимъ интересамъ, отъ вмѣшательства во внутреннія раздоры въ сосѣднихъ ханствахъ, главный начальникъ края дѣлалъ распоряженіе изъ Вѣрнаго всячески избѣгать столкновенія съ коканцами, увѣдомивъ при этомъ, что самъ скоро вернется въ Ташкентъ.

Въ день возвращенія генерал-губернатора, 31-го іюля, около 5 часовъ вечера, изъ Кокана отъ вновь избраннаго хана, Наср-етдинъ-бека, прибыло посольство съ заявленіемъ, что онъ желаетъ жить съ русскими, по прежнему, въ мирѣ и дружбѣ. Письмо скрѣпили Абдурахман-Автобачи и Исса-Аулія. Опытные люди говорили, что это обманъ, что новый ханъ игрушка въ рукахъ этихъ двухъ фанатиковъ. Честный характеръ нашихъ сношеній съ сосѣдями не дозволялъ отклонять посольство. Увѣренный въ искренности заявленій, главный начальникъ края, при представленіи ему начальниковъ отдѣльныхъ частей, говорилъ: «Богъ дастъ, обойдемся безъ войны». И дѣйствительно, съ уходомъ Худояра-хана, въ ханствѣ возстановилось полнѣйшее спокойствіе; торговля пошла обычнымъ путемъ— такъ сообщали купцы. Между тѣмъ, по официальнымъ донесеніямъ кураминскаго и ходжентскаго уѣздныхъ начальниковъ, видно было, что волненіе въ ханствѣ продолжалось. Городскіе слухи, естественно, преувеличивали вѣроятность всего, что разсказывалось по этому случаю. Изъ всего разсказывавшагося выходило одно: наши сосѣди хитрятъ, что-то предпринимаютъ противъ насъ.

Въ день отъѣзда коканскаго посольства, ночью, было получено донесеніе отъ начальника отряда изъ Тиляу, что нѣсколько коканскихъ партій перешли нашу границу, изъ которыхъ одна напала на селеніе Аблыкъ, Кураминскаго Уѣзда, а другія пошли бродить по уѣзду. Вскорѣ за этимъ, было получено донесеніе изъ Ходжента, что въ коканскомъ ханствѣ Абдурахманъ-Автобачи объявилъ священную войну противъ русскихъ, причомъ было приложено нѣсколько прокламацій, захваченныхъ въ уѣздѣ. Прокламаціи вызывали нашихъ подданныхъ туземцовъ возстать противъ насъ. Съ подобными же прокламаціями было поймано нѣсколько лицъ, явившихся изъ Кокана въ Ташкентъ и Кураминскій Уѣздъ. Всѣ эти факты наглядно доказали, что цѣлью всѣхъ послѣднихъ событій въ Коканѣ было рѣшеніе начать съ нами войну.

Командировавъ немедленно по полученіи донесенія о появившихся партіяхъ въ Кураминскомъ Уѣздѣ генерал-лейтенанта Головачева съ небольшимъ отрядомъ къ селенію Тиляу, чтобъ оттуда дѣйствовать противъ враговъ, явившихся къ намъ нежданно-негадано, главный начальникъ края отдалъ приказъ, 8-го августа, о выступленіи въ походъ противъ Кокана.

Между тѣмъ, пока шли приготовленія и двигались войска къ сборному пункту, въ Ташкентъ прибылъ послѣдній коканскій ханъ, Худояръ-ханъ, съ семьею и приближонными. Послѣ долгихъ совѣщаній, ханъ, наконецъ, рѣшился переѣхать во внутрь Россіи и, въ день выѣзда главнаго начальника края въ Ходжентъ, къ войскамъ, Худояръ-ханъ, съ четырьмя жонами и казною, выѣхалъ изъ Ташкента, на долгихъ. Ханъ предпочолъ совершить переѣздъ до Оренбурга на арбахъ. Всѣ доводы о трудности исполненія подобнаго переѣзда онъ не принялъ, ссылаясь на то, что боится заболѣть и устать дорогой, отправляясь на почтовыхъ.

110

Голосъ. 1875 г. № 294.

Изъ Кокана, *21-го сентября* (*кореспонденція «Голоса»*).—Кокандскій походъ нынѣшняго года нельзя не признать заслуживающимъ полнаго вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Существовало мнѣніе, что мы въ Туркестанскомъ Краѣ стоимъ на вулканѣ и что многочисленное туземное мусульманское населеніе Средней Азіи, подавленное и оглушонное громомъ побѣдъ, когда-нибудь очнется и пойдетъ грозною силой за какимъ-нибудь талантливымъ предводителемъ, который съумѣетъ увлечь за собою народныя массы. Въ виду всѣми признанной невоинственности исконныхъ жителей Азіи, таджиковъ, естественно было ожидать, что въ роли вождя явится узбекъ—человѣкъ изъ того племени (тюркскаго), которое уже выдѣлило изъ себя Тимура.

Самыми воинственными изъ тюркскихъ племенъ являются въ настоящее время: туркмены на крайнемъ западѣ Средней Азіи и кипчаки съ кара-киргизами—на восточной ея окраинѣ. Съ туркменами мы постепенно сводимъ уже наши счоты; хивинскій походъ 1873 года положилъ прочное начало русскому вліянію въ Туркменской Степи. Кипчаки, со своимъ вождемъ, Алимомъ-куломъ, также уже приходили въ столкновеніе съ русскими еще въ первые годы занятія городовъ Туркестанскаго Края: Ауліе-Ата, Чимкента и Ташкента; но съ того времени прошло почти десять лѣтъ, и впечатлѣніе пораженій, нанесенныхъ кипчакамъ, успѣло уже изгладиться. Неспокойные кипчаки снова подняли голову, и имъ показалась сбыточною мысль: поднять все мусульманское населеніе Средней Азіи на священную войну противъ русскихъ.

Пока въ Коканѣ ханскій престолъ занималъ Худояръ-ханъ, сдерживавшій желѣзною рукой неспокойные элементы населенія Кокандскаго Ханства, фанатическая затѣя кипчаковъ не могла обнаруживаться. Худояръ-ханъ былъ такъ твердъ и опытенъ, что не позволялъ увлечь себя безразсуднымъ агитаторамъ; съ другой стороны, онъ имѣлъ полное основаніе не довѣрять расположенію къ себѣ кипчаковъ. Онъ помнилъ очень хорошо время господства въ Коканѣ кипчакской партіи, когда онъ находился подъ строгою опекой Мусульмана-кула, опекой, отъ которой онъ успѣлъ избавиться только посредствомъ почти

поголовнаго избіенія кипчаковъ во всемъ ханствѣ [1]). Помнилъ онъ и время Алима-кула, который былъ полновластнымъ регентомъ Коканскаго Ханства во все время правленія Молла-хана (брата Худояра-хана) и въ послѣдовавшее затѣмъ междоусобное время ханствованія малолѣтныхъ Шаха-Мурата и Султана-Сеида. Худояръ-ханъ не любилъ кипчаковъ, втайнѣ опасался ихъ и приблизилъ къ себѣ только одного Абдурахмана, сына Мусульмана-кула, да и то потому, что подружился съ нимъ еще въ то время, когда не имѣлъ никакой власти и находился подъ опекою Мусульмана-кула. Худояръ-ханъ

[1]) Чтобъ избавиться отъ Мусульмана-кула и его приверженцовъ, Худояръ-ханъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: онъ пригласилъ однажды, на какой-то семейный праздникъ, въ свой дворецъ всѣхъ бековъ и важныхъ лицъ Кокана. Ханъ въ этотъ день былъ особенно ласковъ съ ними. Во время праздника, одинъ изъ присутствовавшихъ обидѣлся неосторожными словами Мусульмана-кула и началъ съ нимъ горячо спорить. Удивленный Мусульманъ-кулъ приказалъ ему тотчасъ же оставить ханскій дворецъ, но гость, въ раздраженіи, обозвалъ его уличною бранью. Мусульманъ-кулъ, предчувствуя что-то недоброе, смолчалъ и хотѣлъ уйти; но не успѣлъ онъ еще встать со своего мѣста, какъ на него бросилось съ ножами нѣсколько заговорщиковъ. Черезъ минуту во дворѣ ханскаго дворца загремѣлъ *догира* (набатъ); жители Кокана, ожидавшіе этого условнаго знака, бросились на собравшихся друзей Мусульмана-кула и истребили ихъ всѣхъ до одного. Самъ Мусульманъ-кулъ успѣлъ, однако, спастись какимъ-то чудомъ. Онъ удалился къ своимъ кипчакамъ, наскоро собралъ войско и пошолъ войною на Худояра-хана. При сліяніи Нарына и Сыр-Дарьи войско Мусульмана-кула было разбито, и кипчаки, чтобъ заслужить прощеніе хана, выдали ему Мусульмана-кула. Худояръ-ханъ приказалъ казнить Мусульмана-кула, но еще прежде того отдано было приказаніе «стереть съ лица земля всѣхъ кипчаковъ». Тогда началось страшное истребленіе всѣхъ тѣхъ кипчаковъ, которые не успѣли скрыться въ горы. Ихъ убивали повсемѣстно, отъ Уша до Ходжента. Рѣзня продолжалась три мѣсяца, и въ теченіи этого времени погибло болѣе 20,000 человѣкъ. Мусульманъ-кулъ три дня былъ прикованъ къ эшафоту, и въ его глазахъ казнили всѣхъ его друзей. Говорятъ, что онъ переносилъ твердо эту пытку, но когда начали рубить головы совершенно невиннымъ людямъ, несчастный старикъ заплакалъ, началъ рваться и кричать: «убейте прежде меня». Ему отрубили голову.

назначилъ Абдурахмана своимъ *автобачи* [2]), и во всемъ довѣрялъ ему. Абдурахманъ-автобачи, казалось, также былъ совершенно преданъ хану и ревностно охранялъ его интересы. Когда, въ послѣднее время (въ 1874 году), возникли волненія между кипчаками. Абдурахманъ, съ конным войскомъ, разбилъ мятежниковъ и былъ зато произведенъ въ чинъ *германачи* (высшій военный чинъ).

Худояръ-ханъ, съ 1867 года до настоящаго времени, старался ничѣмъ не нарушать мирныхъ отношеній своихъ къ русскому правительству, зная хорошо силу русскихъ. Только въ послѣдніе годы ханствованія своего, Худояръ-ханъ довольно рѣзко измѣнилъ свое поведеніе: онъ сталъ относиться къ русскимъ далеко не такъ дружелюбно, какъ прежде, и въ этомъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть вліяніе Абдурахмана-автобачи и муллы Исса-ауліе, двухъ лицъ, замѣнившихъ, въ послѣднее время, Ата-бека, наиболѣе благоразумнаго изъ всѣхъ совѣтниковъ хана.

Положеніе Худояра-хана въ послѣдніе годы было весьма тяжолое. Народъ озлобленъ былъ на него за чрезмѣрные налоги, которые годъ отъ году становились все отяготительнѣе. Въ то же время, кипчакская партія, пользуясь неудовольствіемъ всей страны противъ хана, начанала постепенно поднимать голову. Два года Худояру-хану удавалось сдерживать народное неудовольствіе; онъ разбивалъ скопища мятежниковъ и не безъ гордости заявлялъ, что «звѣзда его еще не угасла».

Но она померкла въ августѣ нынѣшняго года. Два мѣсяца назадъ (въ іюлѣ), въ коканскіе предѣлы вторглась, черезъ Каратегинъ, значительная шайка недовольныхъ ханомъ киргизовъ, подъ предводительствомъ Назара-хана и Пулата бека, двухъ дальнихъ родственниковъ Худояра-хана. Кипчаки, всегда готовые примкнуть ко всѣмъ недовольнымъ, приняли участіе и въ этомъ движеніи. Сначала хана весьма мало безпокоили тревожные слухи, доходившіе до него изъ восточныхъ бекствъ ханства; онъ надѣялся,

[2]) Отъ слова: *автоба* — рукомойникъ; обязанность автобачи подавать хану рукомойникъ съ водою, при омовеніяхъ. Говорятъ, что Абдурахманъ, тайно отъ отца, часто доставалъ денегъ для молодого хана Худояра, которому Мусульманъ-кулъ не давалъ ни копейки, опасаясь, что онъ деньгами пріобрѣтетъ себѣ друзей.

что его любимецъ, Абдурахманъ-автобачи, и на нынѣшній разъ подавитъ волненіе; поэтому, ханъ нисколько не побоялся ввѣрить Абдурахману весьма значительный отрядъ ханскихъ войскъ, который двинулся къ Маргелану. Вмѣстѣ съ Абдурахманомъ отправился и близкій совѣтникъ хана, мулла Исса-ауліе.

Но вскорѣ до Кокана дошла вѣсть, что Абдурахманъ и Исса-ауліе задумали въ Маргеланѣ совершить государственный переворотъ и объявить хана низложеннымъ. Маргеланскій бекъ Султанъ-Муратъ (братъ хана), подъ угрозой смерти, долженъ былъ пристать къ мятежникамъ. Увѣряютъ, впрочемъ, что онъ тайно послалъ увѣдомить своего брата, Худояра-хана, обо всемъ, что совершилось въ Маргеланѣ. Абдурахманъ-автобачи и Исса-ауліе тотчасъ же вызвали къ себѣ изъ Андиджана сына Худояра-хана, андиджанскаго бека Насыра-Этдина [3]), и онъ, видя, что, въ случаѣ отказа, ему грозитъ неминуемая гибель, согласился быть ханомъ. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ, власть его могла быть только номинальною; дѣйствительными правителями ханства являлись въ такомъ случаѣ Абдурахманъ-автобачи, мулла Исса-ауліе и нѣкто Хаалякъ-Назаръ, лицо, до тѣхъ поръ неигравшее видной роли въ ханствѣ и возвысившееся только благодаря своему сообщничеству съ автобачи и Исса-ауліе.

Худояръ-ханъ, видя, что и войско, съ своими главными предводителями, и народъ — противъ него, почолъ болѣе благоразумнымъ удалиться изъ Кокана въ Ходжентъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и значительною казной. Во все время переѣзда, поѣздъ хана прикрывался конвоемъ нашего посольства [4]), которое пе-

[3]) Разсказываютъ, что посланнымъ приказано было привести его во что бы то ни стало, живого или мертваго.

[4]) А. А. Вейнбергъ и Д. М. Скобелевъ. Ханъ выѣхалъ изъ Кокана съ артилеріей и восемью-тысячнымъ отрядомъ, объявивъ, что идетъ на мятежника Абдурахмана - автобачи, но, отойдя восемь

редъ началомъ смутъ случайно находилось при ханѣ. Благодаря стойкости казаковъ и распорядительности флигель-адъютанта, полковника Скоболева, ханъ съ семействомъ своимъ благополучно добрался до русской границы.

Немедленно, вслѣдъ за удаленіемъ хана, по всему Коканскому Ханству начались приготовленія къ войнѣ противъ русскихъ. Подъ вліяніемъ фанатической идеи, овладѣвшей умами предводителей коканской инсурекціи, смолкла и даже отошла на задній планъ исконная вражда коканской (собственно сартовской) и кипчакской партій [1]). Кипчакъ Абдурахманъ-автобачи соединился съ истымъ сартомъ, муллою Исса-ауліе. Этотъ мулла былъ главнымъ подстрекателемъ и главою тріумвирата [2]).

верстъ отъ города Кокана, онъ приказалъ арбамъ со своею семьей и имуществомъ перейти на ходжентскую дорогу. Это возбудило подозрѣніе въ войскѣ, которое начало волноваться. Предвидя опасность, ханъ поспѣшилъ уѣхать съ толпою своихъ близкихъ людей, числомъ до 500 человѣкъ. Войско хана частью вернулось въ Коканъ и разошлось по домамъ, частью же бросилось преслѣдовать хана, уходившаго въ русскіе предѣлы. Казаки, подъ личнымъ начальствомъ полковника Скобелева, все время сдерживали преслѣдующія толпы и медленно отступали, даже безъ выстрѣла, подъ сильнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ со стороны коканцовъ. Это спокойное отступленіе продолжалось до Костакоза, куда былъ высланъ изъ Ходжента, при первой вѣсти о событіяхъ въ Коканѣ, 7-й линейный батальйонъ. Завидя русскихъ солдатъ, коканцы прекратили преслѣдованіе хана и нашего посольства. Во время отступленія, съ нашей стороны убиты два джигита, а въ ханскомъ отрядѣ восемь человѣкъ.

[1]) Родоначальникъ нынѣ ханствующаго въ Коканѣ дома былъ узбекъ Нарбута-бій; но окружонные сартами, узбекскіе ханы Кокана скоро утратили свой рѣзкій тюркскій типъ и стали болѣе сочувствовать интересамъ осѣдлаго, сартовскаго, чѣмъ кочевого, кипчакскаго и киргизскаго населеній. Оттого недовольные ханами всегда находили пріютъ и поддержку у кочевниковъ. Когда Магедъ-Али-ханъ хотѣлъ убить своего племянника, Шира-Али, подозрѣвая его во враждебныхъ умыслахъ, Ширъ-Али скрылся къ кипчакамъ. Тамъ у него родились сыновья: Молла-ханъ, Худояръ-ханъ и Султанъ-Муратъ. Съ этого времени кипчаки стали вмѣшиваться въ политическія дѣла Кокана. Кипчакъ Мусульманъ-кулъ возвелъ на ханство Шира-Алія, а затѣмъ и Худояра-хана и управлялъ самовластно ихъ именемъ. Въ ханствованіе Молла-хана былъ самовластнымъ регентомъ кипчакъ Алимъ-кулъ. Со смертью же Алима-кула и съ воцареніемъ Худояра-хана, вторично достигшаго престола, благодаря помощи ташкентцовъ-сартовъ, снова взяла перевѣсъ сартовская партія. Это продолжалось до 1875 года, когда, съ изгнаніемъ Худояра-хана, народнымъ движеніемъ овладѣлъ кипчакъ Абдурахманъ-автобачи, сынъ Мусульмана-кула.

[2]) Автобачи, указывая на муллу Исса-ауліе, говорилъ на сходбищахъ: «онъ совѣтъ и голова, а я воинъ за вѣру».

Предводители инсурекціи въ Коканѣ разсчитывали поднять все мусульманское населеніе, нетолько Кокана и сосѣднихъ ханствъ и владѣній Кашгара, Каратегена и Бухары, но и жителей городовъ Туркестанскаго Края. Воззванія, призывавшія всѣхъ мусульманъ къ возстанію, во имя ислама, были разосланы всюду. Нѣсколько экземпляровъ такихъ воззваній было найдено въ Ташкентѣ, Ходжентѣ и въ кишлакахъ Кураминскаго Уѣзда. Чтобъ еще болѣе побудить кураминцовъ къ возстанію, предводители инсурекціи, дѣйствовавшіе именемъ слабаго и подчинившагося ихъ волѣ новаго хана Насыра-Этдина, выслали въ Кураминскій Уѣздъ двѣ сильныя шайки, преимущественно изъ киргизовъ, подъ начальствомъ Тенгри-берды и Зульфа-карабека. Эти шайки утвердились въ кишлакахъ: Самгарѣ и Аблыкѣ и разсчитывали однимъ появленіемъ своимъ взволновать все мѣстное населеніе.

Но туземцы Курамы и Ходжента отнеслись довольно пасивно ко всѣмъ усиліямъ коканскихъ инсургентовъ. Весьма немногіе изъ нихъ присоединились добровольно къ коканскимъ шайкамъ; большинство народа шло только по принужденію, подъ угрозой смерти. Возмутительныя воззванія нигдѣ не вызвали общаго народнаго волненія, даже въ Ходжентѣ, который со всѣхъ сторонъ былъ обложенъ коканскими скопищами, такъ что мужественному гарнизону этого города приходилось отбивать нападенія и со стороны Костакоза (по коканской дорогѣ), гдѣ сосредоточились главныя силы коканцовъ подъ начальствомъ самого Абдурахмана-автобачи, и со стороны моста черезъ Сыр-Дарью, который коканцы безуспѣшно пытались захватить и уничтожить. Одновременно съ отбитіемъ нападенія на Ходжентъ, разсѣяны были шайки, вторгшіяся въ Кураминскій Уѣздъ. Движеніе изъ Ташкента главныхъ силъ русскаго отряда, подъ личнымъ начальствомъ генерал-адъютанта фон-Кауфмана, вынудило эти шайки окончательно скрыться изъ Кураминскаго Уѣзда въ коканскіе предѣлы. Приближалась развязка затѣянной инсургентами борьбы съ русскими, и предводители возстанія готовились къ серьёзному столкновенію съ русскою силой. Для нихъ рѣшался роковой вопросъ: «быть или не быть?»

Въ 42 хъ верстахъ отъ Ходжента, долина Сыр-Дарьи значительно съуживается масивнымъ хребтомъ Тянь-Шань, который здѣсь близко подходитъ къ рѣкѣ [3]). Такимъ образомъ, образуются какъ бы ворота, ведущія изъ ходжентскаго культурнаго оазиса въ плодородную долину Фергана (Коканское Ханство). Оба эти культурные оазиса, ходжентскій и коканскій, раздѣляются каменистою и безплодною Махрамскою Равниной, культивированною только близь горъ и у самой рѣки [4]).

Здѣсь-то, въ узкой и безплодной части долины Сыр-Дарьи, коканцы уже давно построили крѣпость Махрамъ, какъ оплотъ противъ русскихъ. На эту крѣпость коканцы постоянно возлагали большія надежды; на сохраненіе въ исправности махрамскихъ верковъ ежегодно отпускалась значительная сумма, и дѣйствительно, если каждаго пріѣзжаго удивляетъ, что городскія стѣны Кокана, Маргелана и другихъ городовъ совершенно запущены и во многихъ мѣстахъ даже полуразрушены, зато онъ не можетъ не замѣтить, что, въ противоположность тому, стѣны Махрама крѣпки и совершенно исправны. Махрамъ былъ передовымъ, и въ то же время, единственнымъ фортомъ, защищавшимъ открытый и беззащитный городъ Коканъ съ его невоинственнымъ, не любящимъ войны населеніемъ и богато обработанными окрестностями.

Здѣсь-то, въ Махрамѣ, какъ единственной крѣпкой позиціи, на всемъ пути отъ Ходжента до Кокана и приготовились коканцы встрѣтить русское войско. Сюда прибылъ самъ автобачи съ лучшими своими силами. Все было сдѣлано имъ, чтобъ обезпечить успѣхъ ожидаемаго сраженія, которое должно было имѣть, и дѣйствительно имѣло, характеръ поединка между русскимъ и коканскимъ войсками. Отъ исхода этого сраженія зависѣла и судьба самого автобачи, и успѣхъ начатаго имъ рискованнаго дѣла—борьбы съ русскими. Автобачи хорошо сознавалъ это и сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ, какъ онъ мечталъ, остановить и разгромить небольшое, но грозно идущее русское войско. Онъ усилилъ крѣпостные верки искусно расположенною укрѣпленною позиціей, вооруженною 40 орудіями. Низменная мѣстность впереди позиціи была затоплена и сдѣлана весьма трудно проходимою. Самъ автобачи, съ огромными толпа-

[3]) Отъ Сыр-Дарьи до предгорій здѣсь не болѣе 4½—5 верстъ.

[4]) Во всемъ Махрамскомъ Бекствѣ считается только 26 кишлаковъ, небольшихъ и небогатыхъ.

ми своихъ кипчакскихъ наѣздниковъ, держался внѣ укрѣпленій, на предгорьяхъ, выжидая минуту, когда огонь изъ крѣпости и изъ укрѣпленія разстроитъ наши войска, чтобъ кинуться всей массой на русскій отрядъ и втоптать его въ болото.

Съ своей стороны, и главный начальникъ русскихъ войскъ, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, сознавалъ, что предстоящій бой долженъ рѣшить судьбу всей кампаніи. Разбить коканцовъ было нетрудно; никто и не сомнѣвался въ успѣхѣ предстоящаго сраженія. Затопленная мѣстность была бы пройдена, хотя, можетъ быть, и съ значительными потерями съ нашей стороны, вслѣдствіе того, что коканцы заранѣе уже пристрѣляли свои орудія. Конныя толпы были бы также, безъ сомнѣнія, разсѣяны. Но задача заключалась не въ томъ: должно было поразить коканцовъ неожиданностью, показать, что всѣ ихъ комбинаціи и предположенія могутъ быть разрушены и обращены въ ничто не одною только силой русскаго оружія, но и умственнымъ превосходствомъ нашимъ надъ противниками; а главное, надо было разбить коканцовъ безъ значительныхъ потерь, чтобъ доказать полное ихъ ничтожество передъ нами.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ принялъ на себя лачное начальствованіе отрядомъ. Онъ самъ велъ его отъ послѣдняго ночлега нашего передъ Махрамомъ (въ кишлакѣ Карачекумъ). Планъ движенія русскаго отряда, въ общихъ чертахъ, былъ слѣдующій: предположено было обойти съ правой стороны затопленную мѣстность, оттѣснивъ для этого, въ горы густыя конныя толпы Абдурахмана-автобачи и, обойдя внѣ черты выстрѣловъ махрамскую позицію, ударить на нее съ фланга и съ тыла, т. е. тамъ, гдѣ непріятель не ожидалъ нападенія и мало приготовился къ оборонѣ [1]). По взятіи укрѣпленной позиціи и крѣпости, кавалерія должна была ударить справа на бѣгущія толпы махрамскихъ защитниковъ, прижать ихъ къ рѣкѣ и истребить.

[1]) Коканскія орудія были направлены на затопленную мѣстность, въ надеждѣ громить въ этомъ направленіи наступающее русское войско; когда коканцы увидѣли, что ихъ обходятъ съ фланга, тогда только они начали поспѣшно перевозить орудія на новое, непристрѣлянное ими мѣсто. Вслѣдствіе этого, изъ 40 махрамскихъ орудій дѣйствовало противъ русскаго отряда только 10.

Этотъ планъ и былъ выполненъ блистательно. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ повелъ войска, оріентируясь на одну изъ сопокъ хребта, обрамлявшаго справа долину Дарьи. Зорко слѣдилъ онъ, чтобъ отрядъ нашъ шолъ, какъ на ученьѣ, въ стройномъ и грозномъ порядкѣ. Но вотъ завидѣлся Махрамъ, забѣлѣли дымки орудійныхъ выстрѣловъ. Послѣдовалъ ударъ: атака Махрама, и въ одинъ часъ времени и укрѣпленіе, и крѣпость, были въ нашихъ рукахъ. Казачьи сотни наши бросились на оторопѣвшаго, разбитаго на-голову непріятеля, и, какъ и было предположено, уничтожили его.

Насколько махрамская побѣда имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій видно изъ того, что генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, послѣ взятія Махрама, и не думалъ преслѣдовать автобачи, ушедшаго съ своими конными толпами кипчаковъ. Эти толпы были не опасны. Гораздо важнѣе было выждать время, чтобъ вѣсть о махрамской побѣдѣ и о бѣгствѣ автобачи успѣла разнестись по всему ханству и произвести свое оглушающее дѣйствіе. Можно было навѣрное разсчитывать, что населеніе ханства, убѣдившееся въ безсиліи автобачи и въ явной несбыточности его замысловъ, перестанетъ слушать его и покорно встрѣтитъ русскія войска. Такъ и сбылось въ дѣйствительности: еще у стоянки отряда подъ Махрамомъ явился къ генералу Кауфману главный вождь движенія, мулла Иса-вуліе. Затѣмъ послѣдовательно, одинъ за другимъ, явились съ повинною всѣ предводители коканскаго войска [2]) и сановники хана. Самъ ханъ, Сеидъ-Мухамедъ-Насыръ-Этминъ, покорно встрѣтилъ генерала Кауфмана подъ стѣнами Кокана и повергъ себя и все ханство свое къ стопамъ Государя Императора, моля о пощадѣ и прощеніи.

[2]) Кромѣ Абдурхмана-автобачи.

Во все время движенія отъ Махрама до Кокана и далѣе, до Маргелана, жители попутныхъ кишлаковъ встрѣчала русскія войска вполнѣ довѣрчиво, съ хлѣбомъ-солью Глядя со стороны, трудно было предположить, что это наступаетъ отрядъ по непріятельской сторонѣ. Вездѣ, по сторонамъ дорога, по которой шло русское войско, жизнь текла своею обычною, обыденною колеей; жители занимались полевыми работами, какъ въ самое мирное время. По пути встрѣчались арбы, нагруженныя разнымъ имуществомъ, и одиночные пѣшеходы. За заборами сакель курился дымокъ: видно было, что тамъ живутъ семейные люди.

Эта картина слѣдованія русскаго отряда отъ Махрама къ Кокану можетъ служить характеристикой туркестанскихъ походовъ послѣдняго времени; таковы были походы: самаркандскій, шахрисябскій, испандер-кульскій, кульджинскій, хивинскій и нынѣшній коканскій.

Мы не задались цѣлью написать исторію или даже очеркъ похода въ Коканъ 1875 года, поэтому, мы опускаемъ разсказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ противъ скопищъ автобачи, который одно время еще думалъ дать отпоръ нашимъ войскамъ у Маргелана. Но уже одного движенія генерала Кауфмана къ этому городу достаточно было, чтобъ заставить автобачи бѣжать поспѣшно. Послѣ схватки нашихъ казаковъ въ Мин-тюбе съ арьергардомъ отряда автобачи, онъ долженъ былъ, съ нѣсколькими только джигитами, искать поспѣшно убѣжища въ ущельяхъ Кара-Кульджи, гдѣ кочуютъ его сородичи-кипчаки. Казаки наши дошли до Уша, пройдя, такимъ образомъ, все ханство по самому длинному его измѣренію.

Такъ, однимъ ударомъ уничтожена была идея фанатиковъ: поднять противъ русскихъ все мусульманское населеніе Средней Азіи. Возродится ли она еще разъ послѣ нанесеннаго ей удара?.. Можетъ быть, и возродится, но, по крайней мѣрѣ, не скоро.

Голосъ 1875. № 304.

Изъ Намангана, *27-го сентября* (*корреспонденція «Голоса»*). — Виновникомъ настоящаго коканскаго похода слѣдуетъ, какъ извѣстно, считать муллу Исса-ауліе, одного изъ бывшихъ приближонныхъ лицъ къ хану. Онъ, вмѣстѣ съ Абдурахманомъ-Автобачи, находился во главѣ партіи, враждебной русскимъ, и надѣявшейся возстановить въ Азіи прежнюю самостоятельность мусульманскихъ государей Средней Азіи. Недовольный ханомъ за его благоразумную и осторожную политику, Исса-ауліе и Абдурахманъ возбудили возстаніе противъ Худояра-хана и вынудили его бѣжать въ русскіе предѣлы. Тотчасъ же, вслѣдъ за изгнаніемъ Худояра-хана, объявлена была въ Коканѣ священная война противъ невѣрныхъ.

Но фанатическій порывъ Абдурахмана и другихъ вождей возстанія скоро былъ подавленъ. Въ первой же, серьёзной встрѣчѣ съ русскими войсками, скопища Абдурахмана были разбиты на-голову, подъ Махрамомъ. Населеніе ханства, нисколько несочувствовавшее затѣѣ Абдурахмана, и явно увидѣвшее его безсиліе и ничтожество, поспѣшило заявить свою преданность и покорность русской власти. Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ безъ боя занялъ Коканъ и былъ покорно встрѣченъ новопоставленнымъ ханомъ Сеидомъ-Мохамедомъ-Насыромъ-Этдиномъ.

Газават, т. е. священная война противъ невѣрныхъ, которую думали-было возбудить вожди инсурекціи, была, такимъ образомъ, подавлена въ самомъ зародышѣ, и въ этомъ отношеніи махрамская побѣда имѣетъ огромное значеніе для будущаго нашихъ туркестанскихъ владѣній. Послѣ этого пораженія Абдурахманъ-Автобачи могъ вести войну только при помощи своихъ сородичей, неспокойныхъ кипчаковъ, которые въ войнѣ и во всевозможныхъ смутахъ видятъ только средство къ грабежу и легкой наживѣ. Но силъ однихъ кипчаковъ было, очевидно, недостаточно для борьбы съ русскими, которые уже нанесли главѣ кипчаковъ, Абдурахману, такое полное пораженіе еще въ то время, когда онъ былъ на верху своей силы, какъ первое лицо въ ханствѣ. Абдурахманъ-Автобачи не явился съ повинной къ генералу Кауфману, въ то время, когда явились съ полнымъ раскаяніемъ и ханъ, и всѣ его сановники, не исключая и вождей возстанія.

Чтобъ нанести послѣдній ударъ Автобачи, который со своими скопищами стоялъ у города Маргелана, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся къ этому городу. Извѣстно было, что скопище Автобачи простирается до 10 тысячъ человѣкъ. Но одного приближенія русскаго отряда, подъ личнымъ начальствомъ генерала Кауфмана, уже было достаточно, чтобъ заставить Автобачи снятся со своей позиціи и бѣжать поспѣшно къ Ассаке, въ сторону кипчакскихъ, спло шныхъ кочевокъ.

8-го сентября командующій войсками, генералъ Кауфманъ прибылъ въ Маргеланъ, гдѣ жители приняли его съ покорностью; въ ту же ночь отправленъ былъ для преслѣдованія Автобачи летучій отрядъ изъ шести казачьихъ сотенъ, двухъ ротъ пѣхоты и четырехъ орудій, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Скобелева, уже памятнаго кипчакамъ по махранской битвѣ.

Полковникъ Скобелевъ быстро двинулся къ горамъ и въ кишлакѣ Мин-тюбе успѣлъ настигнуть аріергардъ отступавшаго скопища кипчаковъ. Казаки, подъ начальствомъ подполковника Адеркаса, ворвались въ кишлакъ. Въ тѣсныхъ улицахъ, посреди густыхъ клубовъ поднявшейся пыли, началась отчаянная схватка нашихъ казаковъ съ кипчаками. Черезъ нѣсколько минутъ, четыре значка и нѣсколько арбъ съ имуществомъ были въ рукахъ казаковъ. Автобачи съ передовымъ отрядомъ своихъ кипчаковъ успѣлъ еще наканунѣ вечеромъ уйти изъ Мин-Тюбе на свѣжихъ лошадяхъ. Преслѣдовать

его на утомленныхъ казачьихъ лошадяхъ, которыя сдѣлали восемьдесять верстъ въ теченіи девяти часовъ, безъ привала, было немыслимо, и потому подполковникъ Адеркасъ, пройдя еще пять верстъ за кишлакъ, остановилъ свои сотни.

Но и безъ преслѣдованія непріятеля, дѣло въ Мин-Тюбе имѣло огромное нравственное вліяніе на кипчаковъ. Ударъ, нанесенный имъ подполковникомъ Адеркасомъ, былъ настолько силенъ и рѣшителенъ, что, послѣ лихой схватки въ Мин-Тюбе, скопище Автобачи буквально разсѣялось, какъ дымъ. Еще наканунѣ подъ его значками было до 5,000 человѣкъ, а на другой день, послѣ мин-тюбинской схватки, онъ имѣлъ уже только 500 джигитовъ и четыре орудія, съ которыми и отступалъ поспѣшно къ Ушу; тамъ, въ средѣ кочевниковъ-кипчаковъ, онъ надѣялся скорѣе найти пріютъ и поддержку, чѣмъ среди осѣдлаго, несочувствующаго его замысламъ населенія.

Чтобъ довершить ударъ, уже нанесенный кипчакамъ, полковникъ Скобелевъ рѣшилъ двинуться ближайшею дорогой къ Ушу: онъ хотѣлъ, во что бы ни стало, не допустить Автобачи занять этотъ городъ, считающійся какъ бы столицей кипчакскаго населенія. При преслѣдованіи подобныхъ скопищъ, каковы были джигиты Автобачи, необходимы два главныя качества: рѣшительность и неутомимость. Въ ночь съ 9-го на 10-е сентября, полковникъ Скобелевъ двинулся отъ Мин-Тюбе въ Наймане-кишлакъ и здѣсь, собравъ точныя и подробныя свѣдѣнія о направленіи, по которому двинулся Автобачи, началъ снова свое энергическое преслѣдованіе. Автобачи, спасаясь отъ казаковъ, ежеминутно готовыхъ его настигнуть, бросилъ на дорогѣ три орудія, которыя и были подобраны казаками. 10-го сентября, городъ Ушъ сдался безъ боя казакамъ полковника Скобелева.

Во время бѣгства по дорогѣ къ Ушу, разошлось и послѣднее скопище Автобачи; при немъ осталось только 100 человѣкъ, съ которыми онъ и бросился къ Кара-су. Жители этого кишлака вовсе не ожидали увидѣть среди себя предводителя кипчаковъ, еще недавно гордаго и грознаго, а теперь спасающагося бѣгствомъ, какъ преступникъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сильнѣе всѣхъ пораженій былъ ударъ, нанесенный самолюбію гордаго кипчака, который, при своемъ поспѣшномъ бѣгствѣ, принужденъ былъ даже бросить свой извѣстный мекккскій значокъ. Значокъ этотъ, изъ куска шелковой матеріи, которую онъ получилъ въ Меккѣ, при гробѣ Мо-

ханеда, Автобачи поклялся сдѣлать знаменемъ священной войны противъ невѣрныхъ. Эта война была покончена однимъ ударомъ, нанесеннымъ скопищу Автобачи подъ Махрамомъ, и затѣмъ преслѣдованіе послѣднихъ остатковъ, нѣкогда многочисленныхъ скопищъ Автобачи уничтожило послѣдніе слѣды обаянія, которымъ онъ еще недавно пользовался въ народѣ.

13-го сентября, полковникъ Скобелевъ возвратился изъ Уша въ Маргеланъ и присоединился къ главнымъ силамъ русскаго отряда, а 23-го сентября былъ подписанъ ханомъ Насыр-Этдиномъ и генерал-адъютантомъ фон-Кауфманомъ мирный договоръ съ Коканомъ.

Всѣхъ тѣхъ коканскихъ сановниковъ, которые являлись въ русскій лагерь съ изъявленіемъ покорности, командующій войсками, генералъ Кауфманъ, принималъ ласково и объявлялъ имъ свою милость и прощеніе. Приняты были ласково и оставлены безъ всякаго наказанія даже такіе вожди возстанія, какъ мулла Исса-ауліе и Хааликъ-Назаръ, задумавшіе весь переворотъ въ Коканѣ и подстрекавшіе своими воззваніями къ возстанію нетолько мусульманское населеніе ханства, но и тузем-цовъ Ходжента, Курамы и Ташкента. Исса-ауліе и Хааликъ-Назаръ, главные пособники Автобачи, были прощены только потому, что явились къ генералу Кауфману съ покорностью.

Но скоро оказалось, что, на ряду съ гуманными мѣрами, необходимы и примѣры строгости надъ тѣми, кто сознательно противодѣйствуетъ нашимъ цѣлямъ и намѣреніямъ и вредно вліяетъ на молодого, еще неопытнаго хана. Одною изъ такихъ вредныхъ личностей оказался мулла Исса-ауліе. Его хитрыя рѣчи оказывали самое вредное вліяніе на всѣхъ окружающихъ; въ совѣтѣ, который ханъ собралъ наканунѣ дня, когда мирный договоръ долженъ былъ быть подписанъ, Исса-ауліе, въ присутствіи двухъ русскихъ чиновниковъ, осмѣлился говорить дерзости хану. Этому должно было положить конецъ. Главный начальникъ войскъ призвалъ въ лагерь хана и всѣхъ его сановниковъ и, выяснивъ хану и всѣмъ его окружающимъ то зловредное вліяніе, которое оказываютъ нѣкоторые изъ близкихъ къ хану лицъ, приказалъ арестовать и немедленно же отправить, чрезъ Ташкентъ, въ Россію: муллу Исса-ауліе, Зульфанара-бека *) и Мамута-хана-тюра, трехъ

*) Онъ былъ главнымъ начальникомъ шаекъ, вторгшихся изъ Кокана въ Кураминскій Уѣздъ.

главныхъ лицъ, волновавшихъ народъ и пытавшихся возстановить его противъ русскихъ.

Арестъ и высылка изъ Кокана трехъ главныхъ виновниковъ мятежа, возбуждавшихъ и въ послѣднее время хана и народъ къ враждѣ и неповиновенію, произвели самое благотворное дѣйствіе. Замѣчательно, что многіе изъ окружавшихъ хана, во время рѣчи генерала Кауфмана, громко изъявляли свою радость и одобреніе. Это были тѣ благоразумные люди, которые нисколько не сочувствовали замысламъ и плапамъ кипчакской партіи и желали только одного: мира и спокойствія въ своей странѣ.

Мирный договоръ, заключонный 23-го сентября съ коканскимъ ханомъ, въ свое время будетъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе. Одною изъ статей этого договора постановлено: занятіе русскими войсками, впредь до высочайшаго соизволенія, земель по правому берегу Сыр-Дарьи и Нарына, т. е. такъ-называемый Наманганскій Округъ, заключающій въ себѣ шесть отдѣльныхъ бекствъ. Съ занятіемъ наманганскаго района, мы пріобрѣтаемъ огромныя выгоды. Наманганъ расположенъ въ исходящемъ углѣ, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ: Нарына и Сыр-Дарьи, которая здѣсь течотъ подъ именемъ Кара-Дарьи. Новозанятый нами пунктъ, такимъ образомъ, весьма близко расположенъ къ Кокану.

Занятіе русскими войсками Намангана вызвало общую радость во всемъ наманганскомъ населеніи, которому давно уже плохо приходилось отъ безпрерывныхъ смутъ и грабежей кипчаковъ и киргизовъ. Всѣ волненія, возникавшія до сего времени въ Коканскомъ Ханствѣ, разрѣшались въ Наманганскомъ Округѣ, благодаря его близости къ кочевьямъ кипчаковъ и киргизовъ. Кипчакское возстаніе прошлаго года также было подавлено разгромомъ силъ инсургентовъ въ ущельѣ Ала-бука, между Наманганомъ и Кассаномъ. Наманганцы, поставленные, такимъ образомъ, между двухъ огней, естественно, желали, во что бы то ни стало, выйти изъ своего тяжолаго положенія. Поэтому, можно вѣрить искренности словъ старика Казы-Каляна, который, встрѣчая генерал-адъютанта фон-Кауфмана на правомъ берегу Сыр-Дарьи, въ наманганскихъ предѣлахъ, высказалъ, отъ имени всего народа, радость и благодарность генералу Кауфману за то, что онъ *навсегда избавилъ ихъ отъ разбойниковъ*. Для мирныхъ намангапцовъ, дѣйствительно, одинаково были разбойниками, какъ кипчаки и киргизы, такъ и коканскіе сарбазы, сражавшіеся въ прошломъ году съ кипчаками подъ начальствомъ Абдурахмана-Автобачи.

Наманганцы нетолько на словахъ, но и на дѣлѣ доказали свою радость и сочувствіе русскимъ. Еще въ то время, когда русское войско стояло у Маргелана и мирный договоръ съ ханомъ еще не былъ подписанъ, была прислана изъ Намангана въ русскій лагерь депутація изъ старшинъ и почотныхъ лицъ города. Генералъ Кауфманъ ласково принялъ ихъ и, оставивъ двухъ изъ наманганскихъ старшинъ при отрядѣ, остальныхъ, съ подарками, отпустилъ домой, поручивъ передать народу, чтобъ жители наманганскаго района жили спокойно, занимались своимъ дѣломъ и не слушали злыхъ людей. Когда уже мирный договоръ былъ подписанъ, командующій войсками отпустилъ въ Наманганъ двухъ, задержанныхъ при отрядѣ депутатовъ, и приказалъ имъ объявить народу, что отнынѣ Наманганскій Округъ находится подъ русскою властью и что, съ этого дня, всѣ подати должны быть вносимы въ русскую казну. Отвѣтомъ на это, радостное для наманганцовъ извѣстіе, былъ слѣдующій адресъ, присланный жителями Намангана генерал-адъютанту фон-Кауфману, во время стоянки отряда при Яз-даванъ, на переходѣ отъ Маргелана къ Наманагану:

«Достопочтенному, могущественному, щедрому и милостивому высокостепенному генерал-губернатору, ярымъ-падшѣ.

«Преданнаго вашего слуги, желающаго вамъ здоровья и исполняющаго ваши приказанія Ташбоя-Бабаджанбаева.

Докладываю вамъ, что, вслѣдствіе милостиваго вашего приказанія, я благополучно прибылъ въ Наманганъ. Объявилъ я бумагу съ вашею печатью, въ которой милостиво выражено ваше вниманіе старшимъ и младшимъ почотнымъ лицамъ, казіямъ, аглямамъ, имамамъ, купцамъ и всѣмъ жителямъ. Всѣ они очень обрадовались, прочитавъ вашу милостивую бумагу, подносили къ глазамъ (знакъ глубокаго уваженія) и вознесли молитвы за великаго Бѣлаго Царя, зато, что ихъ, несчастныхъ, угодно было великому Бѣлому Царю принять въ свое подданство; большинство ихъ прослезилось, и много, много благодаря васъ, высокій нашъ ярымъ-падша. старшіе и младшіе остались весьма довольны зато что я привезъ имъ такое извѣстіе.

«Окрестные жители, какъ-то: Чартака, Науканта, Косана, Чуста (Тусъ), до Хуррама-сарая и всѣхъ другихъ кишляковъ, подвластныхъ Бабадархану и Наманагану, также всѣ улемы благодарили васъ, ярымъ-падша, за такую милостивую бумагу съ печатью. Всѣ почотные и уважаемые люди, соображаясь со средствами, готовятъ вамъ приношеніе (*тартунъ*) и скоро выѣдутъ къ вамъ на встрѣчу. Порученіе ваше, данное мнѣ, жители радостно исполняютъ и поспѣшно доставили на берегъ 300 арбъ хлѣба, клевера, ячменя и все, что требуется, и сверхъ того, лодки, находившіяся по близости, собрали и приготовили. Сверхъ того, и на тотъ

берегъ, у Мин-булака и къ озеру выслали хлѣба, клеверу и ячменя, а также въ 24-хъ глиняныхъ кувшинахъ воды.

«Мы накрѣпко опоясались служить вамъ и исполнять ваши приказанія; мы ждемъ теперь съ нетерпѣніемъ, дорогихъ для насъ, вашихъ повелѣній. Исполняя ваше приказаніе, я собираю книги и тетради. Богъ дастъ — все это я исполню усердно; Богъ мнѣ въ этомъ поможетъ».

Къ этому адресу нѣкоторыя лица приложили печати, другія — подписались.

Наманганцы сдѣлали все, что могли, для того, чтобъ облегчить русскому отряду движеніе къ Намангану. На большой, безводный переходъ (31 верста) отъ Яза-давана къ Мин-булаку (переправа на правый берегъ Сыръ-Дарьи) наманганцы, выслали 120 арбъ, на которыя и были посажены особенно утомившіеся солдаты; къ мѣсту привала были высланы кувшины съ водой, а къ переправѣ отправлено сорокъ тысячъ лепешекъ для раздачи русскому отряду. Замѣтимъ, что все это было сдѣлано добровольно, по собственному почину, безъ посторонннихъ внушеній. Послѣ этого, вполнѣ естественно было повѣрить и искренности словъ казы-каляна, который благодарилъ главнаго начальника русскихъ войскъ «за избавленіе ихъ края отъ разбойниковъ».

Встрѣча наманганцами главнаго начальника русскихъ войскъ была особенно радушна и блистательна. На берегу Дарьи, у самой переправы, былъ раскинутъ большой шатеръ, съ достарханомъ (угощеніемъ). Дорога отъ шатра до берега была вся устлана шолковыми и полушолковыми тканями. Во все время, когда генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ шолъ отъ берега къ шатру, его осыпали серебряными деньгами.

Генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ благодарилъ собравшихся къ переправѣ представителей народа за радушную встрѣчу, увѣщевалъ жить по закону, не слушать совѣтовъ злыхъ людей и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, говорить правду. «На томъ берегу Дарьи я встрѣтилъ много лжи и неправды; надѣюсь, что здѣсь этого не будетъ», говорилъ начальникъ края. «Русскій законъ требуетъ, чтобъ каждый жилъ мирно, по совѣсти, молился, работалъ и богатѣлъ. Пусть каждый изъ васъ и живетъ такъ, какъ того требуетъ законъ, молится Богу такъ, какъ его научили отцы. Богъ единъ; и русскіе, и мусульмане всѣ молятся одному Богу, и русскій законъ не насилуетъ ничьей совѣсти, не требуетъ, чтобъ молились Богу такъ, а не иначе. Онъ требуетъ только доброй, справедливой жизни».

Когда весь отрядъ переправился на правый берегъ Сыр-Дарьи, провозглашено было русское «ура» за здравіе Государя Императора. «Перекрестись, ребята!» сказалъ генералъ Кауфманъ, обращаясь къ толпившимся кругомъ него войскамъ: «мы теперь уже на *своей* землѣ, и дай Богъ, чтобъ и здѣсь прошла о насъ, изъ конца въ конецъ, добрая слава!»

Повторимъ же и мы, въ заключеніе, эти слова главнаго начальника нашего края.

123

Голосъ 1875. N 326.

Изъ Намангана, *26-го октября* (*корреспонденція «Голоса»*). — Пишу къ вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новаго военнаго подвига, совершоннаго нашими туркестанскими войсками: 1-го октября, взятъ штурмомъ Андиджанъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Коканскаго Ханства *), центръ безпокойнаго кипчакскаго населенія.

Извѣстно, что нынѣшній походъ возбудилъ кипчакъ Абдурахманъ-автобачи. Увлеченный фанатическою идеей священной войны, во имя ислама, идеей, которая укрѣпилась въ немъ, а можетъ быть, даже и возникла во время путешествія его въ Мекку, ко гробу Мохамеда, Абдурахманъ - автобачи, по возвращеніи въ родной Коканъ, сдѣлался ревностнымъ пропо-

*) Въ Коканскомъ Ханствѣ считается четыре главные, по величинѣ и значенію своему, города: Коканъ—столица ханства; Намангапъ, нынѣ занятый русскими войсками; Маргеланъ—въ 65-ти верстахъ къ востоку отъ Кокана, и Андиджанъ—древняя фергана, огромный многолюдный городъ, окруженный кипчакскими кишлаками. Остальные города ханства: Ургентъ, Ушъ, Ассаке, Шарихапъ, менѣе значительны.

вѣдникомъ *газата* (войны за вѣру). Абдурахманомъ-автобачи, какъ фанатикомъ, ослѣпленнымъ овладѣвшею имъ идеей, тотчасъ же воспользовались болѣе хитрые, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе осторожные люди; изъ нихъ главнымъ лицомъ, имѣвшимъ огромное вліяніе и на автобачи, и на самого хана, былъ мулла Исса, прозванный

свое ханжество и притворно святую жизнь—*ауліе*, т. е. святымъ. Исса-ауліе, вмѣстѣ съ автобачи и нѣкоторыми другими вліятельными лицами, преимущественно изъ кипчаковъ, объявили Худояра-хана низложеннымъ, и вынудили его бѣжать въ Ходжентъ, въ русскіе предѣлы. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ объявленъ былъ *газатъ*, священная война противъ русскихъ.

Битва при Махрамѣ, 22-го августа, разомъ охладила воинственный пылъ коканцовъ. Мирное осѣдлое населеніе западной части ханства тотчасъ же увидѣло несбыточность тѣхъ призрачныхъ надеждъ, которыми пытались увлечь ихъ фанатики, и поспѣшило изъявить покорность генералу Кауфману, двинувшемуся, послѣ махрамской побѣды, прямо къ столицѣ ханства—Кокану. Отъ Махрама до Кокана отрядъ нашъ шолъ, какъ по своей землѣ. Вездѣ генерала Кауфмана встрѣчали съ хлѣбомъ-солью, просили водворить въ ихъ странѣ порядокъ и спокойствіе. Въ числѣ лицъ, явившихся съ покорностью и съ просьбой о прощеніи, былъ также и мулла Исса-ауліе, который, притворнымъ смиреніемъ своимъ, успѣлъ на время избѣгнуть заслуженной кары **). Новоизбранный ханъ Сеидъ-Мухамедъ-Насыръ-Эгдинъ былъ утвержденъ въ своемъ званіи генералъ-адъютантомъ фон-Кауфманомъ и согласился на занятіе русскими войсками всего праваго берега Сыр-Дарьи и Нарына, т. е. богатаго и плодороднаго Наманганскаго Округа.

Изъ всѣхъ дѣятелей коканскаго возстанія, только одинъ Абдурахманъ-автобачи не явился съ повинною къ генералу Кауфману послѣ занятія имъ Кокана. Вскорѣ распространились слухи, что автобачи, со своими кипчаками, укрѣпился въ окрестностяхъ Маргелана, гдѣ кругомъ его значка собралось болѣе 10,000 войска. Чтобъ однимъ ударомъ покончить съ безпокойнымъ агитаторомъ, генералъ-адъютантъ фон-Кауфманъ двинулся съ войсками своими къ Маргелану. Но Автобачи не рѣшился принять бой у Маргелана, гдѣ число его приверженцовъ

**) Черезъ три недѣли послѣ того, Исса-ауліе былъ высланъ генераломъ Кауфманомъ изъ ханства въ Россію.

было, по его мнѣнію, недостаточно и поспѣшно отступилъ далѣе, къ востоку, въ среду сплошного кипчакскаго населенія. Какъ только автобачи, со своимъ кипчакскимъ скопищемъ, ушолъ изъ окрестностей Маргелана, жители этого города явились къ генералу Кауфману съ повинною, и въ знакъ раскаянія, принесли на своихъ плечахъ 9 орудій, находившихся въ Маргеланѣ.

Чтобъ преслѣдовать и разсѣять скопище автобачи, генералъ Кауфманъ отправилъ флигель-адъютанта полковника Скобелева, съ казачьими сотнями, двумя ротами пѣхоты и дивизіономъ конныхъ орудій. Скобелевъ настигъ арьергардъ Автобачи у Мин-тюбе, заслонилъ ему дорогу къ Ушу и вынудилъ бѣжать къ горамъ. Изъ всего 10-титысячнаго скопища кипчаковъ, у Автобачи осталось только 100 джигитовъ; но вскорѣ и они разошлись по сторонамъ. Только трое преданныхъ друзей не оставили Автобачи; это были: Нарынъ-Халиже (его бывшій казначей), киргизъ Миръ-Мохамедъ и богатый кипчакъ Ширъ-Матъ. Они укрыли Автобачи въ кишлакѣ Янгичекъ, въ окрестностяхъ Андиджана, а тѣмъ временемъ усердно старались возбудить волненіе въ самомъ городѣ и въ окрестныхъ кипчакскихъ кишлакахъ. Чтобъ отвлечь вниманіе русскихъ отъ Автобачи, они распустили слухъ, будто бы онъ ушолъ въ Мекку, переодѣтый *диваною*, т. е. нищенствующимъ монахомъ.

Трудно судить, насколько сочувственно отнеслись бы андиджанцы, а вслѣдъ за ними и всѣ окрестные жители—кипчаки, къ увѣщаніямъ и воззваніямъ Нарынъ-Халифе и его товарищей, еслибъ неудачное назначеніе беками въ Маргеланъ, Шариханъ и Ассаке личностей, крайне непопулярныхъ въ краѣ, не ускорило взрыва возстанія. Маргеланцы первые возстали противъ своего новаго бека, Атакула, назначеннаго въ ихъ городъ. Атакулъ былъ убитъ. Одновременно съ этимъ, начались серьёзныя волненія въ Андиджанѣ и Шариханѣ, направленныя исключительно противъ бековъ этихъ двухъ городовъ. Массы вооружоннаго народа собрались на базарѣ и *регистань* (дворцовая площадь) Андиджана. Возбужденную толпу нетрудно было уже увлечь и къ объявленію *газавата* ***) (войны противъ невѣрныхъ). Когда страсти народа были достаточно распалены, сообщники Автобачи вызвали его изъ Янгичека. Разбитый подъ Махрамомъ и послѣ бѣгства изъ

***) *Газаватъ* (или сокращенно: *газатъ* и *газа*) и *джехадъ* имѣютъ одно и тоже значеніе: священная война.

Маргелана, потерявшій было всякое значеніе, кипчакъ Автобачи, неожиданно и для него самого, и для другихъ, явился во главѣ 60-титысячнаго, фанатически возбужденнаго населенія Андиджана. Лучшаго онъ и не могъ желать для себя. Андиджанъ всегда считался самымъ воинственнымъ городомъ во всемъ кокандскомъ ханствѣ. Сверхъ того, возставшіе андиджанцы нашли себѣ вѣрнаго союзника въ лицѣ молодого Пулатъ-бека, который, со своимъ 15 титысячнымъ скопищемъ конныхъ киргизъ, пришолъ изъ горъ на помощь андиджанцамъ. Кипчаки и киргизы объявили его ханомъ кокандскимъ, вмѣсто Насыр-Этдина, избраннаго ими два мѣсяца назадъ (въ концѣ іюля).

Какъ только извѣстіе о возстаніи въ Андиджанѣ, достигло Намангана, куда въ то время передвинулся изъ-подъ Маргелана русскій отрядъ, генералъ Кауфманъ направилъ тотчасъ же, для наказанія андиджанцовъ, отрядъ изъ 5½ ротъ пѣхоты, 3½ казачьихъ сотенъ, ракетнаго дивизіона и батареи конныхъ орудій. Начальство надъ этимъ отрядомъ ввѣрено было свиты Его Императорскаго Величества генералмайору Троцкому, а начальникомъ отряднаго штаба назначенъ былъ флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ. Отрядъ выступилъ изъ Намангана 28-го сентября.

Отрядъ генерала Троцкаго прошолъ отъ Намангана до Андиджана черезъ сплошную полосу кипчакскихъ поселеній. Чѣмъ ближе подвигался отрядъ къ Андиджану, тѣмъ очевиднѣе выражалась непріязнь жителей придорожныхъ кишлаковъ. Они уже не выходили на встрѣчу отряду. Вся мѣстность казалась какъ бы вымершею; но на самомъ дѣлѣ жители кишлаковъ, вооружившись чѣмъ попало, зорко слѣдили за отрядомъ. Джигиты, проѣзжавшіе черезъ эти опустѣлые кишлаки, преслѣдовались выстрѣлами изъ сакель и подвергались неожиданнымъ нападеніямъ изъ устроенныхъ по дорогѣ засадъ. Ближе къ Андиджану, были сломаны всѣ мосты черезъ глубокіе арыки. Въ одномъ переходѣ отъ Андиджана сдѣлалось извѣстно, что андиджанцы приготовились къ упорной защитѣ и баррикадировали свои узкія улицы.

30-го сентября, утромъ, полковникъ Скобелевъ, по распоряженію начальника отряда, генерала Троцкаго, произвелъ рекогносцировку путей, ведущихъ изъ окрестностей Андиджана къ центральной части города: базару и дворцовой площади. Опредѣлено было направленіе, по которому должно было произвести бомбардированіе города и затѣмъ атаку, и избрано было ровное, открытое со всѣхъ сторонъ мѣсто, гдѣ обозъ отряда удобно могъ

быть расположенъ вагенбургомъ. Такъ какъ обозъ отряда состоялъ изъ 250 повозокъ, то вопросъ объ удобномъ и безопасномъ расположеніи вагенбурга, представлялъ большую важность.

На слѣдующій день, 1-го октября, въ 7 часовъ утра, назначенъ былъ штурмъ Андиджана. Непріятель, съ своей стороны, также готовился къ упорному сопротивленію. Всю ночь на 1-е октября, въ городѣ, какъ разсказывали впослѣдствіи перебѣжчики, жители работали надъ устройствомъ завалов по всѣмъ улицамъ Абдурахманъ-Автобачи разъѣзжалъ по городу и распоряжался работами. Едва взошло солнце, какъ съ горъ, виднѣвшихся на востокѣ, стали спускаться огромныя массы коннаго непріятеля: то были киргизскіе всадники Пулатъ-бека. Другія толпы, съ разноцвѣтными значками, выѣзжали изъ садовъ на равнину, гдѣ нашъ обозъ уже выстраивался вагенбургомъ, подъ прикрытіемъ одной роты пѣхоты, двухъ конныхъ орудій, двухъ спѣшенныхъ ракетныхъ станковъ, коноводовъ отъ спѣшенныхъ сотенъ и всѣхъ чиновъ, неназначенныхъ въ составъ штурмовыхъ колоннъ. Начальство надъ вагенбургомъ, на который, какъ можно было ожидать, непріятель готовился кинуться въ огромныхъ массахъ, было поручено подполковнику Травло.

Въ половинѣ седьмого часа утра, генералъ Троцкій двинулъ на штурмъ двѣ колонны, первую—изъ спѣшенныхъ оренбургскихъ и сибирскихъ казачьихъ сотенъ, 20 саперъ, одного орудія и одного ракетнаго станка, подъ общимъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Скобелева; другую штурмовую колонну (изъ 2-хъ ротъ пѣхоты, 20-ти саперъ, одного орудія и одного ракетнаго станка), велъ полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій. Общее начальство надъ штурмующими частями было ввѣрено флигель-адъютанту полковнику графу Борху. Непосредственно вслѣдъ за колонною полковника Скобелева шла колонна изъ 2-хъ линейныхъ ротъ, 4-хъ конныхъ орудій и 40 саперъ, подъ начальствомъ полковника барона Аминова. При этой же колоннѣ находился и начальникъ отряда, генералъ-маіоръ Троцкій. Впереди колонны полковника Скобелева шли охотники-казаки (50 человѣкъ), подъ начальствомъ подпоручика Нуджевскаго, а въ головѣ колонны барона Меллера-Закомельскаго стрѣлковая рота молодецкаго 2-го линейнаго батальйона, подъ начальствомъ прапорщика Хомичевскаго. 900 штыковъ нашего отряда готовились вступить въ отчаянную борьбу съ 60-титысячнымъ населеніемъ громаднаго, рас-

кинутаго на обширномъ пространствѣ, города, защищаемаго еще въ окрестностяхъ 15,000 киргизъ, подъ начальствомъ Пулатъ-бека. Минута была серьёзная; серьёзно, сосредоточенно-внимательно относились къ предстоящему бою всѣ, и начальники, и солдаты, и казаки штурмующихъ колоннъ.

Черезъ полчаса послѣ того, какъ колонны наши двинулись къ городу, грянули первые выстрѣлы, почти одновременно: и въ вагенбургѣ, и въ колоннѣ Скобелева, начавшей обстрѣливать городъ. Послышались выстрѣлы изъ-за стѣнъ садовъ, изъ-за сложенныхъ стоговъ клевера, съ крышъ сакель, изъ бойницъ, пробитыхъ повсюду, въ стѣнахъ. По временамъ слышалось завываніе огромныхъ боевыхъ трубъ, заглушаемое выстрѣлами нашихъ орудій и гиканьемъ засѣвшихъ повсюду, кругомъ отряда, непріятелей. Медленно, шагъ за шагомъ подвигались штурмовыя колонны по улицамъ, затопленнымъ пущенною изъ арыковъ водой, отстрѣливаясь во всѣ стороны, какъ только изъ зелени садовъ показывалась бѣлая чалма или дымокъ выстрѣла. Нѣсколько разъ впереди колонны слышалось дружное «ура» — то наши охотники, а вслѣдъ за ними и казаки штурмовой колонны бросались на баррикаду, овладѣвали ею и гнали впереди, по узкой, тѣсной улицѣ защещавшихъ баррикаду кипчаковъ. Такъ, постепенно, шагъ за шагомъ прошли колонны Скобелева и барона Аминова весь городъ и часть базара, обогнули стѣну дворца и вышли на площадь (*регистанъ*), куда еще ранѣе того ворвались уже на штыкахъ охотники, тѣсня передъ собою толпы защищавшихъ улицы непріятелей. Вслѣдъ за колонной полковника Скобелева вышла на площадь и колонна барона Меллера-Закомельскаго, шедшая правѣе колонны Скобелева, въ 2 верстахъ отъ нея. Молодцы линейцы взяли штурмомъ 5 баррикадъ, овладѣли 1 орудіемъ *) и до самой площади тѣснили штыками непріятеля. Только тогда, когда дворцовая площадь, была занята колоннами Скобелева и Аминова, кипчаки, старавшіеся остановить колонну Меллера-Закомельскаго, разсѣялись по саклямъ, окружающимъ площадь, и открыли отсюда частый огонь по войскамъ, расположившимся на площади.

А на площади въ это время гремѣло «ура» нашему главному начальнику генералу Кауфману, и всѣмъ, кто велъ колонны наши въ славный бой на улицахъ и баррикадахъ Андижана: генералу Троцкому, флигель-адъютан-

*) Колонною полковника Скобелева также было взято на баррикадахъ 1 орудіе.

тамъ полковникамъ: графу Борху и Скобелеву и полковнику барону Меллеру-Закомельскому. Это «ура» было истинно дружное, сердечное и какъ почетный салютъ этому «ура» раздавались частые, неумолкавшіе выстрѣлы съ крышъ саклъ, еще занятыхъ ожесточеннымъ непріятелемъ.

Черезъ часъ, когда комнаты и внутреннія постройки дворца были очищены отъ кипчаковъ и огонь нашихъ стрѣлковъ ослабилъ энергію непріятельскихъ застрѣльщиковъ, отрядъ двинулся обратно изъ города къ своему вагенбургу. Опять пришлось идти подъ огнемъ кипчаковъ, снова занявшихъ сады по сторонамъ улицы и нагромоздившихъ опять новыя баррикады. Перебѣжчики (евреи) объяснили, откуда взялись эти новыя толпы защитниковъ города: не зная, съ которой стороны отрядъ нашъ атакуетъ городъ, жители баррикадировали всѣ двѣнадцать улицъ, ведущихъ изъ окрестностей города къ базару и дворцовой площади. Когда кипчаки, стоявшіе на остальныхъ 10 улицахъ, увидѣли, что отрядъ нашъ уже занялъ площадь и двигается обратно, они поспѣшно оставили свои баррикады и собрались всѣ въ садахъ, кругомъ площади и на улицахъ, гдѣ долженъ былъ проходить нашъ отрядъ.

Когда колонны наши двинулись изъ города къ своему вагенбургу, арьергарду приказано было зажечь все, что могло горѣть. Туча дыма поднялась надъ городомъ и медленно подвигалась вслѣдъ за проходившимъ по городу отрядомъ. Пожаръ разливался быстро: удобовоспламеняемаго матерьяла было много.

Вечеромъ того же дня, начальникъ отряда генералъ Троцкій снова двинулъ къ городу полковника Скобелева, съ 2 сотнями и 5 орудіями, чтобъ бомбардировать городъ и поддержать быстро распространяющійся пожаръ. Съ тою же цѣлью отправленъ былъ на другой день полковникъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, съ 2 ротами и 4 орудіями.

Оба дня, 1-го и 2-го октября, густая туча дыма висѣла надъ городомъ: Андиджанъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ. Испуганные жители частью запрятались въ отдаленныхъ кварталахъ, частью разбѣжались.

Считая Андиджанъ достаточно наказаннымъ и порученіе, данное отряду, исполненнымъ вполнѣ, генералъ Троцкій двинулъ, 3-го октября, отрядъ обратно къ Намангану, по той же дорогѣ, черезъ Балыкчи и броды на Кара-Дарьѣ и Нарынѣ. Все время, пока отрядъ шолъ по землямъ кипчаковъ, непріятель тревожилъ нападеніями своими двигающійся отрядъ. Толпы кипча-

ковъ и киргизовъ провожали арьергардъ гиканьемъ и выстрѣлами, держась, впрочемъ, все время въ почтительномъ отдаленіи. Какъ только на открытыхъ полянахъ показывались болѣе густыя тучки, съ ихъ значками, орудія выносились на позицію и посылали въ эти кучки свои мѣткіе выстрѣлы. Непріятель исчезалъ. Въ трехъ мѣстахъ, гдѣ дорога стѣснялась садами, или тамъ, гдѣ глубокій непроходимый въ бродъ арыкъ, подходилъ близко къ дорогѣ, кипчаки устроивали засаду и встрѣчали отрядъ залпомъ. Имъ отвѣчала наша стрѣлковая цѣпь или орудія, если мѣстность то позволяла. Арьергарду отряда приказано было жечь, по мѣрѣ движенія отряда, всѣ кишлаки, гдѣ встрѣчалось сопротивленіе.

Движеніе отряда съ боемъ продолжалось въ теченіи двухъ дней, 3-го и 4-го октября. Быстрое наступленіе, почти безъ сопротивленія со стороны непріятеля, разгромъ главнаго средоточія непріятельскихъ силъ, и, затѣмъ, упорное, неотвязчивое «насѣданіе» со стороны кипчаковъ, рядъ мелкихъ схватокъ, во все время обратнаго марша отряда—такова картина нашего движенія. Четыре раза непріятель, провожавшій отрядъ, былъ наказанъ за свою дерзость. Какъ только представлялась возможность, начальникъ отряда, генералъ Троцкій, поручалъ флигель-адъютанту полковнику Скобелеву устроить засаду и «порубить» неосторожно выскакавшаго изъ садовъ и полей густой джугары непріятеля. Первая лихая кавалерійская схватка произошла 3-го октября, когда полковникъ графъ Борхъ и полковникъ Скобелевъ, съ 1½ сотнями казаковъ, кинулись у кишлака Мир-Абадъ на выѣхавшія густыя толпы непріятеля. Двѣ засады устроены были полковникомъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ 4-го октября, во время марша отряда. Въ ночь съ 4-го на 5-е октября генералъ Троцкій окончательно уничтожилъ провожавшее отрядъ скопище непріятеля, числомъ болѣе 2,000 человѣкъ. Полковникъ Скобелевъ, тихо выступившій съ бивуака отряда, напалъ съ 1½ сотнями и одною ротой на кипчаковъ, безпечно расположившихся на ночь у ближняго кишлака, верстахъ въ шести отъ бивуака отряда и уничтожилъ скопище. 19 значковъ и множество оружія были трофеями этого дѣла. На мѣстѣ этого небольшого побоища подобрали болѣе 2,000 чалмъ.

Между тѣмъ, командующій войсками, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, не получая никакого донесенія изъ отряда *), рѣшился выступить изъ Намангана къ Андиджану. 5-го октября, оба отряда встрѣтились при кишлакѣ Ходжа-абадъ, вмѣстѣ возвратились, 8 го октября, въ Наманганъ.

162

Голосъ 1875. №350.

Изъ Ходжэнта, *20-го ноября* (*кореспонденція «Голоса»*).—Кокандскій походъ, вызванный внутренними безпорядками въ ханствѣ, если нельзя считать вполнѣ оконченнымъ въ томъ смыслѣ, что спокойствіе въ ханствѣ возстановлено, то, безспорно, слѣдуетъ признать, что наша граница на будущее время совершенно обезпечена отъ набѣговъ кокандскихъ шаекъ. Перенесеніе границы съ Кендыр-Довановскаго Хребта на правый берегъ рѣкъ Сыр-Дарьи и Нарына для насъ представляется весьма удачнымъ рѣшеніемъ кокандскаго вопроса, въ виду тормазовъ, которые лишили возможности разрѣшить его такъ, какъ того требуетъ мѣстная среднеазіатская политика и воззрѣнія каждаго туземца на международныя отношенія. Политика исправительнаго наказанія здѣсь непонятна; идея сохраненія цѣлости владѣнія среднеазіатецъ не понимаетъ; по его понятіямъ, побѣдитель долженъ все забирать себѣ, движенія же съ цѣлью наказанія, а не подчиненія себѣ, онъ объясняетъ позорнымъ отступленіемъ, слабостью силъ и т. п. Все могущество русскихъ въ Средней Азіи держалось, держится и будетъ держаться тѣмъ, что они никогда не отступали изъ мѣстностей, въ которыхъ появлялись.

Занятіе нами Наманганскаго Края, официально именуемаго нынѣ *отдѣломъ*, придвинуло насъ къ центру ханства и поставило въ тылу кипчакскаго населенія, отъ котораго, въ послѣднее

время, какъ извѣстно, происходили всѣ бѣдствія въ странѣ. Новая окраина нашихъ владѣній въ Средней Азіи занимаетъ сѣверозападную часть Коканскаго Ханства. Защищаемая съ этихъ сторонъ горами и открытая къ юговостоку долиной рѣкъ Сыр-Дарьи и Нарына, она пользуется превосходнымъ климатомъ и щедро одарена природою.

Во время коканскаго владычества, Наманганскій Край состоялъ изъ шести бекствъ: Наманганскаго, Чаартагскаго, Касанскаго, Наукатскаго, Чустскаго и Бабадарханскаго. Каждое изъ нихъ управлялось самостоятельно, давая отчотъ только въ вопросахъ сохраненія цѣлости ханства передъ Коканомъ. Наманганское бекство считалось наиболѣе доходнымъ; оно отдано было въ управленіе младшему сыну Худояра хана Урмибеку.

Населеніе новаго нашего отдѣла составляютъ осѣдлые сарты, узбеки и частью таджики, а кочевое—киргизы и узбекскіе роды, кипчаки, каракалпаки, юзы и другіе. Преобладающимъ населеніемъ надо признать между осѣдлыми—сартовъ, между кочевниками—киргизовъ. Указать точно численность всего населенія новой окраины, по неимѣнію необходимыхъ для этого данныхъ у туземныхъ властей, невозможно. По всѣмъ разспросамъ, можно, приблизительно, считать осѣдлаго около 25,000 домовъ и кочевого около 13,000 кибитокъ; всего 38,000 домовъ и кибитокъ или до 190,000 жителей. По характеру, образу жизни и занятіямъ населеніе Наманганскаго Края ничѣмъ не отличается отъ своихъ сосѣдей, жителей нашихъ владѣній: Ташкента, Кураминскаго Уѣзда и т. п.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Куномъ, находившимся при отрядѣ, со всѣхъ шести бекствъ взималось коканскими властями податей зерномъ до 150,000 батмановъ. Переводя этотъ сборъ на деньги и считая, по базарной оцѣнкѣ, за батманъ 2 руб., получимъ около 420,000 руб. въ годъ. Въ промышленомъ отношеніи, новая территорія представляетъ весьма мало; всѣ производства служатъ только къ удовлетворенію обыденныхъ потребностей мѣстныхъ жителей. Предметами вывоза во время коканскаго владычества служили наманганскіе фрукты, овцы и соль. Соль представляетъ неисчерпаемое богатство новой страны. Сверхъ того, край богатъ каменнымъ углемъ и нефтью, которые, надо полагать, съ переходомъ страны къ намъ, не останутся въ забытьи—явятся предпріимчивые люди и постараются извлечь пользу.

Изъ населенныхъ пунктовъ новой территоріи, наиболѣе важны, по населенію и торговому зна-

чению, слѣдующіе: 1) городъ Наманганъ, главный рынокъ всей сѣверозападной части ханства, имѣетъ до 10,000 домовъ, лежитъ въ 12-ти верстахъ отъ Нарына и въ 8-ми верстахъ отъ Сыр-Дарьи. Наманганскій базаръ считается однимъ изъ главныхъ во всемъ ханствѣ; онъ имѣетъ болѣе 1,000 лавокъ, два караван-сарая и множество мастерскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій. 2) Городъ Касанъ имѣетъ до 2,000 домовъ и базаръ. 3) Городъ Наукатъ до 3,000 домовъ и торговый рынокъ и 4) городъ Чустъ до 4,000 домовъ, обширный базаръ, второй, по величинѣ, послѣ наманганскаго, и до 500 лавокъ. Жители этихъ городовъ — сарты, таджики и частью узбеки. Базары служатъ центромъ для кочевниковъ сѣверной и западной части ханства.

Въ наши предѣлы изъ Наманганскаго Края идетъ нѣсколько путей. Всѣ пути, исключая одного, пригодны только для сообщеній вьючными караванами и, притомъ, сопряжены съ большими трудностями, такъ какъ проходятъ чрезъ нѣсколько значительныхъ горныхъ переваловъ. Между всѣми путями кратчайшимъ считается путь, идущій черезъ Кендырь-Дѣвекъ. Для прохода этимъ путемъ изъ Намангана въ Ташкентъ требуется три дня.

Вновь присоединенный нынѣ къ туркестанскому генерал-губернаторству край, называемый Наманганскимъ Отдѣломъ, раздѣленъ, въ административномъ отношеніи, на два участка: Наманганскій и Чустскій. Наманганскій составляютъ бывшіе бекства Чаартагское, Касанское, Наукатское и Наманганское, а Чустскій—Чустское и Бабаджарханское Бекства. Управленіе краемъ основано на тѣхъ же началахъ, какъ и Амударьинскимъ Отдѣломъ. Начальникъ Наманганскаго Отдѣла живетъ въ Наманганѣ, а Чустскаго—въ Чустѣ.

Q.C.P. - N.Ver

Голосъ. 1876 г. № 39.

Извѣстія, получонныя теперь изъ Средней Азіи, какъ нельзя лучше оправдываютъ не разъ уже высказанный нами взглядъ на событія въ Кокандѣ и наши отношенія къ этому ханству. Возстаніе, вспыхнувшее въ Коканѣ, не заключало въ себѣ никакихъ задатковъ для упроченія порядка въ этой странѣ; оно не носило въ себѣ никакихъ зиждительныхъ элементовъ, но, наоборотъ, содержало всѣ признаки, характеризующіе обыкновенно агонію доживающаго свои дни государства. На долю русскихъ войскъ и русской власти выпала неблагодарная задача: искуственно поддерживать то, чтò видимо уже было разрушено. Горсть нашихъ храбрецовъ, не зная ни днемъ, ни ночью покоя, вынуждена была метаться изъ стороны въ сторону, совершать изнурительные переходы, ежеминутно жертвовать жизнью и здоровьемъ, чтобъ подавлять безпорядки, несуществовавшіе только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя временно занимаемы были нашими войсками. Только извѣданная стойкость и никогда непадающій духъ нашей доблестной арміи могли стать въ уровень съ такою трудною и безпокойною задачей. Наконецъ, анархія истощила свои силы въ борьбѣ съ порядкомъ и возстала сама на себя. Изнемогающее въ междоусобныхъ распряхъ, развращонное деспотизмомъ азіатскихъ хановъ, неувѣренное въ завтрашнемъ днѣ населеніе, тщетно ища въ собственныхъ силахъ прочнаго обезпеченія для какой бы то ни было власти, обращаетъ уже свои взоры къ Россіи, подъ управленіемъ которой, если не полное счастье, то, по крайней мѣрѣ, полное спокойствіе и порядокъ нашли уже многія области нѣкогда обширнаго Кокапскаго Ханства. Изъ заявленія «Русскаго Инвалида» мы съ удовольствіемъ узнаёмъ теперь, что «все населеніе Коканскаго Ханства, какъ осѣдлое, такъ и кочевое, изъявило полную покорность, ожидая рѣшенія своей участи отъ воли Государя Императора».

Еще при первыхъ извѣстіяхъ о присоединеніи къ нашимъ владѣніямъ Наманганской Области, мы высказывали предположеніе, что эту мѣру слѣдуетъ разсматривать, какъ временную и переходную къ полному присоединенію остатковъ Коканскаго Ханства.

Мы выразили надежду, что окончательное рѣшеніе коканскаго вопроса послѣдуетъ только по прибытіи въ Петербургъ туркестанскаго генерал-губернатора, генерал-адъютанта фон-Кауфмана 1-го. Въ приведенномъ заявленіи «Русскаго Инвалида» мы видимъ признаки, что наши предположенія оправдываются. Поводомъ къ присоединенію Наманганской Области послужило справедливое сознаніе необходимости нѣкотораго отдаленія безпокойной коканской границы отъ главнѣйшихъ центровъ нашего управленія въ Туркестанѣ и зараждающихся тамъ промышленыхъ и торговыхъ пунктовъ. Нельзя было считать положеніе наше упроченнымъ и достойнымъ русской власти, если шайки какихъ-нибудь кипчаковъ въ однѣ сутки могли прервать сообщеніе съ Ташкентомъ и Ходжентомъ, вырѣзать русскихъ поселенцовъ или увести ихъ въ плѣнъ, подстрекая туземцовъ къ безпорядкамъ. Въ этомъ отношеніи, присоединеніе Наманганской Области не могло служить надежнымъ обезпеченіемъ, такъ какъ отъ Ходжента все еще оставалось не болѣе 45-ти верстъ до первой ...чительной крѣпости Кокана, откуда, опасные для мирнаго развитія страны, нежданные набѣги могли удобно совершаться во всякое время. Послѣдовавшія за присоединеніемъ Наманганской Области событія прямо указывали на недостаточность этой мѣры и довольно явно говорили въ пользу необходимости полнаго подчиненія Кокана русской власти.

Извѣстно, что по этому поводу раздавались запоздалые совѣты не вдаваться въ глубь Азіи; но эти предостереженія утрачивали всякую цѣну, потому что исходили отъ ближайшихъ виновниковъ расширенія нашей восточной границы, дѣйствовавшихъ еще въ то время, когда мы не имѣли желѣзныхъ дорогъ, въ

настоящее время хотя отчасти сблизившихъ Россію съ этою отдаленною окраиной. Если обстоятельства вынудили насъ переступить границу безплодныхъ пространствъ и пустынь, отдѣлявшихъ русское государство отъ способныхъ къ культурѣ мѣстностей Средней Азіи, если, благодаря тѣмъ же неумолимымъ причинамъ, въ нашихъ рукахъ очутилась бо́льшая часть владѣній прежняго Коканскаго Ханства, было бы довольно странно останавливаться въ нерѣшительности тогда, когда подобныя же причины указываютъ на настоятельную необходимость доведенія до конца дѣла, уже начатаго, подъ угрозой совершенно напрасной утраты десятилѣтнихъ жертвъ и трудовъ. Мы уже говорили и считаемъ необходимымъ повторить, что небольшая область, составляющая нынѣшнее Коканское Ханство, является наиболѣе богато одаренною отъ природы мѣстностью, сравнительно съ прочими частями этого ханства, уже вошедшими въ составъ туркестанскаго генерал-губернаторства.

Уже давно чувствуемая потребность нѣкотораго усиленія нашихъ войскъ въ туркестанскомъ военномъ округѣ удовлетворяется, какъ слышно, отправленіемъ туда двухъ батальйоновъ и одной конной батареи. Едва ли бо́льшее усиленіе потребуется для полнаго занятія Кокана, чѣмъ то, которое необходимо для облегченія нынѣшней задачи нашихъ войскъ, вынужденныхъ ежеминутно быть готовыми къ подавленію безпорядковъ въ странѣ, подверженной всѣмъ случайностямъ анархіи.

Голосъ. 1876 г. № 16

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

15-го апрѣля 1876.

Среди полнаго спокойствія, которымъ пользовалось туркестанское генералгубернаторство со времени славнаго хивинскаго похода, неожиданно для всѣхъ, Россія была вовлечена, лѣтомъ прошлаго года, въ кровавую борьбу съ нѣкоторыми родами среднеазіатскихъ узбековъ и во главѣ ихъ съ кипчаками и кара-киргизами. Борьба эта, продолжительная и упорная, стоила намъ значительныхъ жертвъ и хотя ведена была близъ нашихъ границъ, недалеко отъ прочно занятыхъ нами осѣдлыхъ пунктовъ Туркестана, но вывела изъ нашего строя гораздо болѣе офицеровъ и низшихъ чиновъ, чѣмъ хивинская экспедиція 1873 года.

Въ сравненіе съ коканскою экспедиціей не можетъ идти ни одна изъ предъидущихъ экспедицій Средней Азіи. Въ 1875 году можно было убѣдиться, что борьба происходитъ не съ ханомъ или эмиромъ, изъ политическихъ видовъ отстаивающаго свою независимость, а съ народными страстями, съ фалитазированнымъ и наэлектризованнымъ мусульманскимъ населеніемъ, что несравненно опаснѣе. Когда мы занимали форты на Сыр-Дарьѣ и укрѣпленные пункты въ земляхъ киргизовъ Большой Орды, ханы Средней Азіи вели борьбу съ нами единственно для огражденія своихъ родовыхъ владѣній отъ внѣшняго завоеванія иноземцами. Когда же мы заняли Ташкентъ и Самаркандъ и прочно укрѣпились въ населенныхъ мѣстахъ Туркестана, подчинивъ своимъ порядкамъ и своей власти искони мусульманскія страны, въ Средней Азіи явилась новая причина для борьбы съ нами—населеніе начало желать отдѣлаться отъ непрошеннаго гостя, наложившаго свою сильную руку на традиціонные и любимые имъ порядки. Самые вліятельные классы населенія, духовенство и сборщики податей, сразу потерявшіе свое политическое значеніе, помощью котораго они наживались и правили народомъ, покорившись, по наружности, новой силѣ, возненавидѣли ее отъ глубины своего сердца. Оставаясь спокойными въ первые годы нашихъ завоеваній осѣдлыхъ оазисовъ, они съ теченіемъ времени освобождались отъ страха, который овладѣлъ ими въ концѣ 60-хъ годовъ, и начали глухую, страшную вражду противъ русской власти и дѣйствовали на народныя массы.

Еще до начала нашей борьбы съ кипчаками существовали нѣкоторые признаки этой затаенной борьбы. Обнаружены были даже нѣкоторые факты, указывающіе, что

борьба эта предпринята была энергически и систематически. Въ 1871 году, близъ самаго Ташкента было произведено смѣлое и въ высшей степени дерзкое нападеніе на почтовую русскую станцію шайкой разбойниковъ. Слѣдствіе хотя и не обнаружило особыхъ причинъ этого нападенія, но послѣдующія изслѣдованія доказали, что дѣло это нельзя отнести къ обыкновеннымъ разбойничьимъ предпріятіямъ, что оно произошло отъ какого-то тайнаго заговора, нити котораго были протянуты отъ восточныхъ предѣловъ Коканскаго Ханства черезъ Ташкентъ, Самаркандъ и въ Бухару. Одновременно съ этимъ происшествіемъ въ долинѣ Зеравшана, недалеко отъ Самарканда, вдругъ съ разныхъ сторонъ появились три разбойничьи шайки. Высшіе власти Туркестана получали въ то время разныя свѣдѣнія о какомъ-то таинственномъ лицѣ, называвшемся народомъ *дуана*, который, будто, руководилъ движеніемъ народныхъ массъ Средней Азіи. Лицо это розъискивалось и въ Коканѣ, и въ Шагрисябзѣ, и коканскій ханъ Худояръ получилъ даже по поводу этого лица запросъ изъ Ташкента. Какія цѣли имѣло это лицо, кѣмъ оно было, какія средства оно имѣло и какими способами хотѣло дѣйствовать — это по сіе время остается покрыто мракомъ неизвѣстности. Несомнѣнно, что этотъ *дуана* — лицо духовное, несомнѣнно также, что однимъ изъ средствъ своихъ дѣйствій оно избрало фанатизированіе массъ противъ невѣрныхъ, т. е. насъ, русскихъ. Къ сожалѣнію, этотъ фактъ остался по сіе время неизслѣдованнымъ, а матерьялы, собранные о немъ хранятся еще въ тайнѣ. Мы по настоящее время еще не предприняли въ Туркестанѣ систематическаго изслѣдованія разныхъ сектъ мусульманскихъ, не позаботились поглубже взглянуть, чѣмъ руководится тамошнее населеніе въ своей нравственной жизни, чего оно желаетъ, къ чему стремится, кому вѣритъ и на что надѣется. Такія изслѣдованія раскрыли бы передъ нами новый міръ и мы ясно увидѣли бы причины кипчакской борьбы. Новый и страшный врагъ нашъ — народный фанатизмъ, при подобныхъ изслѣдованіяхъ, сталъ бы намъ извѣстенъ; вести же борьбу съ извѣданнымъ врагомъ гораздо легче, чѣмъ съ таинственнымъ.

Это видимъ мы изъ неоконченной еще борьбы нашей съ кипчаками и кара-киргизами. Событія этой борьбы чрезвычайно ярко обрисовываютъ всю опасную сторону народной борьбы и показываютъ, что съ ханомъ и другими владѣтелями Средней Азіи несравненно легче справиться, чѣмъ даже съ малочисленнымъ,

но фанатизированнымъ населеніемъ клочка этой части Азіи.

Обратимся къ этимъ событіямъ. Читателямъ «Голоса» извѣстны причины кровавой ненависти кипчаковъ къ бывшему коканскому хану Худояру-хану *). Униженное и забитое въ 50-хъ годахъ, кипчакское населеніе уже въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія показало, что оно еще живуче и съ одинаковою ненавистью смотритъ на своего хана-деспота. Занятіе Ташкента русскими и дальнѣйшія военныя наши дѣйствія успокоили на нѣкоторое время народныя страсти Кокана. Страсти успокоились подъ вліяніемъ временного магическаго страха передъ грозною русскою военною силой. Въ 1873 году, во время хивинскаго похода, кипчаки и ихъ союзники, кара-киргизы, начали возстаніе противъ своего хана. Возстаніе это, усмиренное ханомъ, повторилось съ бо́льшею силой въ 1874 году, но усмирено было снова. Въ іюлѣ 1875 года, начались новыя смуты, на этотъ разъ достигшія своей первоначальной цѣли. Ханъ Худояръ съ позоромъ былъ изгнанъ изъ ханства и бѣжалъ подъ защиту русскихъ штыковъ. На ханство возведенъ былъ безхарактерный сынъ Худояра, Насыръ-Эддинъ. Казалось, цѣль была достигнута: на ханствѣ не было болѣе ненавистнаго узбекамъ Худояра. Дальнѣйшія событія показали, что цѣль эта была лишь средствомъ къ другой, болѣе важной и священной цѣли мусульманъ — къ изгнанію русскихъ изъ Туркестана.

Руководителями возстанія были Абдрахманъ-автобачи, сынъ знаменитаго регента ханства, воспитателя Худояра, Мусульмана-Кули, и мулла Исса-Ауліе. Посадивши на ханство Насыря-Эддина, они стали настоящими правителями ханства и заставили тотчасъ же написать письмо генералу-адъютанту фон-Кауфману 1-му, который и отвѣтилъ, съ какими условіями онъ признаетъ совершившійся переворотъ въ ханствѣ. Но этотъ актъ дипломатіи со стороны кипчаковъ былъ хитростью: они хотѣли собраться съ силами и имѣть въ своемъ распоряженіи хоть нѣсколько недѣль времени. Дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ, изъ Кокана была послана масса прокламацій, призывающихъ туземцовъ нашихъ областей на священную борьбу съ невѣрными. Такимъ образомъ былъ объявленъ газаватъ—самое существенное наставленіе корана, высоко чтимаго мусульманами. Народныя страсти заговорили. Для поддержанія силы проклама-

*) См. № 243-й 1875 года.

ній, изъ Кокана были высланы шайки, перешедшія наши границы и вторгшіяся въ уѣзды Кураминскій и Ходжентскій. Почтовыя сообщенія Ташкента съ Ходжентомъ и этого города съ Ура-Тюбе были прерваны. Значительныя шайки подошли къ Ташкенту, не доходя до него всего 70 верстъ. Ходжентъ былъ обложенъ коканцами. Въ Ташкентѣ начала распространяться паника. Тузем-цы нашего Кураминскаго Уѣзда, при появленіи въ средѣ ихъ комисаровъ, приглашавшихъ къ газавату, отвѣтили, какъ гласитъ официальное описаніе коканской экспедиціи**), что «они возстанутъ, если только коканцы разобьютъ русскихъ». При вторженіи же непріятельскихъ шаекъ въ наши предѣлы, жители пограничныхъ кишлаковъ, намъ подданные, вступили въ непріятельскіе ряды. Положеніе дѣлъ становилось серьёзное. Намъ грозило народное возстаніе. Но, благодаря распорядительности ташкентскаго начальства, опасность миновала—шайки были разбиты на-голову. Ходжентъ съ мужествомъ оборонялся и русскій гарнизонъ разбилъ нападавшихъ. Для усиленія обороны Ташкента, изъ котораго выступила часть войскъ въ походъ къ Ходженту, были собраны безсрочно-отпускные, числомъ до 600 человѣкъ, а изъ приходящихъ въ городъ партій молодыхъ солдатъ сформированы вооружонныя команды.

Войскамъ, шедшимъ къ Ходженту изъ Ташкента и Нау (между Ура-Тюбе и Ходжентомъ), пришлось имѣть дѣло съ непріятелемъ. Такимъ образомъ, руководители возстанія Коканскаго Ханства перенесли свою дѣятельность на нашу территорію.

19-го августа, отрядъ, назначенный для дѣйствія противъ Кокана, былъ собранъ въ Ходжентѣ. Этимъ закончился первый періодъ кампаніи, имѣвшій характеръ оборонительный.

20-го августа, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й предпринялъ наступленіе къ Махраму, гдѣ собралась многочисленная армія непріятеля, въ числѣ которой, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, однихъ конныхъ кипчаковъ и кара-киргизовъ было до 50,000. 22-го августа, непріятель потерпѣлъ страшное пораженіе. Абдрахманъ-автобачи и всѣ главные вожди возстанія были предводителями этой арміи. «Побѣда имѣла значеніе—читаемъ мы въ официальномъ донесеніи—и въ томъ отношеніи, что тамъ (Махрамъ) собраны были вождями

**) «Военный Сборникъ», №№ 1-й и 2-й. «Военныя дѣйствія противъ коканцовъ», за 1875 годъ. (По официальнымъ донесеніямъ).

движенія всѣ наличныя силы и большія средства, которыми они располагали для борьбы съ нами». Западная часть Кокаиского Ханства успокоилась. Генералъ Кауфманъ издалъ прокламацію, увѣщевая жителей оставаться спокойными. На другой день въ отрядъ начали стекаться депутаціи изъ разныхъ мѣстъ ханства съ изъявленіемъ покорности. По дорогѣ къ Кокану, главный начальникъ войскъ получилъ письмо отъ Насыра-Эддила, въ которомъ ясно обнаружилось все ничтожество новаго хана. Съ посольствомъ явился и Исса-Ауліе. Вскорѣ, именно 29-го августа, Коканъ былъ занятъ нашими войсками безъ выстрѣла. Послѣдніе переходы войскъ до Кокана были торжественнымъ шествіемъ, такъ какъ населеніе встрѣчало русскихъ съ большимъ почетомъ. Казалось, дѣла коканскія были покончены; столица въ нашихъ рукахъ, ханъ въ нашемъ лагерѣ; махрамская побѣда была эгланена въ долинѣ Ферганы; Исса-Ауліе лишонъ возможности пропагандировать газаватъ; Абдрахманъ-автобачи бѣжалъ изъ подъ Махрама всего съ 3,000 всадниками и скрывался близъ горъ. Еслибъ борьба происходила съ ханомъ, имѣвшимъ значеніе въ глазахъ народа, то, по всей вѣроятности, махрамскою побѣдой и занятіемъ Кокана экспедиція достигла бы главныхъ своихъ цѣлей. Но дѣла имѣли иной характеръ. На сцену появились иныя причины. Борьба происходила не съ ханомъ, а съ народнымъ движеніемъ, которое не такъ легко подавить... Руководителемъ возстанія былъ человѣкъ энергическій и фанатикъ, умѣвшій воодушевить массу, сплотившій вокругъ себя людей одинаковато съ нимъ закала и неотчаявшійся послѣ перваго пораженія. Убѣжденный, что на сторонѣ его праваго дѣла стоитъ самъ пророкъ, представитель кипчаковъ питалъ надежду на то, что правое дѣло его восторжествуетъ.

Хотя войска наши занимали Коканъ и занятая часть ханства изъявила покорность, но города восточной половины ханства не высылали депутацій въ русскій лагерь. Точно также дѣйствовалъ и Намангань. 31-го августа, получено было письмо отъ Абдрахмана и 70-ти представителей кипчаковъ, кара-киргизовъ и другихъ узбековъ, въ которомъ просилось о дарованіи имъ и ихъ народамъ того же спокойствія, которымъ пользовался Коканъ. На предложеніе явиться въ Коканъ Абдрахманъ отвѣтилъ сборомъ новыхъ военныхъ силъ. Гене-

ралъ - адъютантъ фонъ - Кауфманъ 1 - й, 5-го сентября, выступилъ изъ Кокана въ Маргеланъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ, Абдрахманъ сосредоточилъ до 10,000 конницы; 8-го сентября отрядъ остановился у города. Кипчаки бѣжали черезъ Ассаке къ горамъ; летучій отрядъ преслѣдовалъ его черезъ этотъ городъ, кышлакъ Мин-Тюбе, затѣмъ зажогъ городъ Ушъ. У Абдрахмана осталось всего 100 вооружонныхъ людей. Онъ очутился въ отчаянномъ положеніи. Это было 10-го сентября. Къ генералу Кауфману выслали депутацію почти всѣ города восточной части Кокана.

Въ ханствѣ водворилось спокойствіе. На этотъ разъ русскіе военачальники были убѣждены, что все покончено и остается лишь устроить внутреннія дѣла Кокана, а, затѣмъ, отправить побѣдоносныя войска на отдыхъ, на постоянныя квартиры. Въ Маргеланъ былъ приглашонъ Насыръ-Эддинъ. По заключеніи съ нимъ мирнаго договора, генералъ Кауфманъ перешолъ Сыр-Дарью и расположился въ Наманганѣ.

Между тѣмъ, мы горько ошибались. Энергическій Абдрахманъ снова поднялъ знамя и еще разъ провозгласилъ священную войну. За него стала вся восточная часть ханства. Центромъ возстанія былъ Андиджанъ. На помощь вожаку кипчаковъ явился каракиргизъ Пулатъ-бекъ, провозглашонный узбеками ханомъ Кокана. Чтобъ уничтожить новый центръ возстанія, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 1-й немедленно отправилъ въ Андиджанъ отрядъ войскъ, подъ начальствомъ свиты Его Величества генерала-майора Троцкаго. Послѣ упорнаго сопротивленія, городъ былъ взятъ штурмомъ; непріятель понесъ огромныя потери. Вслѣдъ затѣмъ, отрядъ генерала Троцкаго произвелъ ночное нападеніе на лагерь Пулата-бека. Непріятель былъ разсѣянъ и все его оружіе досталось намъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ побѣдъ генерала Троцкаго, именно 9-го октября, въ городѣ Коканѣ вспыхнула новая революція. Насыръ-Эддинъ бѣжалъ въ Ходжентъ подъ защиту русскихъ.

Такимъ образомъ, партія борьбы не падала духомъ и силой уничтожала то, что было устроено нами.

Несмотря на все нежеланіе присоединять къ имперіи новую область, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ нашолъ, однако, нужнымъ временно занять правый берегъ Сыр-Дарьи

и образовалъ изъ земель этого берега Наманганскій Отдѣлъ, управленіе которымъ ввѣрилъ свиты Его Величества генералу-майору Скобелеву. Оставивъ въ его распоряженіи сильный и самостоятельный отрядъ, генералъ Кауфманъ съ прочими войсками отошолъ къ Ходженту.

Между тѣмъ, волненіе не утихало. Въ концѣ октября, были прерваны сообщенія наманганскаго отряда съ Ташкентомъ и Ходжентомъ. Генералъ-майоръ Скобелевъ выступилъ къ западу отъ Намангана съ частью войскъ и 23-го октября, разбилъ непріятельскія скопища. Пока это дѣло происходило, жители Намангана произвели возмущеніе и осадили оставшіяся въ крѣпости наши войска.

27-го октября, генералъ Скобелевъ выручилъ крѣпость, которую блистательно защищали русскіе въ теченіи трехъ сутокъ, и жестоко наказалъ непріятеля. Наманганскій Округъ успокоился; но не успокоились кипчаки лѣваго берега, и собирались снова значительныя силы близь города Балыкча. Генералъ Скобелевъ, получивъ достовѣрныя о томъ извѣстія, перешолъ съ частью отряда на лѣвый берегъ и близь Балыкча нанесъ непріятелю страшное пораженіе, овладѣвъ всѣми собраннымъ тамъ запасами.

Руководители возстанія, тѣмъ неменѣе, не унывали. Рядъ пораженій и, притомъ, самыхъ сильныхъ, какъ будто, не убѣдилъ кипчаковъ въ нашей силѣ. Борьба принимала грозные размѣры. Кипчаки боролись за свою идею, которую съ такою энергіей проповѣдывалъ Абдрахманъ. Весь лѣвый берегъ верхней части Сыр-Дарьи былъ въ анархіи. Мы заняли оборонительное положеніе.

Чтобъ окончить борьбу съ кипчаками, генералъ Кауфманъ, уѣзжая въ Петербургъ, приказалъ начальнику наманганскаго отряда, въ концѣ декабря, съ сильнымъ отрядомъ произвести рекогносцировку въ центрѣ кочевій кипчаковъ, Еки-Су *) и, затѣмъ ударить на Андиджанъ или другіе пункты, гдѣ будутъ сосредоточены непріятельскія войска и уничтожить ихъ.

Приказаніе это было блистательно и точно выполнено генераломъ Скобелевымъ. 25-го декабря, Скобелевъ вышелъ съ 2,800 штыками и саблями и направился въ Еки-Су, уничтожая жилища кипчаковъ. Въ Андиджанѣ тѣмъ временемъ собрались большія силы Абдрахмана. 9-го января 1876 года, Андиджанъ былъ въ рукахъ русскихъ.

*) Междурѣчье между Нарыномъ и Кара-Дарьей.

Разбитые непріятели бѣжали къ городу Ассане. Но чрезъ нѣсколько дней въ рядахъ его было болѣе 15,000 вооружонныхъ людей. Абдрахманъ-автобачи рѣшился напасть на Андиджанъ, но Скобелевъ предупредилъ его. 18-го января, генералъ Скобелевъ атаковалъ непріятеля, расположившагося въ 1½ верстахъ отъ Ассане, и на-голову разбилъ его. 19-го января, вечеромъ, отрядъ возвратился къ Андиджану, а 20-го Абдрахманъ прислалъ къ русскимъ довѣреннаго для переговоровъ о сдачѣ. 24-го января, Абдрахманъ, признавая свое безсиліе въ борьбѣ съ русскими, сдался генералу Скобелеву. Знаменитый боецъ за господство своего народа въ Кокандѣ и за господство мусульманъ въ Средней Азіи не совладалъ со своею задачей и сдался на великодушіе своихъ заклятыхъ враговъ.

Послѣ всего этого, можно было предположить, что спокойствіе водворится въ обѣихъ половинахъ Кокандскаго Ханства. Но этого не случилось. Въ западной половинѣ ханства снова вспыхнули безпорядки. 27-го января, часть кипчаковъ и кара-киргизовъ разбила подъ Коканомъ Насыра-Эддина, домогавшагося овладѣть своею резиденціей. Въ свою очередь, кипчаки были разбиты жителями Кокана. Въ восточной части ханства Пулатъ-бекъ произвелъ рядъ грабительствъ, но былъ, 28-го января, разбитъ нами въ Учь-Курганѣ, въ горномъ ущельѣ Алая.

Всѣ эти событія, наконецъ, произвели ожидаемое дѣйствіе. Ханство начинаетъ успокоиваться. Города шлютъ депутаціи въ русскій отрядъ.

Такова драма, разъигравшаяся, въ іюлѣ 1875 года, въ долинѣ Ферганы и продолжавшаяся до начала февраля нынѣшняго года. Никогда еще въ Средней Азіи русскимъ не приходилось испытывать такой длинной и упорной борьбы. Мы въ первый разъ столкнулись съ энергическимъ бѣйцомъ, съумѣвшимъ воодушевить населеніе, и опытомъ дознали, что бороться съ населеніемъ несравненно труднѣе, чѣмъ съ деспотами туземныхъ ханствъ.

Таковы первые признаки особаго мусульманскаго движенія, которое охватило всѣхъ мусульманъ міра *) и которое проникаетъ въ Среднюю Азію. Намъ нельзя пренебрегать этими указаніями опыта и надлежитъ серьёзно изучить это движеніе, а между тѣмъ, поставить себя въ глазахъ туземцовъ Туркестана такъ, чтобъ они ясно сознали, что мы — господа страны и способны твердо держать власть въ своихъ рукахъ. Объ этомъ мы поговоримъ послѣ.

44

сс. 1876 г. № 117.

Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано слѣдующее воззваніе генерала-лейтенанта Колпаковскаго къ туземнымъ жителямъ Ферганской Области:

«Осѣдлые и кочевые народы долины Ферганы!

«По волѣ великаго русскаго Императора, Бѣлаго Царя, переданной мнѣ Туркестанскимъ генераломъ-губернаторомъ, генераломъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ, обращаюсь къ вамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Много столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы, соединившись въ одно независимое и самостоятельное ханство, управлялись ханами изъ династіи Мингъ.

«Неисповѣдимою и неизмѣнною волей Всемогущаго Бога, русскіе утвердились въ странахъ, сосѣднихъ съ землями, вами обитаемыми, и, такимъ образомъ, Россія сдѣлалась ближайшимъ сосѣдомъ Кокандскаго Ханства.

«Великій Россійскій Императоръ, Бѣлый Царь, уклоняясь отъ всякихъ завоеваній, желалъ одного: утвердить искреннія и дружескія отношенія между Россіей и сосѣдними независимыми ханствами, и покровительствуя торговлѣ и промышленности, даровать миръ и благосостояніе, какъ своимъ подданнымъ, такъ и жителямъ сосѣднихъ странъ.

«Постоянно стремясь къ этой благой цѣли, Государь Императоръ, въ 1868 году, высочайше соизволилъ утвердить мирный договоръ, заключенный между туркестанскимъ генераломъ-губернаторомъ, генераломъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ 1-мъ и вашимъ ханомъ, Сеидомъ-Мухамедомъ-Худояромъ. По договору этому, устанавливались навсегда дружественныя и искреннія отношенія между Россіей и Кокандскимъ Ханствомъ.

«Со времени заключенія этого договора прошло болѣе семи лѣтъ, и дружба между Россіей и Кокандскимъ Ханствомъ ни разу не разрушалась; но въ іюлѣ прошлаго года (Джумади-Эль-Сани, 1292 года), вы возстали противъ своего законнаго хана Худояра и, свергнувъ его съ престола, вторглись въ наши предѣлы и открыли враждебныя противъ насъ дѣйствія.

«Я не буду говорить о подробностяхъ вашей неравной борьбы съ русскими побѣдоносными войсками:—онѣ извѣстны всѣмъ. Скажу только, что послѣ махрамскаго погрома, судьба ханства зависѣла вполнѣ отъ воли Государя Императора, Бѣлаго Царя, который, милосердо простивъ ваше заблужденіе и дурныя дѣла, и полагая, что мах-

рамскій урокъ васъ образумитъ, сохранитъ независимость ханства, утвердивъ на престолѣ избраннаго вами хана, Насыра-Этдина.

«Едва успѣли уйти русскія войска изъ Кокана на правый берегъ Сыръ-Дарьи, какъ вы возстали и, изгнавъ изъ столицы Насыра-Этдина-хана, увлеклись льстивыми обѣщаніями вашихъ вожаковъ и несбыточными надеждами, и вновь открыли враждебныя дѣйствія противъ войскъ русскаго Государя.

«Вамъ хорошо извѣстны печальныя послѣдствія этого безразсудства. Ведя неравную борьбу, вы потеряли много тысячъ людей и имущество, а города ваши: Наманганъ, Андиджанъ, Ассаке и другіе—взяты русскими. Но, по благости Господа Бога, такой урокъ не остался безъ добрыхъ для васъ послѣдствій: послѣ уничтоженія вашихъ скопищъ подъ Ассаке, Богу угодно было образумить вожака вашего, Абдурахмана-автобачи, и приведя его къ полному сознанію невозможности вести дальнѣйшую борьбу съ русскими, вложилъ въ него счастливую для ферганскаго народа мысль: прекративъ борьбу, добровольно явиться къ начальнику дѣйствовавшихъ въ Коканскомъ ханствѣ войскъ, свиты Его Императорскаго Величества генералу-майору Скобелеву, и повергая свою повинную голову на милосердіе русскаго Монарха, просить о дарованіи мира его отечеству. Вслѣдъ за этимъ и весь ферганскій народъ, какъ осѣдлый, такъ и кочевой, слѣдуя совѣту лучшихъ людей, отправилъ къ генералу Скобелеву депутацію съ просьбой, забывъ ваши дурныя дѣла и недавнюю вражду съ русскими, принять весь ферганскій народъ, какъ кочевой, такъ и осѣдлый, съ принадлежащею ему землей, въ подданство могущественнаго русскаго Государя, Бѣлаго Царя, единственно который и можетъ даровать вамъ счастье, безопасность и спокойствіе.

«Эта просьба, заявленная посланными вами депутаціями отъ лица всего ферганскаго народа, была повергнута туркестанскимъ генераломъ-губернаторомъ, генераломъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ 1-мъ на милостивое воззрѣніе Государя Императора. Его Императорское Величество, въ своемъ безконечномъ милосердіи, предавъ забвенію всѣ прежнія дурныя дѣла ферганскаго народа, желая даровать ему счастье и спокойствіе, и твердо сознавая, что, при существованіи въ ханствѣ различныхъ народностей и партій съ различными стремленіями, ханская власть, какъ показала и исторія, не въ состояніи сдерживать народныя страсти и водворить порядокъ и миръ, снизошолъ къ просьбѣ ферганскаго народа и высочайше повелѣть соизволилъ:

«Нынѣ же весь коканскій народъ, какъ осѣдлый, такъ и кочевой, принять въ россійское подданство, а земли, имъ занимаемыя, составлявшія прежде Кокансное Ханство, присоединить къ Россійской Имперіи, подъ наименованіемъ Ферганской Области. Военнымъ губернаторомъ вновь образуемой Ферганской Области всемилостивѣйше назначенъ свиты Его Величества генералъ-майоръ Скобелевъ; принятіе же въ подданство бывшаго Коканскаго Ханства поручено мнѣ.

«Во исполненіе приказанія туркестанскаго генерала-губернатора, генерала-адъютанта фон-Кауфмана, объявляя всему ферганскому народу, какъ кочевому, такъ и осѣдлому, означенную выше волю великаго русскаго Монарха, Бѣлаго Царя, о принятіи его отнынѣ въ россійское подданство, съ радостью въ сердцѣ, поздравляю васъ съ этою монаршею милостью, которая даруетъ вамъ отнынѣ счастье, спокойствіе и благосостояніе.

«Милосердое и искреннее желаніе русскаго Государя умиротворить край и доставить вамъ счастье, благосостояніе и спокойствіе — сбудется; но чѣмъ скорѣе послѣдуетъ полное умиротвореніе края, тѣмъ выгоднѣе для васъ, и потому, для вашей же пользы, я приглашаю весь ферганскій народъ, не слушая злыхъ людей, отказаться отъ всякихъ дурныхъ помысловъ и теперь же приступить къ обычнымъ своимъ занятіямъ; особенно приглашаю купцовъ открыть возможно скорѣе торговлю, въ коей, благодаря несчастнымъ событіямъ послѣдняго времени, послѣдовалъ полный застой.

«Я вѣрю въ добрый смыслъ ферганскаго народа и, уповая на всемогущаго Бога, убѣжденъ, что ферганскій народъ пойметъ мои слова, истекающія отъ искренняго сердца, и принявъ подданство русскаго Государя, Бѣлаго Царя, найдетъ подъ кровомъ его счастіе и благополучіе и залечитъ раны, нанесенныя ему злонамѣренностью дурныхъ людей и собственнымъ легкомысліемъ. Религія и имущество ваши останутся неприкосновенными, а народные обычаи и судъ будутъ сохранены въ той мѣрѣ, на сколько они не противорѣчатъ общимъ законамъ имперіи.

«Да поможетъ Богъ вамъ начать мирно новую, счастливую жизнь подъ скипетромъ милосердаго и искренно желающаго вамъ добра русскаго Государя, Бѣлаго Царя!

7-го февраля 1876 года. 23-го мухарряма, 1293 года. Городъ Ташкентъ.

Воззваніе это отпечатано на большомъ листѣ на трехъ языкахъ: русскомъ, узбекскомъ и таджикскомъ, и распространено въ большомъ числѣ экземпляровъ по всѣмъ городамъ, кишлакамъ и горнымъ кочевьямъ Ферганской Области.

— По словамъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей», 3-го марта, въ Ташкентѣ казненъ смертью, чрезъ повѣшеніе, ташкентскій житель Абдулъ-Мумынъ, бѣжавшій, въ ноябрѣ прошлаго года, въ Коканъ и поступившій тамъ на службу къ Пулату-беку. Самозванецъ-ханъ назначилъ его атамыкомъ, надѣясь этою щедрою милостью привлечь еще болѣе перебѣжчиковъ изъ Ташкента. Въ серединѣ января, Абдулъ-Мумынъ присылалъ въ Ташкентъ нѣсколькихъ уполномоченныхъ, съ предложеніемъ заключить миръ, и угрожалъ, въ противномъ случаѣ, биться до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ не ляжетъ по 100 тысячъ народа (1 лякъ). Уполномоченные Абдула-Мумына, конечно, не были допущены въ Ташкентъ и высланы обратно въ Коканъ. Абдулъ-Мумынъ арестованъ въ Коканѣ въ первый же день по занятіи этого города генераломъ Скобелевымъ. Это высокій, еще совершенно бодрый на видъ старикъ, 60-ти лѣтъ.

— По словамъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей», 29-го февраля, въ Маргеланѣ казненъ смертью, чрезъ повѣшеніе, андиджанскій житель, Мулла-Исхакъ, дѣйствовавшій въ Коканѣ подъ именемъ Пулата-хана и умертвившій нашихъ плѣнныхъ. Онъ захваченъ былъ въ ночь, съ 18-го на 19-е февраля, въ южно-коканскихъ горахъ.

— Изъ напечатаннаго въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» приказа командующаго войсками, видно, что, подъ предсѣдательствомъ полковника Королькова, учреждена комиссія для выясненія данныхъ, которыя послужили бы основаніемъ къ опредѣленію размѣра повинностей и податей, имѣющихъ быть распредѣленными между населеніемъ Ферганской Области, порядка и способа взиманія ихъ, а также для опредѣленія бывшихъ ханскихъ имуществъ и земель, которыя должны быть обращены въ казенныя оброчныя статьи. Въ числѣ членовъ этой комиссіи находятся: бывшій коканскій посланникъ Мирза-Хакимъ, парманачи и бывшій мирза-баши муллы Ахмедъ-Махмудбаевъ. Комиссіи предоставляется право приглашать, по своему усмотрѣнію,

лицъ изъ бывшей туземной администраціи Коканскаго Ханства, могущихъ быть полезными комиссіи своими указаніями.

50

мая. 1876 г. № 124.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

4-го мая 1876.

Въ нынѣшнемъ году, мы посвятили уже двѣ статьи вопросу, на который, сколько намъ извѣстно, никто еще изъ русскихъ людей не обращалъ вниманія — религіозному движенію въ мусульманскомъ мірѣ Средней Азіи. Это вопросъ новый. Для разработки его собрано еще чрезвычайно мало матерьяла, и тотъ, который уже собранъ, не подвергнутъ еще критикѣ, не очищенъ отъ посторонихъ примѣсей и является въ сыромъ видѣ. Нерѣдко, для рѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, для уясненія той или другой стороны вопроса приходится довольствоваться данными, собранными съ предвзятою цѣлью и обнародованными съ умысломъ, неимѣющимъ ничего общаго съ желаніемъ разъяснить истинное положеніе дѣла. Несмотря на то, что мы могли, конечно, только намѣтить вопросъ, статьи наши обратили на себя вниманіе. Намъ доставлены по поводу ихъ нетолько заявленія, касающіяся существенныхъ сторонъ поднятаго нами вопроса, но и указанія такихъ фактовъ, которые до настоящаго времени не были еще обнародованы и потому оставались неизвѣстными и недоступными. Мы тѣмъ съ большею благодарностью относимся къ подобнымъ извѣщеніямъ, что они помогаютъ взглянуть на вопросъ возможно вѣрнѣе и облегчаютъ трудъ возможно точнѣе ограничить столь сложный вопросъ. Такими указаніями мы всегда готовы воспользоваться. Но не можемъ быть равнодушны и оставить безъ отвѣта усилія нашихъ «пессимистовъ» по среднеазіатскому вопросу представить наше положеніе въ Средней Азіи въ мрачномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, когда они думаютъ найти въ «Голосѣ» основы для своего пессимизма quand-même.

Въ № 23-мъ «Голоса», мы обратили вниманіе на «особое движеніе въ мусульманскомъ мірѣ»; въ № 105-мъ коснулись «борьбы кипчаковъ за господство мусульманъ въ Средней Азіи». Обѣ эти статьи не понравились пессимистамъ, и, недавно, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» было помѣщено «Нѣсколько словъ по среднеазіатскимъ дѣламъ», направленныхъ противъ названныхъ нашихъ статей. Укоряя насъ за «оптимистическій тонъ» статей по сред-

неазіатскимъ дѣламъ, московская газета указываетъ на статью въ № 105-мъ «Голоса», какъ на «офиціальный журналъ о военныхъ дѣйствіяхъ съ такого-то по такое-то число» и, на основаніи приведенныхъ нами фактовъ и соображеній, приходитъ къ убѣжденію, что въ вопросахъ, касающихся Средней Азіи, «пессимизмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ оптимизмъ».

Никогда еще злой умыселъ и недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу нашихъ пессимистовъ не наказывались такъ жестоко, какъ въ данномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что намъ были указаны въ нашемъ «офиціальномъ журналѣ» пропуски такихъ фактовъ, безъ которыхъ не могли быть сдѣланы и всесторонне вѣрныя заключенія; намъ доставлены, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно новыя данныя, до настоящаго времени еще необнародованныя. Тѣмъ и другимъ мы воспользуемся теперь, чтобъ показать пессимистамъ, какъ горько они ошибаются, надѣясь найти въ «Голосѣ» опору для своего пессимизма, которой они давно уже, но тщетно ищутъ въ ходѣ среднеазіатскихъ дѣлъ за послѣдніе годы.

Отмѣтимъ, прежде всего, фактъ невѣрный. По общераспространенному мнѣнію, «двигатели газата заставили Насреддина-хана написать письмо къ генералу-адъютанту Кауфману, чтобъ выиграть нѣсколько недѣль». Между тѣмъ, дѣло было не такъ: 31-го іюля, генералъ Кауфманъ пріѣхалъ изъ Семирѣчья въ Ташкентъ; ханскій посланецъ прибылъ наканунѣ и былъ тотчасъ же принятъ; отвѣтъ посланъ былъ съ нимъ 4-го августа, а въ ночь съ 5-го на 6-е августа получено въ Ташкентѣ извѣстіе о вторженіи значительныхъ непріятельскихъ партій въ пограничный Кураминскій Уѣздъ; 6-го августа, съ разсвѣтомъ, генералъ Головачовъ выступилъ изъ Ташкента противъ этихъ шаекъ и разбилъ ихъ; эти же войска направились далѣе къ Ходженту, а 19-го августа къ Кокану. Такимъ образомъ, вожаки мусульманскаго движенія, письмомъ своимъ къ генералу Кауфману, не выиграли нетолько нѣсколькихъ недѣль, но и нѣсколькихъ дней. Въ Азіи та именно политика и хороша, которая ведетъ дѣло независимо отъ азіатскихъ дипломатическихъ сношеній и не даетъ себя обманывать разными, болѣе или менѣе наивными уловками.

Мы упоминали уже, что хивинская экспедиція вывела изъ строя менѣе людей, чѣмъ коканская. Это фактъ, изъ котораго пессимистамъ едва ли удастся сдѣлать желанный для нихъ выводъ. Хива не представляла, какъ извѣстно, почти никакого сопротивленія нашему оружію; задача наша состояла въ томъ, чтобъ дойти до Хивы; вопросъ же о завоеваніи или покореніи былъ не особенно важенъ или труденъ. Собравъ на незначительномъ хивинскомъ оазисѣ большія силы, мы раздавили разомъ все, что только Хива могла намъ противопоставить. Въ Коканѣ, населеніе и средства обороны были гораздо значительнѣе, а средства наши для атаки гораздо слабѣе. Приводимъ, для сравненія, цифры. Собственно на территоріи ханствъ собрано было противъ

	Хивы:	Кокана:
пѣхоты. . .	44 роты	22 роты
кавалеріи. .	19 сотенъ	10 сотенъ
артилеріи. .	36 орудій	20 орудій.

Если принять въ соображеніе, что силы эти, особенно подъ конецъ коканскаго похода, были по необходимости разбросаны на значительныя разстоянія, то окажется, что противъ гораздо большихъ силъ и средствъ, какими обладалъ Коканъ въ сравненіи съ Хивой, мы имѣли вдвое менѣе средствъ для атаки.

Конечно, воевать съ ханами или эмирами легче, чѣмъ съ народными страстями и фанатизированнымъ мусульманскимъ населеніемъ; но такъ уже сложились, съ давнихъ поръ, дѣла въ Средней Азіи. Со времени первыхъ движеній нашихъ въ глубь среднеазіатскихъ степей, война среднеазіатцовъ противъ насъ не происходила иначе, какъ подъ знаменемъ «газата», т. е. священной войны. Такъ было въ періодъ до 1866 года, въ борьбѣ съ коканскими ханами; такъ было и во все время войны съ бухарскимъ эмиромъ, отъ первоначальнаго движенія къ Джизаку, въ январѣ 1866 года, до занятія нами Каршей въ октябрѣ 1868 года, т. е. въ теченіи почти трехъ лѣтъ. Страсти населенія всегда возбуждались, народъ всегда фанатизировался, и это всегда продолжается до тѣхъ поръ, пока народъ не увидитъ, что онъ битъ при всѣхъ встрѣчахъ съ русскими и что страна, имъ населенная, занята нашими войсками. Намъ недостаточно однѣхъ побѣдъ въ Средней Азіи — это показалъ многолѣтній и

много разъ повторенный опытъ: необходимо занятіе страны и принятіе ея подъ наше непосредственное управленіе. Одна Хива не была вся занята нашими войсками; но хивинское правительство поставлено въ положеніе, вполнѣ отъ насъ зависимое, почти равносильное полному занятію нашими войсками хивинской территоріи.

Подробности занятія Кокана подтверждаютъ эти соображенія и доказываютъ, что главный руководитель дѣла, генералъ-адъютантъ Кауфманъ 1-й вѣрно смотрѣлъ на событія. Послѣ первыхъ же успѣховъ, онъ занялъ Наманганъ, который составлялъ единственную и выгодную позицію, стоящую почти въ тылу въ той части ханства, которая давала главный контингентъ для войны съ нами; онъ именно ходатайствовалъ о присоединеніи всего праваго берега Нарына и Сыр-Дарьи для полученія этой позиціи. Между тѣмъ, генералъ-адъютантъ Кауфманъ исполнилъ верховную волю, нежелающую, какъ извѣстно, новыхъ завоеваній и всегда стремящуюся къ умиротворенію окраинъ и сосѣднихъ хановъ, отнюдь не лишая ихъ права быть хозяевами въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Сообразно съ этимъ, генералъ Кауфманъ первоначально, принявъ выраженіе покорности всего населенія ханства, обратилъ эту покорность въ пользу законнаго хана и вывелъ войска изъ ханства. Это и было единственною причиной, что война затянулась. Коканскіе честолюбцы, Абдурахманъ-автобачи и Пулатъ-бекъ, увѣрили легковѣрный народъ, что русскія войска оттого ушли на правый берегъ рѣки и выступили изъ страны, что они, будто бы, хотѣли завоевать Коканъ, но сдѣлать этого не могли.

Честолюбцы, умѣющіе возбуждать народныя страсти, успѣли поднять коканцовъ какъ противъ русскихъ, такъ и противъ Насредина-хана, человѣка слабохарактернаго, непопулярнаго и неопиравшагося ни на какую партію. Въ данномъ случаѣ, главнымъ двигателемъ была борьба партій: съ одной стороны—автобачи и Пулата, искавшихъ власти во что бы ни стало, съ другой—Насредина-хана; фанатизмъ же, какъ во всякой мусульманской странѣ, игралъ, конечно, извѣстную роль, но лишь какъ средство для достиженія цѣли, преслѣдуемой извѣстными политическими партіями, нѣкоторыми честолюбцами. Еслибъ очищеніе ханства не входило, какъ непре-

мѣнное условіе, въ програму дѣйствій нашихъ противъ Кокана, то, вѣроятно, послѣ махрамской побѣды, ханство было бы занято и наша кавалерія преслѣдовала бы остатки партіи автобачи. Русскіе чиновники безопасно разъѣзжали уже по ханству, собирая разныя статистическія и этнографическія свѣдѣнія. Дальнѣйшія военныя дѣйствія наши въ Коканѣ были прямымъ послѣдствіемъ оставленія ханства въ рукахъ хана, враги котораго были значительно сильнѣе его. Скажемъ болѣе: еслибъ экспедиція генерала Троцкаго, столь удачно исполненная, могла имѣть послѣдствіемъ расположеніе въ Андиджанѣ русскаго отряда и принятіе Андиджана въ подданство Россіи, то и въ такомъ случаѣ все могло ограничиться октябрскими дѣлами. Словомъ, необходимо было испросить разрѣшеніе на занятіе нашими войсками всего ханства, а не одной какой-нибудь части его.

Въ Азіи, самыя побѣдоносныя войска не могутъ безнаказанно уходить безслѣдно назадъ, даже послѣ наиболѣе славныхъ успѣховъ. Вслѣдствіе волненій въ ханствѣ, намъ пришлось, послѣ вторичнаго какъ бы отступленія нашихъ войскъ къ Намангану, взяться за активную оборону. Экспедиція въ Еки-су-арасы и Андиджанъ рѣшена была въ принципѣ еще до выступленія генерала-адъютанта Кауфмана изъ Намангана въ Ходжентъ, откуда и были дѣлаемы главнѣйшія приготовленія къ этому предпріятію.

Песимисты невѣрно поняли нашу характеристику кокапской войны и возликовали! Находя борьбу съ Коканомъ, сравнительно, продолжительною и упорною, мы объясняли это бо́льшою трудностью борьбы съ населеніемъ, чѣмъ съ ханами, и, вообще, съ деспотами среднеазіатскихъ ханствъ. Песимисты находятъ возможнымъ видѣть въ этомъ совершенно простомъ и естественномъ объясненіи какую-то заднюю мысль. Мы готовы признать, что это объясненіе даже невѣрно; но найти въ немъ заднюю мысль, по мѣньшей мѣрѣ, трудно. Съ какою-то радостью, ничѣмъ неоправдываемою, песимисты торжественно заявляютъ, въ № 106-мъ «Московскихъ Вѣдомостей», что «Голосъ», сдѣлавъ сперва «довольно туманный намёкъ» на связь мусульманскаго религіознаго движенія съ нашими дѣлами въ Туркестанѣ, выступилъ теперь «съ откры-

тнмъ заявленіемъ, что нельзя къ этимъ дѣламъ относиться слегка». Мы всегда были и остаемся того мнѣнія, что къ такимъ серьёзнымъ вопросамъ, какъ среднеазіатскій, относиться *слегка* нетолько нельзя, но даже непростительно. Только такимъ отношеніемъ *слегка* мы и объясняемъ неумѣстныя ликованія песимистовъ по поводу замѣтки нашей о «длинной и упорной» борьбѣ, какъ мы назвали коканскую экспедицію. Для разъясненія, считаемъ необходимымъ напомнить этимъ господамъ слѣдующіе факты, которые заставятъ ихъ иначе относиться къ нашимъ словамъ и придадутъ имъ болѣе точности и опредѣленности.

Борьба съ прежними властителями Коканскаго Ханства продолжалась до занятія Ташкента и Курамы *болѣе двухъ лѣтъ*. Во главѣ ханства стоялъ тогда правителемъ весьма способный и энергическій человѣкъ—Алимкулъ. Онъ былъ смертельно раненъ подъ Ніазбекомъ до взятія нами Ташкента. Со смертью этого способнаго человѣка борьба для насъ значительно облегчилась и вскорѣ совершенно окончилась, когда на престолъ вступилъ Худояръ-ханъ, пожелавшій спокойствія. Какъ извѣстно, борьба съ эмиромъ бухарскимъ продолжалась *три года*. Тутъ были и страсти, и фанатизированное населеніе—по крайней мѣрѣ, въ лѣто 1868 года, послѣ занятія русскими войсками Самарканда. Мы имѣли дѣло и съ войсками эмира, и съ населеніемъ, поднятымъ противъ насъ на «газатъ»; но не было ни Алимкула, ни Абдурахмана-автобачи. Послѣдній эпизодъ этой трехлѣтней борьбы съ народомъ продолжался съ 1-го мая по 23-е іюня—менѣе двухъ мѣсяцовъ. Тѣмъ неменѣе, борьба эта стоила намъ 734 человѣкъ убитыми и раненными. Одна защита цитадели Самарканда обошлась въ 221 человѣка потери; штурмъ Ура-Тюбе—227 человѣкъ, Джизака — 98 человѣкъ. Въ борьбѣ же съ Коканомъ, въ 1875 и 1876 годахъ, мы потеряли всего 242 человѣка убитыми и раненными, считая въ томъ числѣ и потери наши на Зеравшанѣ у Вишаба и Одурдана, при усмиреніи горнаго населенія матчинцовъ, которое стоило намъ 50 человѣкъ выбывшими изъ строя. Слѣдовательно, въ борьбѣ собственно съ Ко-

каномъ потеря наша была менѣе 200 человѣкъ. Послѣдніе успѣхи генерала Скобелева, со дня выступленія его въ Еки-су-арасы до взятія штурмомъ Учь-Кургана барономъ Моллеромъ-Закомельскимъ, стоили намъ 27 человѣкъ выбывшими изъ строя.

Таковы факты, которыхъ пессимисты, очевидно, не знаютъ или не хотятъ знать. Въ виду ихъ можно ли нашу характеристику борьбы съ кипчаками, которую мы назвали *небывалою*, относить къ продолжительности и упорству? Война эта, дѣйствительно, «небывалая» въ Средней Азіи, но не по ея продолжительности или упорству, а по ея исполненію въ военномъ отношеніи. Война была, дѣйствительно, славная: солдаты и ихъ начальники вели себя геройски; имѣя дѣло съ непріятелемъ, превосходившимъ ихъ въ 20 и даже въ 30 разъ; они дѣлали суворовскіе переходы и оказывали суворовскіе подвиги. Въ коканской экспедиціи войска наши доказали, что во всѣхъ отношеніяхъ имѣютъ право на славное имя, на благодарность отечества за свои труды, за свое самоотверженіе. Эта война, дѣйствительно, небывалая и по другимъ еще причинамъ: обыкновенно, войны въ Средней Азіи предпринимались въ прежнее время при обстановкѣ совершенно иной—предстоящія трудности преувеличивались, личныя заслуги выставлялись впередъ и себялюбивые интересы руководили предпріятіемъ. Въ коканской экспедиціи мы видимъ не то: виновникъ всѣхъ успѣховъ, подготовитель всего дѣла передаетъ его въ другія руки и спокойно, съ увѣренностью, что избранные имъ люди исполнятъ въ точности его предписанія, все предусматривавшія и обо всемъ позаботившіяся, уѣзжаетъ въ Петербургъ, предоставляя другимъ пожинать лавры...

Вопросъ о мусульманскомъ движеніи—вопросъ серьёзный, сложный. Сами же пессимисты признаютъ, что мы успѣли лишь сдѣлать на него намёкъ, да и то, по ихъ словамъ, «туманный». Зачѣмъ же они, не будучи въ силахъ сами справиться съ этимъ вопросомъ, укоряютъ насъ, что мы не совѣтуемъ относиться къ этому вопросу слегка? Что отвѣтятъ они намъ, если мы представимъ имъ рядъ фактовъ совершенно иного порядка, свидѣтельствующихъ, напротивъ, что общее мусульманское движеніе трудно усмотрѣть въ Средней Азіи?

Такихъ фактовъ немало. Въ самомъ дѣлѣ, какое тутъ общее мусульманское движеніе, когда мы видимъ, что Пулатъ-бекъ, объявившій себя ханомъ и стоящій офиціально во главѣ движенія, поддерживаетъ власть свою тѣмъ, что рѣжетъ у своихъ новыхъ подданныхъ, для фанатизированія ихъ противъ кяфировъ, по 20-ти головъ въ день? Во время борьбы съ Бухарой, Коканъ не шелохнулся; во время удаленія почти всѣхъ свободныхъ войскъ въ Хиву, Бухара и Коканъ, равно какъ и все мусульманское населеніе, намъ подвластное, продолжали заниматься своимъ дѣломъ, оставались спокойными и одни только кипчаки бунтовали противъ своего хана, желая избавиться отъ его власти. Когда мы воевали съ Коканомъ, также точно Бухара, Хива, Кашгаръ, все мусульманское населеніе нашихъ владѣній не шевельнулось. Тотчасъ послѣ занятія нами Кокана, со всѣхъ концовъ Туркестана явились многочисленныя депутаціи почетныхъ жителей и духовныхъ лицъ съ поздравленіями; посольства изъ Бухары, Кашгара и Хивы спѣшили принести поздравленіе съ побѣдой...

Мы увѣрены, что при неуспѣхѣ, при неудачѣ дѣло было бы, конечно, иначе. Это весьма естественно. Мусульмане и христіане, туземцы и пришельцы, побѣжденные и побѣдители—тутъ всѣ элементы для пожара. Вотъ почему въ Средней Азіи нужна осторожность, твердость и, главное, честность, которая понимается и цѣнится даже такимъ развращеннымъ населеніемъ, какъ кипчаки, и такими безобразными властителями, какъ мусульманскіе владыки. Но гдѣ же во всемъ этомъ данныя для пессимистическихъ ожиданій? Мы давно уже, открыто и прямо, высказали нашъ «оптимизмъ», который многимъ не нравится; но до тѣхъ поръ, пока судьбы нашихъ владѣній въ Средней Азіи будутъ находиться въ тѣхъ надежныхъ и честныхъ рукахъ, въ которыхъ они находятся въ настоящее время, нашъ «оптимизмъ» останется, мы убѣждены, единственно вѣрнымъ взглядомъ на среднеазіатскія дѣла.

1 Ал 2

Голос. 1876 г. № 24

Ташкентская телеграма «Международнаго Телеграфнаго Агентства» извѣстила уже о возвращеніи генерала Скобелева съ нагорной плоскости Памира и съ Алайскихъ Горъ; изъ приказа же командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, отъ 26-го іюля, видно, что цѣль этой, «вполнѣ успѣшно» оконченной экспедиціи заключалась въ усмиреніи каракиргизовъ, кочующихъ въ Алайскихъ Горахъ. Вотъ что̀ сказано объ этомъ въ приказѣ генерала-адъютанта фон-Кауфмана 1-го: «Непризнавшіе власти нашей въ бывшемъ Коканскомъ Ханствѣ каракиргизы, кочующіе въ Алайскихъ Горахъ, стали, въ послѣднее время, собираться въ шайки, болѣе или менѣе значительныя, съ очевидною цѣлью грабить, по укоренившемуся у нихъ съ давнихъ поръ обычаю, мирныхъ осѣдлыхъ жителей Ферганской Долины, и тѣмъ, быть можетъ, поднять противъ насъ недавно успокоившееся населеніе. Я приказалъ генералу-майору Скобелеву двинуть къ горамъ небольшіе отряды, которыми занять главнѣйшіе выходы изъ горъ на долину, и идти съ главными силами на восточную часть горъ, гдѣ скопище, подъ предводительствомъ новаго претендента, Абд-уль-Керима-бека, и спасшихся отъ нашихъ ударовъ, бывшихъ сподвижниковъ самозванца Пулата-бека, казненнаго въ Маргеланѣ, Абдула-бека, Омара-бека, Сулеймана-удайчи и другихъ, собралось въ значительномъ числѣ. Къ нему присоединились кочевники этой части горъ, вынужденные къ тому угрозами возмутителей спокойствія Во исполненіе этого распоряженія, генералъ-майоръ Скобелевъ изъ гарнизоновъ Андижана, Оша и Гульши сформировалъ нѣсколько летучихъ отрядовъ, которые, подъ личнымъ его начальствомъ, направились противъ главнаго скопища каракиргизовъ, укрѣпившихся въ неприступной, по мнѣнію жителей, позиціи на берегахъ рѣкъ Турука и Шота. Изъ гарнизоновъ другихъ крѣпостей и городовъ Ферганской Долины, по всей оборонительной нашей линіи на главныхъ путяхъ, заняты пункты: Костакозъ, Исфара, Сохъ, Вуадиль, Уч-курганъ и Наукатъ небольшими отрядами войскъ. Этими распоряженіями прикрывалась долина отъ вторженія грабителей. Руководство дѣйствіями этихъ отдѣльныхъ отрядовъ возложено было на помощника командующаго войсками Ферганской Области, флигель-адъютанта, полковника барона Меллера-Закомельскаго. Генералъ Скобелевъ, прибывъ въ Ошъ, двинулся съ отрядомъ изъ 3-й и 4-й ротъ 1-го туркестанскаго стрѣлко-

ваго батальйона, половиной 2-й сотни 1-го сибирскаго казачьяго полка, двумя ракетными станками, горнымъ орудіемъ и небольшою саперною командою по ущелью рѣки Акъ-Бура, къ селенію Попанъ. Роту конныхъ стрѣлковъ съ двумя ракетными станками направилъ влѣво по рѣчкѣ Талдыкъ, подъ начальствомъ майора Іонова, а 1-ю и 2-ю уральскія сотни съ двумя ракетными станками, со взводомъ 2-й роты 1-го туркестанскаго стрѣлковаго батальйона, подъ начальствомъ флигель-адъютанта, полковника князя Ватгенштейна, вправо къ кургану Омара-бека, предполагая атаку сильно укрѣпленнаго ущелья Турукъ (среднее теченіе Ак-Бура) среднею колонною, подъ своимъ личнымъ начальствомъ; боковыми же колоннами майора Іонова и полковника князя Витгенштейна обойти непріятельскую позицію для нападенія на нее съ фланговъ и съ тыла. Для окончательнаго уничтоженія скопища, генералъ-майоръ Скобелевъ распорядился выслать изъ гарнизона крѣпости Гульши отрядъ изъ двухъ ротъ 4-го туркестанскаго линейнаго и двухъ ротъ 14-го туркестанскаго линейнаго батальйоновъ, сотни 5-го сводnаго казачьяго полка, въ Кызылъ-Курганъ, отъ котораго долженъ былъ отдѣлиться небольшой отрядъ на перевалъ Кичи (малый) Аалая, на путь отступленія непріятеля. Отрядъ этотъ долженъ былъ идти подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Куропаткина, который, при переѣздѣ изъ Оша въ Гульшу, ночью, подвергся нападенію разбойничьей шайки, былъ тяжело раненъ въ руку. Тогда начальство надъ отрядомъ принялъ 4-го туркестанскаго линейнаго батальйона майоръ Радзѣіовской. Несмотря на испорченныя горныя тропы, высокіе перевалы и горныя трущобы, отряды безъ обозовъ неимовѣрными усиліями всѣхъ начальниковъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ сдѣ-

лали свое дѣло. Непріятель, мечтавшій о невозможности атаки его при столь трудныхъ условіяхъ, увидя себя обойденнымъ и предвидя конечную для себя гибель, бѣжалъ, спасаясь, бо́льшею частью, въ разбродъ, по свободнымъ еще тропинкамъ, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько захваченныхъ пикетовъ и до двухъ тысячъ головъ скота, который генераломъ Скоболевымъ былъ розданъ въ награду тѣмъ изъ жителей, которые содѣйствовали намъ въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, предпріятіе наше благоразумными и энергическими распоряженіями генерала Скоболева и напряженіемъ славныхъ туркестанскихъ войскъ, передъ которыми не устоятъ ни препятствія, поставляемыя природою, ни многочисленныя скопища непріятеля, ни способы къ укрѣпленію неприступныхъ, повидимому, позицій, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, безъ кровопролитія. Честь и слава храбрымъ молодцамъ туркестанцамъ. Дальнѣйшія дѣйствія генерала Скобелева въ горахъ, надо ожидать, дадутъ въ скоромъ времени прочное спокойствіе какъ осѣдлому, такъ и кочевому населенію Ферганской Области. Я счастливъ, что имѣлъ снова случай благодарить всѣхъ, отъ главнаго начальника до младшаго изъ его подчиненныхъ, и о такихъ подвигахъ туркестанцовъ довести до высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія».